

Тана Френч Тайное место

18+

роман

Абсолютно завораживающее чтение.

ГИЛЛИАН ФЛИНН

Тана Френч
Тайное место

«Фантом Пресс»

2014

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

Френч Т.

Тайное место / Т. Френч — «Фантом Пресс», 2014

ISBN 978-5-86471-799-8

В дорогой частной школе для девочек на доске объявлений однажды появляется снимок улыбающегося парня из соседней мужской школы. Поверх лица мальчишки надпись из вырезанных букв: Я ЗНАЮ, КТО ЕГО УБИЛ. Крис был убит уже почти год назад, его тело нашли на идиллической лужайке школы для девочек. Как он туда попал? С кем там встречался? Кто убийца? Все эти вопросы так и остались без ответа. Пока однажды в полицейском участке не появляется девушка и не вручает детективу Стивену Морану этот снимок с надписью. Стивен уже не первый год ждет своего шанса, чтобы попасть в отдел убийств дублинской полиции. И этот шанс сам приплыл ему в руки. Вместе с Антуанеттой Конвей, записной стервой отдела убийств, он отправляется в школу Святой Килды, чтобы разобраться. Они не понимают, что окажутся в настоящем осином гнезде, где юные девочки, такие невинные и милые с виду, на самом деле опаснее самых страшных преступников. Новый детектив Таны Френч, за которой закрепилась характеристика «ирландская Донна Тартт», – это большой психологический роман, выстроенный на превосходном детективном каркасе. Это и психологическая драма, и роман взросления, и, конечно, классический детектив с замкнутым кругом подозреваемых и развивающийся в странном мире частной школы.

УДК 821.111

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-86471-799-8

© Френч Т., 2014
© Фантом Пресс, 2014

Содержание

Пролог	7
1	9
2	19
3	24
4	35
5	41
6	51
7	56
8	77
9	84
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Тана Френч

Тайное место

© Мария Александрова, Глеб Александров, перевод, 2018

© Андрей Бондаренко, оформление, 2018

© “Фантом Пресс”, издание, 2018

* * *

*Дане, Елене, Марианне и Куин Джао, которые, к счастью, были
совсем другими*

Пролог

Эту песню постоянно крутят по радио, но каждый раз Холли улавливает только отдельные слова. *Вспомни, о вспомни, когда мы были* – женский голос, звонкий и пронзительный, легкий стремительный ритм заставляет приподняться на цыпочки, и сердце начинает стучать в такт. Она все хочет спросить: *Что это?* Но никак не удается уловить достаточно, чтобы было о чем спрашивать. То у них серьезный разговор, то надо спешить на автобус, а когда наступает подходящий момент, мелодия ускользает и в тишину врывается Рианна или Ники Минаж.

На этот раз песня доносится из машины – у автомобиля опущен верх, наверное, чтобы ухватить все доступное сегодня солнце, уцепить сколько удастся лета, которое завтра может внезапно закончиться. Откуда-то из-за зеленой изгороди мелодия просачивается на детскую площадку парка, где они застряли по пути из магазина, перебирая школьные покупки и доедая подтаявшее мороженое. Холли задумчиво покачивается на качелях и, запрокинув голову, разглядывает сквозь ресницы солнечный диск, но вдруг выпрямляется, прислушиваясь.

– Вот эта песня, – говорит она, – как...

Но тут Джулия роняет себе на волосы шарик мороженого и спрыгивает с карусели с воплем “Твою мать!”, и к тому моменту, как она выхватила у Бекки салфетку, а у Селены бутылочку с водой и отмыла липкие пряди, непрерывно ругаясь, – в основном просто чтобы вогнать Бекку в краску, судя по брошенному в сторону Холли лукавому взгляду, мол, она выглядит так, как будто на нее кто-то кончил, машина уже далеко.

Холли доедает мороженое и расслабленно прогибается, повиснув на качелях, следя, чтобы концы волос не мели землю, и глядя на остальных снизу вверх и сбоку. Джулия улеглась на площадку карусели и начинает медленно вращать ее, отталкиваясь ногами; карусель скрипит привычно и умиротворяюще. Селена растянулась на животе рядом с подругой, роясь в сумке с покупками и позволяя Джулии работать в одиночку. Бекка ползает по детской паутинке и аккуратно облизывает мороженое кончиком языка, проверяя, на сколько можно растянуть одну порцию. Уличный шум и крики мальчишек за изгородью даже почти не раздражают, их размыло солнышко и расстояние.

– Осталось двенадцать дней, – говорит Бекка, проверяя, рады ли остальные этой новости. Джулия поднимает свой рожок с мороженым, как бокал; Селена чокается с ней тетрадкой по математике.

Громадный фирменный пакет, стоящий около качелей, радует Холли, даже когда она не смотрит на него. Хочется запустить туда обе руки и голову, ощутить пальцами первозданную новизну: глянцевая папка на кольцах, уголки еще не отбиты; клевые карандаши, заточенные так остро, что ими пораниться можно; готовальня, в которой все мелкие предметы пока на месте и ослепительно блестят. И то, что она впервые купила в этом году, – пушистые желтые полотенца, обвязанные ленточками; покрывало в широкую желто-белую полоску, затянутое в пластик.

Чип-чип-чип-чурррр, звонко поет птичка где-то в тени. Жара. Знойный воздух словно медленно обугливает предметы от краев к центру. Если смотреть на Селену снизу вверх, видна только волна волос и ясная улыбка.

– Сетки! – внезапно восклицает Джулия.

– Хм? – Селена не отводит глаз от охапки кистей в руке.

– В списке для пансиона. Там есть “две сетки для стирки”. Слушайте, где их брать? И что с ними делают? Я вообще никогда не видела сеток для стирки.

– Это чтобы в прачечной не потерялись вещи, – объясняет Бекка. Бекка и Селена живут в пансионе с самого начала, с двенадцати лет. – Чтобы к тебе не попали чьи-нибудь гадкие труссы.

– Мама мне купила на прошлой неделе. – Холли садится. – Я могу спросить где. – Произнося эти слова, она чувствует запах теплого белья, которое мама достает из сушилки, и вспоминает, как они обычно вместе встряхивают простыни, аккуратно складывая, и как фоном звучит Вивальди. На один краткий миг мысль о пансионе рождает внутри вакуум, засасывающий в себя пространство, сковывающий грудь. Она готова в голос позвать маму с папой, броситься к ним и умолять оставить ее дома насовсем.

– Хол, – Селена ласково улыбается, когда карусель приносит ее обратно, – будет классно, вот увидишь.

– Ага, – соглашается Холли. Бекка озабоченно смотрит на нее, вцепившись в стойку паутинки. – Я знаю.

И все, прошло. Только слегка саднит: еще есть время передумать, решай скорей, пока не стало слишком поздно, беги-беги-беги домой и спрячь голову в песок. *Чип-чип-чуррр*, громко поддразнивает маленькая невидимая птичка.

– Я забиваю кровать у окна, – объявляет Селена.

– Ага, вот еще, – возражает Джулия. – Нечестно забивать себе место, когда мы с Хол даже не знаем, как выглядит комната. Придется подождать.

Селена смеется, и они медленно возвращаются на детской карусели в жарком колышущемся мареве.

– Ты что, окон не видела? Решай, да или нет.

– Я решу, когда войду в комнату. Смирись.

Бекка все так же наблюдает за Холли из-под насупленных бровей, не забывая по-кроличьи торопливо обгрызать вафельный рожок.

– Я забиваю кровать подальше от Джулии, – говорит Холли. Третий год¹, в комнатах живут по четыре человека, вот и они будут там вместе, вчетвером. – Она храпит, как тонущий буйвол.

– Да хрен тебе. Я сплю, как маленькая сказочная принцесса.

– Ты тоже иногда храпишь, – говорит Бекка и краснеет от собственной смелости. – В прошлый раз, когда я у тебя ночевала, я прямо *чувствовала* твой храп, вся комната вибрировала.

Тут Джулия торжествующе показывает Холли средний палец, Селена хохочет, и Холли тоже улыбается и уже дожидаться не может следующего воскресенья.

Чип-чип-чуррр, напоследок поет птичка, лениво и протяжно, впадая в дрему. И смолкает.

¹ Система образования в Ирландии состоит из нескольких ступеней. Начальная школа, 5–12 лет; средняя школа включает два цикла: младший, в течение трех лет (с 12 до 15), который завершается государственным экзаменом, и старший (с 16 до 18 лет), по окончании которого сдаются экзамены для получения сертификата о полном среднем образовании. Старший цикл включает в себя переходный год. Таким образом, третий год обучения – это подростки 15 лет, а к началу переходного года им исполняется уже 16. – *Здесь и далее примеч. перев.*

1

Она сама меня разыскала. Обычно люди стараются держаться от нас подальше. Неразборчивое бормотание по номеру горячей линии, *В 95-м я видел, как...* никаких имен, и щелчок отбоя, если попросишь уточнить. Письмо, набранное на компьютере и отправленное из другого города, на конверте и бумаге никаких отпечатков. Если человек оказывается нам нужен, приходится долго его вычислять и выслеживать. Но она – она сама пришла, и именно ко мне.

Я ее не узнал. Я только что поднялся по лестнице и спешил в свой отдел. Майское утро, а по ощущениям – лето, солнце шпарит сквозь стекло, ярко освещая трещины на оштукатуренных стенах. Я мурлыкал на ходу песенку, подпевая мелодии, звучавшей в голове.

Конечно, я не мог ее не заметить. Она устроилась на обшарпанном кожаном диване в углу, нога на ногу, скрестив руки. Платиновая блондинка, волосы завязаны в длинный хвост; строгая школьная форма: юбка в сине-зеленую клетку, синий пиджак. Я подумал, что это просто чей-то ребенок, ждет, когда папа поведет ее к дантисту. Дочка старшего инспектора, например, – да кого угодно с большей, чем у меня, зарплатой. Дело не только в гербе на школьном блейзере. Изящно-небрежная расслабленная поза, надменно вздернутый подбородок, как будто это место – ее по праву, если ей вдруг взбредет в голову заняться канцелярской писаниной. Я прошел мимо – коротко кивнув на случай, если она и впрямь дочка начальника, – и направился в отдел.

А вот узнала ли меня она? Может, и нет. Прошло целых шесть лет, она была совсем ребенком, а во мне ничего примечательного, кроме рыжих волос. Забыла, должно быть. А может, и признала, но не подала виду по собственным причинам.

Она дождалась, пока секретарша объявила, указывая карандашом в сторону дивана:

– Детектив Моран, с вами хотят поговорить. Мисс Холли Мэкки.

Я резко развернулся, солнечный зайчик блеснул, ослепив на мгновение. Ну разумеется. Глаза-то должен был узнать. Большие, ярко-синие, и в придачу утонченные полукружия век: люди-кошки, бледная девушка с сережкой со старинной картины, тайна.

– Холли, – протянул я руку. – Привет. Давно не виделись.

Несколько секунд эти немигающие непроницаемые глаза пристально изучали меня, впитывая информацию. Потом она встала. Руку она все еще пожимала по-детски, торопливо выдергивая ладошку.

– Привет, Стивен.

Приятный голос. Ясный и спокойный, без этого мультяшного повизгивания. Выговор высший класс, но без понтового карикатурного аристократизма. Отец ей никогда бы не позволил таких выкрутасов. Сразу долой форменный блейзер и марш в муниципальную школу.

– Чем могу помочь?

Немного тише:

– Я вам кое-что принесла.

Тут я растерялся. Десять минут десятого, школьная форма – она прогуливает, это непременно обнаружат. И пришла она явно не с поздравительной открыткой, столько-то лет спустя.

– Да?

– Ну *не здесь* же.

Она выразительно покосилась на секретаршу: разговор будет *конфиденциальный*. Девочка-подросток, смотри в оба. Дочь детектива, будь вдвойне настороже. Но это Холли Мэкки – впутай кого-нибудь, кто ей не по душе, и пиши пропало.

– Давай поищем место, где можно поговорить спокойно.

Я работаю в отделе нераскрытых преступлений, всяков по-нашему. Когда мы беседуем со свидетелями, им кажется, что это не всерьез, не настоящее расследование убийства, без

пистолетов и наручников, ничего такого, что врывается в их жизнь, как торнадо. Дело прошлое, размытое, полузабытое, расплывающееся по краям. А мы подыгрываем. Наша комната для допросов похожа на уютную приемную стоматолога: мягкие диваны, на окнах жалюзи, на стеклянном столике стопка зачитанных журналов. Отвратительный чай и кофе. Можно и не заметить видеокамеру в углу и одностороннее зеркало за шторкой, если не хочется их видеть, а им, конечно же, не хочется. Не волнуйтесь, сэр, всего несколько минут, и вы спокойно пойдете домой.

Туда я и привел Холли. Другая на ее месте вертела бы головой всю дорогу, но для Холли тут не было ничего нового. Она шла по коридору, как по своей квартире.

А я наблюдал за ней. Она, конечно, потрясюще повзрослела. Среднего роста или чуть ниже. Стройная, очень стройная, но выглядит естественно, никакой голодной истощенности. Формы уже обозначены. Не ослепительная красавица – во всяком случае, пока еще нет, – но и ничего уродливого, никаких брекетов, прыщей и прочего, а благодаря глазам она не казалась еще одним клоном образцовой блондинки, на нее хотелось оборачиваться.

Ухажер ударил? Лапал, изнасиловал? И Холли предпочла прийти ко мне, а не к незнакомцу из отдела сексуальных преступлений?

Кое-что принесла. Улику?

Она прикрыла за собой дверь комнаты для допросов, огляделась.

Я небрежным движением включил камеру.

– Садись.

Холли осталась на месте. Провела пальцем по зеленым потертостям дивана.

– Эта комната симпатичнее, чем те, что были раньше.

– Как вообще поживаешь?

Она продолжала изучать комнату, на меня не смотрела.

– Нормально.

– Хочешь чаю? Или кофе?

Качнула головой.

Я ждал.

– А вы возмужали, – сказала Холли. – Раньше были похожи на студента.

– А ты была маленькой девочкой, которая ходила на допросы с куклой. Клара ее звали, верно? – Это вынудило ее таки повернуться ко мне. – В смысле, мы оба повзрослели, я об этом.

Она впервые улыбнулась. Намек на улыбку, в точности как я запомнил. В этом было что-то очень трогательное и тогда, давно, всякий раз меня цепляло. И вот опять.

– Рада вас видеть, – сказала она.

Когда Холли было девять-десять лет, она стала свидетельницей в деле об убийстве. Дело вел не я, но именно я с ней беседовал. Я зафиксировал ее показания, подготовил ее к появлению на суде. Она не хотела туда идти, но все-таки согласилась. А может, ее папочка-детектив заставил. Кто ее знает. Даже когда ей было девять, я не питал иллюзий, что могу ее понять.

– Я тоже.

Короткий решительный вздох, так что плечи приподнялись, кивок – самой себе, словно что-то щелкнуло. Она уронила на пол школьный рюкзак. Подцепила пальцем лацкан форменного блейзера, демонстрируя мне вышитую на нем эмблему.

– Я теперь учусь в Килде. – Сказав это, она уставилась на меня, наблюдая за реакцией.

Я только кивнул, но сразу почувствовал себя неотесанным нахалом. Школа Святой Килды, о таких заведениях типы вроде меня и слышать-то не должны. Я и не знал бы о ней никогда, если бы не труп одного парнишки.

Средняя школа для девочек, частная, зеленый пригород. Монашки. Год назад две монахини вышли на рассвете прогуляться и в роще на дальнем конце школьной территории обнаружили лежащего юношу. Сначала они приняли его за спящего – вероятно, пьяного. В гнев

ринулись к нему, дабы напомнить о семи смертных грехах, очистить от скверны и заодно выяснить, на чьи добродетели он посягнул. И прогремел грозный глас целомудрия: *Молодой человек!* А он не шелохнулся.

Кристофер Харпер, шестнадцати лет, из школы для мальчиков через одну улицу и две чрезвычайно высокие стены отсюда. Той ночью кто-то проломил ему голову.

Людей было задействовано – можно жилой квартал построить, сверхурочных выплачено столько, что можно все закладные оплатить, а уж бумаг по этому делу хватило бы, чтобы запрудить реку. Подозрительный сторож, случайный работяга – исключено. Одноклассник, с которым они как-то подрались, – исключено. Угрожающего вида местные мигранты, привлекавшиеся за мелкие правонарушения, – исключено.

И все. Больше никаких идей. Ни единого подозреваемого и ни малейшего представления, почему Кристофер вообще оказался на территории Святой Килды. А потом все сошло на нет – все меньше времени, все меньше людей. Никто не заявил бы этого прямо, все-таки жертвой был подросток, но на практике дело закрыли. К настоящему моменту все документы хранятся в архивах отдела убийств. Рано или поздно до начальства дойдут какие-нибудь скандальные намеки из прессы, дело откопают и подбросят нам, в бар “Последний шанс”.

Холли пригладила лацкан.

– Вы ведь знаете про Криса Харпера, да?

– Да, – кивнул я. – Ты тогда уже училась в Святой Килде?

– Ага. Я там с первого года. А сейчас уже на четвертом.

И опять замолчала, вынуждая меня делать очередной шаг. Один неверный вопрос – и она уйдет, разочарованная во мне: слишком старый, очередной бесполезный взрослый, который не в состоянии ничего понять. Я осторожно прощупал почву:

– Ты живешь в пансионе?

– Да, последние два года. Но только с понедельника по пятницу. На выходные уезжаю домой.

В какой же день это произошло, не помню.

– Ты была в школе в ту ночь, когда это случилось?

– В ночь, когда убили Криса.

Короткая вспышка раздражения. Папина дочка: не выносит, когда ходят вокруг да около, – во всяком случае, когда это делают другие.

– В ночь, когда убили Криса, – согласился я. – Ты была там?

– Там я, естественно, не была. Но в школе – да.

– Ты что-то видела? Или слышала?

Вновь раздраженно, на этот раз куда более выразительно:

– Меня об этом уже *спрашивали*. Следователи. Они допросили нас, не знаю, *тысячу* раз, не меньше.

– Но с тех пор ты могла что-то припомнить, – примирительно сказал я. – Или передумать насчет того, о чем следует промолчать.

– Я не *дура*. И в курсе про все ваши штуки. Забыли? – Она уже готова была развернуться к двери.

Сменим тактику.

– Ты была знакома с Крисом?

Холли успокоилась.

– Постольку-поскольку. Наши школы сотрудничают, поневоле познакомишься. Мы не дружили, ничего такого, просто наши компании зависали вместе пару раз.

– Что он был за человек?

Пожимает плечами:

– Парень как парень.

– Он тебе нравился?

Вновь движение плечами:

– Нормальный.

Дело в том, что я немного знаю папочку Холли. Фрэнк Мэкки работает под прикрытием. Столкнешься с ним нос к носу – он увильнет; зайдешь сбоку – ринется в лоб. Я сказал:

– Ты пришла, потому что хотела мне что-то сообщить. Я не намерен играть в угадайку, в которой все равно не смогу победить. Если ты не уверена, что готова говорить, уходи и возвращайся, когда надумаешь. Если все же готова, выкладывай.

Холли явно понравился такой подход. Она едва не улыбнулась в ответ, но просто кивнула.

– Есть такая доска, – сказала она. – У нас в школе. Доска объявлений. На верхнем этаже, напротив художественной мастерской. Ее называют Тайное Место. Если у тебя есть тайна, ну, там, ненавидишь своих родителей, например, или тебе нравится какой-нибудь парень, можешь написать про это на бумажке и прикрепить туда.

Спрашивать зачем, видимо, бессмысленно. Девочки-подростки – понять невозможно. У меня есть сестры. Я давно отучился задавать лишние вопросы.

– Вчера вечером мы с девчонками занимались в мастерской – работали над проектом. Я забыла там наверху свой телефон, но вспомнила про него только после отбоя, поэтому вчера за ним не вернулась. И пошла туда сегодня с утра пораньше, еще до завтрака.

Слишком гладко излагает – не моргнув глазом, ни тени нерешительности. Будь это другая девчонка, я бы сразу сказал, что все это чушь собачья. Но Холли существо опытное, да к тому же у нее такой папаша – с него станется снимать показания всякий раз, стоит ей опоздать вечером домой.

– Я глянула на доску, – продолжала Холли. Наклонилась к своему рюкзаку, открыла. – Просто по пути к мастерской.

Вот оно: рука замерла над зеленой папкой. Она помедлила, не глядя на меня. Волосы, связанные в хвост, упали, скрывая профиль. Занервничала наконец-то. Не такие уж мы холодные и невозмутимые, оказывается. Потом она выпрямилась и вновь встретилась со мной взглядом, лицо опять непроницаемое. Вытянула руку, вручая мне зеленую папку. И отдернула, едва я коснулся ее, так стремительно, что я едва не выронил.

– Вот это было на доске.

На папке надпись: “Холли Мэкки, 4Л, Обществоведение”. Внутри – прозрачный пластиковый конверт. В нем – канцелярская кнопка, свалившаяся в самый угол, и фотография.

Его я узнал гораздо быстрее, чем саму Холли. Это лицо неделями не сходило с первых полос всех изданий и с телевизионных экранов, красовалось во всех полицейских сводках.

Снимок, правда, другой. Парня застигли в момент, когда он обернулся, глядя через плечо. Слегка размытый фон – желтые осенние листья. Весело смеется. Симпатичный. Блестящие каштановые волосы, зачесанные, как у поп-музыканта, но густые, изогнутые книзу брови, делали его похожим на забавного щенка. Кожа чистая, щеки румяные; всего несколько веснушек на скулах, и только. Подбородок, который вполне мог с годами стать мужественным, если бы ему дали время. Широкая улыбка, от которой разбегаются мелкие морщинки вокруг глаз и носа. Немножко нахальный, немножко милый. Юный и все прочее, что всплывает в сознании, когда вы слышите слово “юный”. Летняя влюбленность, герой для младшего брата, пушечное мясо.

А прямо на его голубой футболке, чуть ниже лица, наклеены буквы, вырезанные из книжки, – прилеплены с большими промежутками, как в записках о выкупе. Краешки аккуратные, вырезано тщательно.

Я знаю, кто его убил.

Холли молча смотрела на меня.

Я перевернул конверт. Обычная белая карточка, такую можно купить где угодно, чтобы напечатать свою фотографию, например. Никаких других подписей, ничего.

– Ты это трогала руками? – спросил я.

Выразительно закаченные к потолку глаза.

– Разумеется, нет. Я вернулась в мастерскую, нашла это, – она показала на конверт, – и деревянный ножик. Подцепила ножом кнопку, вытащила, а записку подхватила в конверт.

– Отличная работа. А что потом?

– Спрятала под блузку, а у себя в комнате сунула в папку. Потом сказалась больной и улеглась обратно в кровать. Пришла медсестра, я наплела ей чего-то, а потом смылась потихоньку из школы и явилась сюда.

– Почему?

Холли возмущенно вытаращила глаза:

– Потому что я думала, что вы, парни, захотите *это узнать*. Если вам пофиг, я просто выкину все это к черту и вернусь в школу, пока там не обнаружили, что я сбежала.

– Мне не пофиг. Я просто в восторге, что ты это обнаружила. Мне лишь интересно, почему ты не отнесла карточку учителям или своему отцу.

Короткий взгляд на стенные часы (заодно заметила видеокамеру):

– Черт. Вот и напомнили. На перемене медсестра опять припрется проверить, как я, и если не найдет меня на месте, они там все просто взбесятся. Не могли бы вы позвонить в школу, сказать, что вы мой отец и я сейчас с вами? Типа, мой дедушка помирает, и вы позвонили мне сообщить, а я мгновенно сорвалась, никому ничего не сказав, потому что не хотела, чтобы меня направили к школьному психологу поговорить о моих *чувствах*.

Все предусмотрела, однако.

– Хорошо, я позвоню в школу. Но не собираюсь представляться твоим отцом. (Гневное фырканье Холли.) Я просто сообщу, что ты кое-что передала нам, и поступила очень правильно. Это защитит тебя от лишних расспросов, верно?

– Ну ладно. Но вы хотя бы можете сказать, что мне запрещено обсуждать это с кем бы то ни было? Чтобы они не приматывались?

– Без проблем. – Крис Харпер весело и обаятельно смеется надо мной, в развороте его плеч достаточно энергии, чтобы поднять на ноги пол-Дублина. Я сунул его обратно в папку, закрыл. – Ты кому-нибудь уже рассказала? Может, своей лучшей подруге? Все нормально, даже если так, мне просто нужно знать.

Тень скользнула по тонким скулам Холли, она вдруг стала как-то старше и сложнее, что ли. В голосе тоже появились иные интонации.

– Нет, я никому ничего не говорила.

– О'кей. Сейчас я позвоню в школу, а потом запротоколирую твое заявление. Хочешь, чтобы присутствовал кто-нибудь из твоих родителей?

Она мгновенно пришла в себя.

– О боже, нет. Что, кто-то обязательно должен тут сидеть? Вы не можете просто так взять и записать?

– Сколько тебе лет?

Она прикинула, не соврать ли. Но отказалась от этой идеи.

– Шестнадцать.

– Нам нужен твой законный представитель, взрослый. Чтобы я тебя не напугал и не смущал.

– Вы меня не смущаете.

Еще бы, черт побери.

– Да, я знаю. Но такие уж у нас правила. Ты побудь пока здесь, налей себе чашечку чаю, если пожелаешь. Я вернусь через пару минут.

Холли плюхнулась на диван. Почти свернулась в клубок: ноги затолкала под себя, руки скрестила. Перебросила хвостик вперед и начала его нервно покусывать. В комнате жарища, как обычно, но ей словно зябко. И даже вслед мне не глянула.

В отделе сексуальных преступлений, двумя этажами ниже, есть дежурный социальный работник. Я вызвал ее, записал показания Холли. Потом, уже в коридоре, спросил эту тетку, не отвезет ли она Холли обратно в Святую Килду, – Холли в благодарность метнула в меня уничтожающий взгляд.

– Так твое школьное начальство убедится, что ты и в самом деле сотрудничаешь с полицией, – пояснил я. – Что это не твой парень им звонил. Меньше мороки.

Она скривила такую физиономию, что любому ясно: слукавить мне не удалось.

Она не спрашивала, что будет дальше, как мы поступим с новой информацией. Понимала, какие у нас правила. Бросила на прощанье:

– До скорого.

– Спасибо, что пришла. Ты действительно правильно поступила.

Холли промолчала. Только улыбнулась уголком рта, отчасти саркастично, отчасти нет.

Я смотрел, как они удаляются по коридору. Холли шествовала с идеально прямой спиной, а социальная тетка семенила рядом, тщетно пытаясь затеять разговор, как вдруг меня осенило: она же так и не ответила на вопрос. Ловко вильнула в сторону, как заправский роллер, и продолжила в своем направлении.

– Холли.

Она обернулась, поправляя лямку рюкзака. Насторожилась.

– Я тебя уже спрашивал. Почему ты принесла это мне?

Холли изучала меня. Такой взгляд выбивает из равновесия. Знаете, когда кажется, что портрет следит за тобой.

– Тогда, давно, – сказала она, – весь тот год все словно по минному полю крались. Будто стоит им произнести одно неверное слово, я тут же психану, случится нервный срыв и меня увезут в смиренной рубашке и *с пеной из рта*. Даже папа – он притворялся, что абсолютно спокоен, но я же видела, что он весь на нервах, постоянно. Это было просто... ну, *aaaaarrrrrr!* (Рычащий звук чистой ярости, пальцы судорожно растопырены.) Вы были единственным, кто не вел себя так, будто я в любой момент могу спятить от страха. Вы были просто, типа, ну, *о'кей, это отстой, да, но подумаешь, с людьми случаются истории и похуже, и ничего, все как-то справляются, никто пока не помер от этого. Так что давай побыстрее покончим с этим делом.*

Крайне важно продемонстрировать отзывчивость и участие юному свидетелю. У нас на эту тему проводят семинары и тренинги, даже презентации в Power Point, если повезет. А я просто помню, каково это – быть пацаном. Большинство людей обычно забывают. Легкий намек на сочувствие – чудно. Чуть больше сочувствия – великолепно. Еще больше – и ты уже мечтаешь, как бы вмазать кому-нибудь в кадык.

– Быть свидетелем и вправду противно. Для кого угодно. Но у тебя это получилось лучше многих.

На этот раз в улыбке ни тени сарказма. Нечто иное, много всего, но не сарказм.

– Вы можете объяснить в школе, что я вовсе не напугана? – спросила Холли у социального работника, которая торопливо изображала дополнительное сочувствие, чтобы скрыть недоумение. – Вот прямо нисколько?

И ушла.

Кое-что важное обо мне: у меня есть планы.

Первое, что я сделал, распрощавшись с Холли и социальной теткой, – отыскал в системе файл с делом Харпера.

Главный следователь: Антуанетта Конвей.

Казалось бы, ну женщина в отделе убийств, что тут скандального. Да вообще ничего особенного, если так подумать. Но большинство ветеранов у нас принадлежит к старой школе – как, впрочем, и большинство молодежи. Равенство – тоненький налет на вековых принципах, поскреби ногтем, и мгновенно сойдет. Ходят сплетни, что Конвей заполучила это местечко, перепихнувшись кое с кем, другие поговаривают, что просто попала в струю. Она и впрямь особенная, не какая-нибудь одутловатая ирландская курносая деревенщина, нет, – смуглая кожа, точеные скулы и нос, иссиня-черные блестящие волосы. Какая досада, что она не в инвалидном кресле, сплетничал народ, а то бы уже стала комиссаром.

Я был знаком, назовем это так, с Конвей задолго до того, как она прославилась. В колледже она была двумя годами младше меня. Высокая девчонка, волосы собраны в тугий хвост. Сложена как бегунья – длинные конечности, длинные мышцы. Подбородок всегда чуть приподнят, плечи отведены назад. Первую неделю вокруг Конвей крутилось много парней – норавлили услужить, помочь, познакомиться, быть обаятельными и дружелюбными, и вроде чистая случайность, что другим девчонкам, с рядовой внешностью, почему-то не досталось такого же внимания. Неизвестно, как она их отшила, но уже через неделю парни перестали к ней подкатывать. И принялись поливать ее дерьмом.

Училась двумя годами младше. Перешла из патрульных в следователи годом позже меня. Попала в отдел убийств в то же время, когда меня перевели в Нераскрытые Дела.

Висяки – это в целом неплохо. Просто остроумительно хорошо для такого парня, как я: настоящий дублинский пролетарий, первый из всей семьи сдал выпускные школьные экзамены, получил полноценное среднее образование, а не пошел в техническое училище. К двадцати шести отучился, в двадцать восемь ушел из отдела общих расследований и стал инспектором в полиции нравов – папаша Холли замолвил за меня словечко. В отдел нераскрытых преступлений я попал на той неделе, когда мне исполнилось тридцать, надеясь, что на этот раз, напротив, обошлось без протекции, но, боюсь, ошибался. Сейчас мне тридцать два. Пора двигаться дальше.

Нераскрытые Дела – это хорошо. Но Убийства – лучше.

Тут отец Холли мне не помощник, даже если бы я попросил. Босс убийного отдела терпеть его не может. От меня он тоже не в восторге.

Взять тот случай, где Холли была свидетелем. Произвел тогда арест я. Я зачитал права, я застегнул наручники, я подписал отчет об аресте. Но в то время я был просто мелкой сошкой на подхвате: обязан передать выше по инстанции любую стоящую информацию, которая мне попала, а потом вернуться в дежурку и как пай-мальчик печатать никчемные показания. Но я все-таки арестовал его сам. Я это заслужил.

Вот еще одна важная моя черта: понимаю, когда выпал мой шанс.

Тот арест, вкупе с поддержкой Фрэнка Мэкки, позволил мне выбраться из общего отдела. Тот арест дал мне шанс попасть в Нераскрытые. И именно тот арест закрыл для меня путь в отдел убийств.

Одновременно со щелчком наручников я услышал щелчок закрывшейся двери. *Вы имеете право хранить молчание*, и я понимал, что попал в черный список тех, кому в обозримом будущем не светит в Убийства. Но если бы я отдал тот арест другому, я бы точно оказался в тупиковом списке навечно приговоренных паяться в стену дежурного отделения, печатая показания людей, которые ничего не видели и не слышали. *Все, что вы скажете, будет за протоколировано и может быть использовано в качестве доказательства*. Щелк.

Видишь шанс – и цепляешься за него. Я был уверен, что рано или поздно засов отодвинется.

Прошло семь лет, и эта уверенность уже начинала колебаться.

Отдел убийств – это конюшня чистопородных скакунов. Это шик и глянец, легкое поигрывание рельефных мышц, от которого замирает дыхание. Отдел убийств – это тавро на твоём плече, как татуировка элитного армейского подразделения, как гладиаторский знак, это признание на всю жизнь: *один из нас, избранных*.

Я хочу в Убийства.

Можно было бы переслать карточку и показания Холли прямиком Антуанетте Конвей, с соответствующей сопроводительной запиской, – и все, конец истории. А ещё лучше было бы позвонить ей в ту же секунду, как Холли вытащила из папки карточку, и передать Конвей обеих.

Ну уж нет. Это мой шанс – мой единственный шанс.

Второе имя из дела Харпера: Томас Костелло. Старая рабочая лошадка из Убийств. Двести лет в строю, два месяца в отставке. Как только в Убийствах открывается вакансия, я сразу же узнаю. Антуанетта Конвей пока не выбрала нового напарника. Все ещё работает в одиночку.

Я пошел к боссу. Он сразу просек, к чему я клоню, и ему понравилась идея – мы таким образом оказывались причастны к громкому расследованию. И прикинул, как это может сказаться на бюджете следующего года. Я ему, конечно, нравился, но не настолько, чтобы тосковать по мне. И он не видел проблемы в том, чтобы направить меня в отдел убийств, дабы вручить Конвей лично поздравительную открытку. Обратишь не спешишь, посоветовал босс. Если в Убийствах пожелают, чтобы ты у них остался, пускай оставляют.

Понятно, что Конвей я ни к чему. Но она все равно меня получит.

Конвей проводила допрос. Я сел за пустой стол в отделе, потрепался с парнями. Буквально парой слов перекинулся, в Убийствах народ занятой. Входишь туда – и сразу сердце частит. Телефоны звонят, компьютеры щелкают, люди снуют туда-сюда – неторопливо, но очень деловито. Но кое у кого все же нашлась минутка хоть по плечу меня хлопнуть, спросить, что да как. Ищешь Конвей? То-то она целую неделю никому не отрывала яйца – видно, кто-то у нее все же завелся. Правда, не подумал бы, что она по части мужиков. Ты нас всех спас, парень. Прививки сделал? БДСМ-костюмчик надел?

Они тут все чуть старше меня, одеты стильненько. Я усмехался, но все же старался помалкивать.

– Странно, что она связалась с рыжим.

– Ну, у меня хотя бы есть волосы. Никому не нужен лысый хрен вроде тебя.

– У меня дома есть роскошная цыпочка, которая считает иначе.

– Вчера ночью она так не думала.

Помалкивал, короче, более-менее.

Антуанетта Конвей вошла, держа в руках стопку бумаг, захлопнула дверь локтем. Ринулась к своему столу.

Все та же стремительная походка, не отставай или проваливай. Высокая, как я, шесть футов, причем это намеренно: несколько дюймов роста за счет каблучков, наступит – хана вашему пальцу. Черный брючный костюм, недешевый, что там – шикарный, точно по фигуре; ни малейшей попытки скрыть форму длинных ног, изгибы бедер. Всего лишь проходя по отделу, она полудюжиной разных способов словно говорила: *только попробуй вякнуть*.

– Он признался, Конвей?

– Нет.

– Ц-ц. Теряешь хватку.

– Он не подозреваемый, debil.

– И это тебя останавливает? Хороший удар в пах, и дело в шляпе – признание.

Не совсем обычная дружеская перепалка. Напряжение в воздухе, опасные уколы, почти на грани. Не могу сказать, в ней было дело, или просто день такой выдался, или у них в отделе

всегда такая обстановка. В Убийствах всё по-другому. Ритм быстрее и безжалостнее, канат тоньше и натянут выше. Один неверный шаг – и тебе конец.

Конвей рухнула в кресло, тут же потянулась к компьютеру.

– Здесь твой дружок, Конвей.

Ноль внимания.

– Что, и миловаться не будете, он даже поцелуйчика не заслужил?

– Что за дерьмо ты несешь, придурок?

Шутник ткнул пальцем в меня:

– Он весь твой.

Конвей наконец меня заметила. Ледяной взгляд, темные глаза, пухлые губы плотно сжаты. Никакого макияжа.

– Ну?

– Стивен Моран. Нераскрытые Преступления. – Я протянул ей конверт с доказательством. Слава богу, что я не один из тех, кто приматывался к ней на курсах. – Вот это попало ко мне сегодня.

Она прочла надпись на фото, не меняя выражения лица. Обстоятельно рассмотрела карточку с обеих сторон, прочла показания.

– Ах, эта, – сказала, добравшись до имени Холли.

– Вы ее знаете?

– Допрашивала ее в прошлом году. Пару раз. Натерпелась по полной. Наглая маленькая стерва. Они все там такие, в этой школе, но она – из худших. С ней говорить как зубы драть.

– Вы считаете, ей что-то известно?

Проницательный взгляд, приподняла лист с показаниями:

– Как ты этого добился?

– Холли Мэкки была свидетелем по делу, с которым я работал в 2007-м. Мы с ней тогда поладили. Даже больше, чем я надеялся, судя по всему.

Конвей приподняла бровь. Она слышала про то дело. Что означало, слышала и обо мне.

– О'кей, – без всякой интонации, – спасибо.

Она развернулась в своем кресле, потыкала в кнопки телефона. Прижала трубку подбородком, откинулась на спинку кресла, перечитывая показания.

Хамка, моя матушка именно так назвала бы Конвей. *Эта ваша Антуанетта* – и косой взгляд исподлобья – *немножко хамовата*. Как бы не о ней лично или не только о ней, в целом о ее происхождении, и все такое. Акцент, взгляд, манеры. Дублин, кварталы бедноты; всего несколько минут ходьбы от тех мест, где я вырос, но в то же время – многие и многие мили. Мрачные многоэтажки. Граффити “под ИРА” и лужи мочи. Мусор. Отбросы общества. Люди, которые в жизни не сдали ни одного экзамена, но до буквы знали все лазейки в схемах начисления социальной помощи и с точностью до тысячных подсчитывали суммы своих пособий. Люди, которые не одобрили бы выбор профессии Конвей.

Некоторым нравится хамство. Им кажется, это круто, это и есть реальная жизнь, а если надо, от него легко избавиться и освоить приличные манеры и культурное произношение. Но хамство не выглядит так уж обаятельно, если вы выросли рядом с ним и вся ваша семья барахталась из последних сил, лишь бы только удержаться на поверхности. Я люблю деликатность, людей спокойных и мягких, мягких как бархат.

Я напомнил себе: вовсе не обязательно становиться лучшим другом Конвей. Достаточно быть просто полезным, полезным настолько, чтобы попасть в поле ее начальственного радары, и действовать дальше.

– Софи. Это Антуанетта. – Оказывается, когда она говорит с кем-то, ей приятным, голос меняется, становится мягче, в углах рта появляется на-многое-готова улыбочка, она почти

кокетничает. Сразу становится моложе, к такой девчонке можно и подкатиться в баре, если набраться смелости.

– Да, хорошо. А у тебя? Слушай... У меня тут для тебя фото... Нет, дело Харпера. Меня интересуют отпечатки, но не могла бы ты заодно проверить и саму фотографию, а? На что снимали, когда, где, на чем распечатана. Все, что сумеешь выяснить. – Она поднесла конверт поближе к глазам. – И на ней наклеены слова. Вырезанные откуда-то, как в письмах про выкуп. Попробуй выяснить, откуда их вырезали, ладно? Да, знаю. Но сотвори для меня чудо. Пока, увидимся.

И повесила трубку. Вытащила из кармана смартфон, сфотографировала карточку: лицевая сторона, обратная, поближе, подальше, детали. Отошла к принтеру в углу, распечатала. Вернулась за стол и недоуменно уставилась на меня.

Я не смутился.

– Ты все еще здесь?

– Я хотел бы работать с вами вместе над этим делом, – ответил я.

Усмешка.

– Не сомневаюсь. – Она уселась обратно в кресло, вытащила из ящика стола еще один конверт.

– Вы же сами сказали, что вам не удалось ничего добиться от Холли Мэкки и ее одноклассниц. Но мне она доверяет, даже симпатизирует, настолько, что принесла мне это. И если она согласилась со мной поговорить, наверняка убедит и своих подружек со мной побеседовать.

Конвей поразмыслила, чуть вращаясь в своем кресле из стороны в сторону.

– Ну что вы теряете? – настаивал я.

Может, акцент сыграл свою роль. Большинство копов родом из маленьких городков, из деревень; никто не любит хитроумных дублинцев, которые считают себя центром вселенной, когда всем известно, что на самом деле пуп земли – их родной Баллигленжопинг. А может, ей нравилось то, что она обо мне слышала. Как бы то ни было, она написала на конверте имя, сунула внутрь карточку. Сказала:

– Я отправляюсь в школу посмотреть на эту их доску, побеседовать кое с кем. Можешь поехать со мной, если хочешь. Если окажешься полезен, потолкуем, что делать дальше. Если нет – можешь проваливать обратно в свои Нераскрытые Преступления.

У меня хватило ума не завопить “Ура!”, поэтому я произнес лишь:

– Звучит неплохо.

– Тебе не нужно позвонить мамочке и сказать, что не вернешься домой?

– Мой босс в курсе. Нет проблем.

– Отлично, – констатировала Конвей. Решительно отодвинула стул. – Введу тебя в курс дела по дороге. За рулем буду я.

Кто-то тихонько многозначительно присвистнул нам вслед. Сдавленные смешки. Конвей даже не обернулась.

2

В первое воскресенье сентября пансионерки школы Святой Килды возвращаются с каникул. Они возвращаются в школу под ясным голубым небом, и лишь крошечные клинья птичьих стай, мелькающие в самом уголке картины, нарушают ее все еще летнее настроение. Возвращаются, радостно вереща, вопя свои приветы с тремя восклицательными знаками, напрыгивая друг на друга с объятиями в коридорах, пахнущих свежей краской и сонной летней пустотой; возвращаются с облупившимся загаром и летними приключениями, новыми прическами и выросшей грудью, из-за которой сначала кажутся чужими и отстраненными даже закадычным подружкам. И вот уже мисс Маккенна завершила свою приветственную речь; чайники и гостевое печенье убрали; родители разомкнули прощальные объятия и покончили с досадными наставлениями по поводу домашних заданий и сквозняков; несколько первогодок поплакали; последние забытые вещи возвращены на места, шум отъезжающих автомобилей все тише, глуше и, наконец, совсем растворяется в далеком внешнем мире. И все, что осталось, – девочки-пансионерки, кастелянша, пара сотрудниц, которым не повезло в первый же день вытянуть короткую соломинку, и собственно школа.

На Холли навалилось столько новостей и новых ощущений, что ей остается только держаться, сохранять непроницаемое лицо и надеяться, что рано или поздно она привыкнет. Она проволочка чемодан по плитке незнакомых коридоров жилого крыла в свою новую спальню; жужжание колес эхом разносилось под высокими потолками. Повесила на свой крючок желтые полотенца, расстелила на своей кровати одеяло в желто-белую полоску, все еще хранящее запах пластиковой упаковки и аккуратные фабричные складки. Их с Джулией кровати стоят у окна, Селена с Беккой все-таки позволили им выбрать. Отсюда, через стекло, под новым углом, территория школы выглядит по-другому: таинственный сад, полный укромных закутков, которые можно исследовать и использовать, если ты достаточно проворна.

Даже столовая выглядит иначе. Холли привыкла видеть ее в обеденные часы, бурлящую народом, трескотня и толчея, все перекрикиваются через столы, одной рукой едят, другой строчат эсэмэски. А в первый день ко времени ужина суета уже иссякла, девчонки сбиваются в маленькие кучки между длинными рядами пустых столов, лениво ковыряются в салате и фрикадельках, и в воздухе висит невнятное бессмысленное бормотание. Свет мягче, чем во время обеда, и почему-то вечером столовский запах гораздо сильнее, запах тушеного мяса и уксуса, нечто среднее между аппетитным и тошнотворным.

Впрочем, не все тихо бормочут себе под нос. Джоанна Хеффернан, Джемма Хардинг, Орла Бёрджесс и Элисон Малдун сидят через два стола от них, но Джоанна считает само собой разумеющимся, что все окружающие просто мечтают услышать каждое слово, исходящее из ее уст, и даже если это не так, большинство предпочитает с ней не связываться.

– Ну привет, это же написано в “Эль”, ты что, не читала? Это должно быть ваще обалденно, и, слушай, без обид, Орл, но согласишься, тебе бы очень пригодился офигенный эксфолиатор!

– О боже. – Джулия морщится и выразительно потирает ухо, обращенное в сторону Джоанны. – Надеюсь, за завтраком она так не орет. А то я с утра не человек.

– А что такое эксфолиатор? – интересуется Бекка.

– Такая штука для кожи, – поясняет Селена. Джоанна и ее подружки используют каждый совет модных журналов по поводу того, что нужно делать с кожей, волосами и целлюлитом.

– Звучит как название удобрения.

– Как оружие массового поражения, – уточняет Джулия. – А они – армия дроидов-пиллеров, выполняющих приказы властелина. Эксфолиируем всё!

Она произносит это металлическим голосом дэлека², достаточно громко, чтобы Джоанна и компания резко обернулись, но к тому моменту Джулия уже цепляет на вилку пару фрикаделек и спрашивает Селену, не напоминает ли ей эта картинка вареные глазные яблоки, словно и думать не думает о Джоанне. Ледяной взгляд Джоанны обшаривает зал; затем она отворачивается к своей тарелке, тряхнув гривой так, будто она звезда и ее снимают папарацци.

– Эксфолируем всё, – гудит Джулия, а потом продолжает обычным голосом как ни в чем не бывало: – Да, Хол, я все хотела спросить, твоя мама нашла те сетки для стирки?

Подруги давятся смехом.

– Извините, – гневно рявкает Джоанна. – Вы что-то мне *сказали*?

– Они у меня в чемодане, – отвечает Холли. – Когда разберу вещи, я... Кто, я? Ты меня спрашиваешь?

– Да неважно, кого угодно. Какие-то проблемы?

Джулия, Холли и Селена смотрят абсолютно невинно. Бекка набила полный рот картошки, чтобы скрыть свой страх, помноженный на восторг, и не расхохотаться в голос.

– Фрикадельки отстойные? – высказывает предположение Джулия.

И мгновение спустя – хохот.

Джоанна тоже смеется, а вслед за ней и прочие Далеки, но глаза остаются все такими же ледяными.

– Смешная ты.

Джулия морщит нос:

– О-о-о, благодарю. Я старалась!

– Хорошая мысль, – замечает Джоанна, – продолжай стараться. – И возвращается к своему ужину.

– Эксфоли...

На этот раз Джоанна почти поймала ее. Селена поспевает вовремя:

– У меня есть запасные сеточки, если вам нужно, девчонки. – Лицо сводит от сдерживаемого смеха, но она повернулась спиной к Джоанне, а голос спокойный и уверенный, никакого намека на веселье. Лазеры Джоанны сканируют окружающее пространство в поисках наглеца.

Бекка чересчур поспешно забрасывала в себя еду и в результате вдруг оглушительно громко рыгает. Она смущенно вспыхивает, но зато трем остальным подругам это дает долгожданный повод: они заходятся от смеха, утыкаясь головами друг в друга и едва не падая под стол.

– Боже правый, – высокомерно поджимает губы Джоанна, – ты просто омерзительна.

Она отворачивается, и вся ее отлично натасканная банда немедленно следует примеру атаманши, синхронно отвернувшись и поджав губки. Что вызывает новый взрыв хохота. Джулия давится фрикаделькой, краснеет и кашляет в салфетку, а подружки сползают со стульев, изнемогая от смеха.

Когда веселье в конце концов стихает, до них вдруг доходит осознание собственной дерзости. Прежде они старались ладить с Джоанной и ее компанией – весьма благоразумно.

– Что это было? – тихонько спрашивает Холли у Джулии.

– Что? Если бы она не перестала завывать насчет этого тупого “ухода за кожей”, у меня бы барабанные перепонки расплавились. И вот, пожалуйста – сработало.

Далеки съезились над своими подносами, бросая по сторонам подозрительные взгляды и демонстративно понизив голоса.

– Но ты ее почти взбесила, – шепчет Бекка, испуганно выкатив глаза.

– И что? – пожимает плечами Джулия. – Что она мне сделает, расстреляет? Где написано, что я должна терпеть эту стерву?

² Далеки – внеземная раса мутантов-полукиборгов из фантастического сериала “Доктор Кто”.

– Просто расслабься, и все, – советует Селена. – Если хочешь войны с Джоанной, у тебя впереди целый год. Нет нужды портить сегодняшний вечер.

– Да что такого-то? Мы вроде никогда и не были подругами?

– И врагами мы тоже никогда не были. А теперь тебе ведь придется жить рядом с ней.

– Вот именно. – Джулия разворачивает поднос, чтобы удобнее было дотянуться до фруктового салата. – Похоже, меня ждет веселый год.

За высокой стеной, тенистой улицей и еще одной высокой стеной воспитанники школы Святого Колма тоже вернулись с каникул. Крис Харпер бросил на кровать свое красное одеяло, развесил одежду в своем отделении гардероба, напевая непристойную версию школьного гимна новообретенным низким хрипловатым голосом, и радостно улыбнулся, когда соседи по комнате подхватили песню, дополнив ее соответствующими жестами. Прилепил пару постеров над кроватью, поставил на тумбочку новое семейное фото, завернул в старое драное полотенце многообещающий пластиковый пакет и засунул его поглубже в чемодан, а чемодан затолкал на гардероб. Оценил в зеркале, как свисает челка, и помчался на ужин с Финном Кэрроллом и Гарри Бейли. Все трое орут, нарочито громко хохочут, дружески подталкивают друг друга, хватая за руки, проверяя, кто стал сильнее по итогам прошедшего лета. Крис Харпер полностью готов к новому учебному году, дожидаться не может начала; у него масса планов.

Жить ему остается восемь месяцев и две недели.

– Итак, что дальше? – спрашивает Джулия, когда они покончили с фруктовым салатом и отнесли свои подносы на стойку. Из загадочных глубин кухни доносится позвякивание посуды и перепалка на неизвестном языке, вероятно польском.

– Что угодно, – отзывается Селена. – Пока не засадят за уроки, есть время прошвырнуться в торговый центр или, если парни из Колма играют в регби, можно сходить посмотреть. Но до следующих выходных нам нельзя покидать территорию школы. Так что остается общая гостиная или...

Она уже направляется к выходу, и Бекка с ней. Холли и Джулия спешат следом.

Все еще светло. Школьная территория – это сплошная зелень, тянущаяся вдаль. Вплоть до нынешнего момента парк был зоной, куда Холли и Джулии ходить не полагалось; не то чтобы строгой запрет, нет, но девочки, не жившие в пансионе, могли попасть туда только во время обеда, а на это никогда нет времени. Но сейчас перед ними словно отодвинулась стена из матового стекла: цвета ослепительны, каждая птичка поет собственную неповторимую песню, тени в кронах деревьев кажутся глубокими и прохладными, как колодцы.

– Вперед, – командует Селена и мчится по газону, словно он принадлежит лично ей. Бекка следом. Джулия и Холли бросаются вдогонку, в это зеленое буйство.

За железной калиткой, в гуще деревьев внезапно обнаруживается переплетение аллей и тропок, о которых Холли и не подозревала прежде. Солнечные блики, трепет листьев, сплетающиеся над головой ветви, взгляд выхватывает лиловые брызги цветов – трудно поверить, что всего в двух шагах от этого великолепия проходит автомобильная трасса. Впереди чуть в стороне – темная коса Бекки и золотистые локоны Селены, взметнувшиеся синхронно, когда они разом поворачивают к небольшому холмику за аккуратными шарами кустов, подрезанных неведомыми эльфами-садовниками, а потом обратно – из пятнистых зарослей на яркое солнце. Холли даже приходится на миг прикрыть ладонями глаза.

Полянка совсем маленькая, просто кружок стриженной травы в кольце высоких кипарисов. Здесь даже воздух абсолютно иной, прохладный и неподвижный. Звуки сюда проникают – ленивое воркование горлицы, жужжание насекомых, спешащих куда-то по своим насекомым делам, – и растворяются, не оставляя ряби в эфире.

Селена, слегка запыхавшись, произносит:

– А еще можно посидеть тут.

– Вы нас никогда раньше не приводили сюда, – говорит Холли. Селена и Бекка переглядываются и молча пожимают плечами. На миг Холли чувствует себя почти преданной – Селена и Бекка живут в пансионе уже два года, но ей никогда прежде не приходило в голову, что у них могут быть свои секреты, – однако тут же понимает, что теперь и она посвящена в общую тайну.

– Иногда кажется, что вот-вот сойдешь с ума, если не найдешь местечка, где можно спрятаться, – поясняет Бекка. – Мы обычно приходим сюда.

Она плюхается на траву, по-паучьи переплетя тонкие ноги, и встревоженно смотрит снизу вверх на Холли и Джулию, крепко стиснув руки, как будто вручила им эту полянку в качестве приветственного подарка и не уверена, что угодила.

– Потрясающе, – ахает Холли. Она вдыхает аромат скошенной травы, свежей влажной земли; вот след кого-то дикого – кажется, здесь проходит звериная тропа – от одного ночного лежбища до другого. – И никто больше здесь не бывает?

– У всех свои местечки, – объясняет Селена. – И мы туда не сеемся.

Джулия оборачивается, провожая взглядом птиц, кружащих в небе и выстраивающихся в свои клинья.

– Мне нравится, – говорит она. – Очень нравится. – И усаживается на траву рядом с Беккой. Бекка радостно улыбается и с облегчением выдыхает, руки ее расслабляются.

Они растянулись на травке, подвинувшись, чтобы солнце не слепило глаза. Трава густая, плотная и блестящая, как мех диковинного зверя, на ней приятно лежать.

– Боже, эта речь Маккенны, – ворчит Джулия. – “Ваши дочери уже получили прекрасный старт в жизни, поскольку сами вы такие образованные и культурные, и ведете здоровый образ жизни, и вообще супер что такое во всем вообще, и мы счастливы иметь возможность продолжить вашу блестящую работу по воспитанию следующего поколения”, и передайте пакетик, мне надо сблевнуть.

– Она каждый год произносит одну и ту же речь, – замечает Бекка. – До последнего слова.

– В первый год папа едва не увез меня сразу же домой из-за этой речи, – сообщает Селена. – Потому что это элитизм.

Отец Селены живет в какой-то коммуне в Килкенни и носит пончо ручной работы. Килду выбрала ее мама.

– Мой папа тоже так думает, – говорит Холли. – У него это было на лице написано. Я боялась, что он отпустит какую-нибудь шуточку, когда Маккенна закончила, но мама наступила ему на ногу.

– Да, это элитизм, – соглашается Джулия. – И что? В элитизме нет ничего дурного. Одни вещи лучше других вещей, а если прикидываешься, что это не так, ты вовсе не человек широких взглядов, а просто козел. Меня лично тошнит от другого, от того, как она подмазывается к родителям. Как будто мы все – *продукты* жизнедеятельности родителей, и Маккенна гладит их по головке и рассказывает, как хорошо они *поработали*, а они виляют хвостиками и лижут ей руку, только что не писаются от восторга. Да откуда ей знать? А что, если мои родители за всю жизнь не прочли ни одной книжки и кормили меня исключительно жареными батончиками “Марс”?

– Ей пофиг, – говорит Бекка. – Она просто хочет, чтобы они не переживали, что потратили кучу денег на то, чтоб от нас отделаться.

Повисает молчание. Родители Бекки работают в Дубае. Они даже сегодня не появились, Бекку привезла экономка.

– Хорошо, что вы здесь, – говорит Селена.

– Все еще не до конца верится, – признается Холли, и это только часть правды, но лучше, чем ничего. Ощущение реальности накатывает мимолетными вспышками между долгими периодами мутной отстраненности, белого шума, но эти вспышки достаточно ярки, чтобы

затмить иные реальности в ее сознании, и тогда ей кажется, что она всю жизнь провела только здесь и не видела ничего другого. А потом все опять исчезает.

– А мне – так напротив, – вздыхает Бекка. Она улыбается, глядя в небо, и в голосе уже не слышно скрытой боли.

– Все наладится, – успокаивает Селена. – Просто нужно время.

Девчонки валяются на полянке, ощущая, как их тела мягко тонут в траве, как внутренние ритмы сливаются с пространством вокруг: *тинк-тинк-тинк* неведомой птицы, медленным скольжением солнечного луча сквозь кроны кипарисов. Холли пролистывает минувший день, как делала всякий раз, возвращаясь на автобусе домой из школы, выбирая фрагменты для пересказа: забавные эпизоды с довольно смелыми намеками для папы, что-нибудь, чтобы порадовать маму или – если Холли разругалась с ней, что в последнее время было почти ежедневно – чтобы вызвать ее возмущенное: *Боже правый, Холли, как вообще можно такое проносить...* а Холли при этом уныло закатывает глаза. Вдруг она понимает, что всего этого уже не будет. Картины каждого дня больше не обретут форму папиной усмешки или маминой приподнятой брови, все кончилось.

Сейчас ее дни будут определять другие люди. Холли смотрит на них и ощущает, как все изменилось сегодня, именно сегодняшний день она будет вспоминать и через двадцать лет, и через пятьдесят – день, когда Джулия сцепилась с Далеками, день, когда Селена и Бекка привели их с Джулией на поляну среди кипарисов.

– Нам, пожалуй, пора, – произносит Бекка, не шелохнувшись.

– Рано еще, – отзывается Джулия. – Ты же сказала, мы можем делать что хотим.

– Можем. В основном. Но по поводу новеньких они волнуются, им надо, чтобы все постоянно были у них на виду. Как будто иначе вы могли бы сбежать.

Они тихонько смеются. И Холли опять охватывает чувство реальности настоящего – шумный гусиный клин, вытянувшийся высоко в небе, ее собственные пальцы, утопающие в прохладном травяном ворсе, трепет ресниц Селены под ярким солнцем, и словно это – навечно, а все прочее – мираж, тающий на горизонте. На этот раз ощущение длится дольше.

Через несколько минут Селена говорит:

– Вообще-то Бек права. Пора идти. Если нас начнут искать...

То есть если кто-то из учителей придет на их поляну. Одна эта мысль пронзает позвоночник, подбрасывая их на ноги. Девочки тщательно отряхивают друг друга; Бекка выбирает зеленые травинки из волос Селены, поправляет ей прическу.

– Ладно, мне же еще надо разобрать вещи, – соглашается Джулия.

– Мне тоже, – вспоминает Холли. И представляет жилое крыло, высокие своды, под которыми скоро зазвучат нежные надмирные песнопения монахинь. Словно кто-то новый встал у кровати, накрытой желто-полосатым одеялом, дожидаясь своего часа: новая она; новые все они. Она чувствует, как перемены просачиваются сквозь кожу, вплетаются в пространство между атомами ее тела. Внезапно она понимает, зачем Джулия дразнила Джоанну за ужином. Сама она тоже изо всех сил сопротивлялась этому сбивающему с ног потоку, доказывая, что может сама решать, отдаваться ли ему, прежде чем он сомкнется над головой и унесет прочь.

Помни, что ты можешь вернуться домой в любой момент, когда захочешь, повторил отец в восьмидесятитысячный раз. *Днем или ночью. Один телефонный звонок – и я буду у тебя в течение часа. Поняла?*

Да я все поняла, я знаю, спасибо, в восьмидесятитысячный раз ответила Холли, *если я передумаю, я позвоню тебе и сразу же вернусь домой*. Но вплоть до настоящего момента ей не приходило в голову, что, возможно, все не так просто.

3

Она любила машины, эта Конвей. И разбиралась в них. На парковке прямоком направи-лась к винтажному черному MG, абсолютно роскошному. Гордость и отрада своего предыду-щего владельца, он достался полицейскому управлению в наследство от одного из ушедших на пенсию детективов. Парень, который заведовал гаражом, не подпустил бы Конвей к машине и на пушечный выстрел, если бы она не знала, что делает. “Извините, детектив, трансмиссия барахлит, как насчет воон того очаровательного “фольксвагена”?..” Но стоило ей взмахнуть рукой, он тут же бросил ей ключи.

С MG она обращалась как с любимым скакуном. Мы двинулись на юг, в фешенебель-ные районы. Конвей срезала углы в лабиринте улочек и ожесточенно давила на клаксон, когда пешеходы не успевали убраться с дороги достаточно быстро.

– Давай-ка сразу кое-что решим, – сказала она. – Это мое шоу. Есть проблемы с тем, чтоб получать приказы от женщины?

– Нет.

– Все так говорят.

– Я серьезно.

– Хорошо. – Она резко затормозила у кафе стремного вида, типа веганское, окна сто лет не мыли. – Принеси мне кофе. Черный, без сахара.

Мое эго не отличается хрупкостью и не развалится от отсутствия ежедневной разминки. Резво выскакиваю, два кофе с собой, даже заработал улыбку от грустной официантки.

– Пожалуйста, – сказал я, усаживаясь на пассажирское сиденье.

Конвей отхлебнула глоток.

– Дермовый вкус.

– Вы сами выбрали место. Хорошо, если не соевый.

Надо же, почти улыбнулась, но в последний момент все же сдержалась.

– Такой и есть. Выкидывай оба, не хочу, чтоб машина провоняла.

Урна была на другой стороне дороги. Опять наружу, аккуратно через оживленный поток, урна, через поток машин обратно на свое место. Начинаю понимать, почему Конвей все еще работает одна. Втопила педаль газа, прежде чем я успел захлопнуть дверь.

– Итак, – начала она. Вроде немного оттаяв, совсем немного. – Про дело знаешь? Хотя бы в общих чертах?

– Да.

В общих чертах про него знали даже уличные собаки.

– Значит, тебе известно, что мы никого не взяли. А почему? Что говорят насчет этого?

Слухов ходило много. Я же просто сказал:

– С некоторыми делами такое случается.

– Мы в тупике, вот почему. Знаешь, как бывает: есть место преступления, есть свиде-тели какие-никакие, про жизнь жертвы кое-что известно, и во всем этом надо найти зацепку. Но здесь ни хрена мы так и не нашли. – Конвей углядела в соседнем ряду просвет, которого хватило бы разве что мопеду, и резко крутанула руль, встраиваясь. – Если коротко, ни у кого не было причин убивать Криса Харпера. По всему выходит, что хороший был парень. Так, конечно, всегда говорят, но в этот раз, похоже, не врут. Шестнадцать лет, четвертый год в школе Святого Колма, живет в пансионе, местный, но его папаша решил, что сынок не получит *всех преимуществ, которые дает обучение в школе Святого Колма*, если не будет жить в пан-сионе. Такие места, они ведь в основном нужны, чтоб заводить связи; подружись с правиль-ными людьми в Колме – и работать меньше чем за сотню штук в год не придется уже никогда. – Конвей скривила губы, демонстрируя, что она думает на этот счет.

– Толпа подростков в замкнутом помещении, всякое случается. Травля, например. Ничего такого, нет?

Через канал – и в Ратмайнс.

– Абсолютно. Крис был популярным парнем, куча друзей, никаких врагов. Пара драк, но для мальчишек его возраста это нормально; ничего серьезного, ничего, что нам помогло бы. Подружки не было, по крайней мере официально. Три бывших – рано они теперь начинают, – но никакой “настоящей большой любви”, пара свиданий с обнимашками в кино, и разбежались; все расставания – больше года назад и без обид с любой стороны, насколько мы смогли выяснить. С учителями он тоже ладил. Колобродил иногда, но скорее от избытка энергии. Мозги средненькие, не гений, но и не идиот; не усерднее прочих, но и не лентяй. С родителями не ссорился и вообще виделся нечасто. Одна сестра, гораздо младше, с ней тоже отношения нормальные. Мы всех как следует прижали – не потому что рассчитывали что-то найти, просто других вариантов не было. И ничего. Ни намек даже.

– Дурные привычки?

Конвей покачала головой:

– Тоже мимо. Приятели говорят, он изредка курил на вечеринках, и не только табак, а если удавалось раздобыть алкоголь, то бывало, что напивался вдрызг, но на момент смерти был кристально трезв. И следов наркотиков тоже не нашли, ни в организме, ни в вещах. Никаких азартных игр. В истории браузера на домашнем компьютере есть пара порносайтов – а чего еще ждать от подростка? Насколько мы смогли установить, самые страшные его грехи – изредка затяжка-другая травы и порно в интернете.

Лицо у нее было спокойным. Брови чуть насуплены, вся сосредоточена на дороге.казалось, ей совершенно безразлично, что ни хрена они так и не нашли: так случилось, не повезло, нечего расстраиваться.

– Ни мотива, ни зацепок, ни свидетелей. Со временем мы начали гоняться за собственной тенью, допрашивали одних и тех же людей раз за разом. С одним и тем же результатом. А у нас были и другие дела, мы не могли себе позволить несколько месяцев бессмысленно колотиться лбом о стену. Так что я в конце концов закрыла это дело. Положила под сукно в надежде, что рано или поздно произойдет что-нибудь вроде сегодняшнего.

– Как вы оказались главным следователем? – спросил я.

Конвей плотнее нажала на педаль.

– В смысле, как такой пигалице дали такое большое дело? Надо ей было заниматься домашним насилием, да?

– Нет. Я имел в виду, что вы же новичок.

– И что? Хочешь сказать, мы поэтому ничего не нашли?

Значит, все-таки не безразлично. Скрывает, достаточно хорошо, чтоб парни на работе не догадались, но ей вовсе не все равно, еще как не все равно.

– Нет, я пытаюсь сказать...

– Потому что иди в жопу. Можешь сваливать прямо сейчас, в автобус и домой в свои Висяки.

Не держи она руль, наверняка уже тыкала бы пальцем мне в физиономию.

– Нет. Я пытаюсь сказать, что с таким делом – подросток, элитная школа – в вашем отделе должны были догадаться, что шума будет много. Костелло был старше по званию. Почему он не взял его себе?

– Потому что я его заслужила. Потому что он знал, что я хороший, мать твою, детектив. Усвоил?

Стрелка спидометра продолжала ползти вверх, далеко за разрешенный предел.

– Усвоил, – быстро согласился я.

Повисла тишина. Конвей чуть снизила скорость, но лишь чуть. Мы добрались до Тереньюр-роуд; когда поток машин поредел, MG показал, на что способен. Выдержав паузу, я сказал:

– Эта машина – настоящая красавица.

– Водил такую?

– Пока не приходилось.

Снова кивок, как будто я только что подтвердил сложившееся обо мне мнение.

– В таком месте, как Святая Килда, надо себя показать, произвести впечатление. – Она неопределенно взмахнула рукой у себя над головой. – Добиться уважения.

Это многое мне сказало об Антуанетте Конвей. Что до меня, я бы взял старенький “поло” с хорошим пробегом, такой, на котором даже многочисленные слои краски не скрывают всех вмятин. Приходишь к людям таким бестолковым неумехой, пятое колесо в телеге, – и они сразу расслабляются, теряют бдительность, есть шанс застать их врасплох.

– Такое, значит, место, да?

Она опять скривилась:

– Срань господня. Думала, они погонят меня в санобработку, чтобы избавить от акцента. Или выдадут форму горничной и укажут на черный ход для прислуги. Знаешь, сколько там дерут за обучение? *Начиная* с восьми штук в год. И это без проживания и без всяких *внеклассных занятий*. Хор там, пианино, театр. У тебя такое в школе было?

– Ну, мы играли в футбол на школьном дворе.

Это Конвей понравилось.

– Была там одна овца. Я ее вызываю на допрос, а она мне выдает: “Ну-у, я вообще-то *сейчас* не могу, у меня же урок кларнета через пять минут?” – Она вновь усмехнулась углом рта. Что бы она ни сказала несчастной девчонке, это определенно было приятно вспомнить. – Допрашивали ее целый час. Не выношу такое.

– А школа? – спросил я. – Снобистская, но хорошая, или просто снобистская?

– Даже если в лотерею выиграю, своего ребенка туда не пошлю. Но... – Она дернула плечом. – Маленькие классы. Куча наград с научных олимпиад и призы юным исследователям. У всех отличные зубы, никто не залетает, и все эти гладкие породистые сучки потом толпами поступают в колледж. Так что, наверное, неплохая, если ты не против, чтоб твой ребенок превратился в заносчивый кусок дерьма.

– Отец Холли – коп. Дублинец. Из Либертис.

– Я в курсе. Думаешь, могу такое не заметить?

– Он бы ее туда не послал, если б думал, что сделает из дочери заносчивый кусок дерьма. Конвей остановилась на светофоре. Зажегся зеленый, и она тут же рванула с места.

– Ты ей нравишься? – спросила она.

Я едва не рассмеялся.

– Она же ребенок. Ей было девять, когда мы познакомились, десять, когда дело пошло в суд. С тех пор, вплоть до сегодняшнего дня, я ее не видел.

Конвей бросила на меня взгляд, который ясно говорил, что ребенок в этой ситуации скорее я.

– Ты не поверишь... Вообще она как, врет?

Я задумался.

– Мне не врал. По крайней мере, я ее на этом не ловил. Хорошая была девчонка.

– Она врет, – отрезала Конвей.

– В чем?

– Не знаю. Я ее тоже не поймала. Может, мне она не врал. Но девчонки в этом возрасте вруны. Все.

Я подумал, не посоветовать ли ей, чтобы в следующий раз приберегла вопросы с подвохом для подозреваемых, но вместо этого сказал:

– Мне пофиг, врунья она или нет, если мне не врет.

Конвей переключила передачу. МГ это явно понравилось.

– Скажи-ка, – продолжила она, – а что твоя дорогая Холли говорит про Криса Харпера?

– Немного. Просто парень. Видела его пару раз.

– Понятно. Думаешь, правда?

– Пока не решил.

– Как решишь, сообщи. Мы вот почему обратили внимание на Холли и ее компанию. Их там четыре девицы: Холли Мэкки, Селена Винн, Джулия Харт и Ребекка О’Мара. Подружки не разлей вода, по крайней мере были. Вот так, – она продемонстрировала крепко скрещенные пальцы. – Их одноклассница, Джоанна Хеффернан, показала, что наша жертва встречалась с Селеной Винн.

– Потому он и полез в Килду? На свидание?

– Ага. И вот еще что – учти, прессе мы этого не говорили, так что смотри не проболтайся, – у него в кармане был презерватив. И ни хрена больше, ни кошелька, ни телефона – они остались в комнате, – только презерватив. – Конвей наклонила голову в сторону, крутанула руль и обогнала ползущий впереди, как улитка, “фольксваген”, проскочив прямо перед носом у грузовика. Грузовик остался недоволен.

– Иди на хрен, будет еще на меня наезжать... А на теле были цветы. Об этом мы тоже не сообщали. Гиацинты – такие голубые, с завитками, сильный сладкий запах, знаешь? Четыре цветка. Со школьной клумбы рядом с местом преступления, так что их мог положить и убийца, но... – она пожала плечами, – парень в школе своей подружки посреди ночи с презервативом и цветами? Нетрудно догадаться, на что он рассчитывал.

– А школа точно основное место преступления? Его не притащили туда уже мертвым?

– Не. Башку ему ударом разнесло еще как, до хрена кровищи. Судя по луже крови, наши эксперты установили, что он после удара лежал на одном месте. Его не переносили, и сам не пытался ползти за помощью, даже рану не трогал – на руках крови не было. Просто БАМ! – она щелкнула пальцами. – И все, кранты ему.

– А Селена Винн сказала, что никаких планов на вечер у них не было, – догадался я.

– Точно. И остальные три подружки подтвердили. Селена не собиралась с ним на свидание, они вообще не встречались, просто знакомые. Их прямо шокировало, что мы вообще такое предположили. – В голосе Конвей появились жесткие нотки. Девчонки, похоже, ее не убедили.

– А приятели Криса Харпера что говорят?

Она фыркнула.

– В основном “э-э-э, ну я, типа, не знаю”. Шестнадцатилетние пацаны. Проще сходить в зоопарк и попробовать допросить полный вольер шимпанзе. Один вроде разумный, произносил целые фразы – Финн Кэрролл, – но ему тоже особенно нечего было сказать. Они же не сидят по полночи за душевными разговорами, в отличие от девчонок. Говорят, что Селена Крису нравилась, да, но ему нравилась куча девиц, и он им нравился. Насколько им известно, ничего такого между Крисом и Селеной не было.

– Есть повод сомневаться? Что-нибудь в их телефонах или в фейсбуке?

Конвей покачала головой:

– Ни звонков, ни переписки. Фейсбук есть, конечно, у всех, но те, кто живет в пансионе, обычно пользуются им только на каникулах: обе школы заблокировали все социальные сети на своих компьютерах и запретили смартфоны. Не дай боже малыш Филиппа сбежит с каким-нибудь извращенцем из интернета. Или того хуже, сбежит малыш Филипп. Ты представь, сколько у них родители отсудят.

– То есть у нас только информация от Джоанны Хеффернан.

– У Хеффернан не было никакой конкретной *информации*. Только “ну, и я видела, как он на нее посмотрел, и она на него посмотрела, и еще он ей что-то сказал как-то раз, и, в общем, они точно трахались”. Ее подружки божатся, что так все и было, но от них другого и не ждешь. Мерзкая сучка эта Хеффернан. Вокруг нее тусуются крутые детишки, а она у них за главную, вроде атаманши. Остальные ее боятся. Чуть моргнут не так – и все, она их разом вышибет из избранного круга, а потом будет до конца школы доставать вместе со своими прихвостнями. Потому говорят только то, что велено.

– А Холли и ее компания? Тоже крутые?

Конвей уставилась на очередной красный сигнал светофора, постукивая пальцами по рулю в ритме мигающего поворотника.

– Скорее сами по себе, – проговорила она наконец. – Не заводили и не из тусовки Хеффернан. Но при этом Хеффернан к ним особо и не приматывается. Она, конечно, при первой возможности подставила Селену, чуть трусы не намочила от восторга, но напрямую она к ним не лезет. Они, может, и не на самой верхушке местной иерархии, но довольно высоко.

Заметила усмешку на моем лице.

– Чего?

– Вы так рассказываете, будто эти девчонки – бандитки из трущоб Лос-Анджелеса, с бритвами, спрятанными в волосах.

– Похоже, – согласилась Конвей, уводя MG с главной дороги. – Почти то же самое.

Дома здесь были посolidнее и стояли подальше от дороги. Большие машины, блестящие и новенькие, редкое зрелище в последние годы. Повсюду автоматические ворота. В одном из садов даже что-то вроде скульптуры из бетона, похожее на ручку от кружки, но высотой футов пять.

– Так вы подозревали Селену? Или кого-нибудь ревнивого, с той или с другой стороны?

Конвей слегка сбросила скорость, но для жилого района все равно не достаточно. Задумалась.

– Нет, пожалуй, Селену я не подозревала. Увидишь сам. Я бы не сказала, что она способна на такое. Хеффернан жутко ей завидует – Селена вдвое симпатичней, – но и ее я не подозревала. Я даже не сказала бы, что поверила ей. Но что-то такое там было. Не пойму что.

Вот, кажется, почему она взяла меня с собой. Что-то такое на периферии поля зрения, ускользнувшее от нее при взгляде в упор. Костелло тоже не смог вычислить, что же это такое. Конвей решила, что свежий взгляд – мой, например, – поможет.

– Девочка-подросток вообще могла это сделать? Физически?

– Да, без проблем. Орудие убийства – и об этом мы тоже не сообщали – оказалась мотыга из сторожки садовника. Один удар – череп сразу треснул – прямо в мозг Криса Харпера. Ребята из лаборатории говорят, что, учитывая острое лезвие и длинную ручку, усилие потребовалось совсем небольшое. Так что школьница вполне бы справилась, если как следует размахнуться.

Я начал было задавать следующий вопрос, но Конвей вдруг свернула с дороги – резко, не поморгав поворотником. Я чуть не пропустил въезд на территорию школы: высокие чугунные ворота, каменная сторожка, железная арка над воротами с надписью “Колледж Святой Килды” золотыми буквами. За воротами Конвей затормозила. Дала мне осмотреться.

Подъездная дорожка из белоснежного гравия тянулась широким полукругом вдоль пологого склона, покрытого аккуратно подстриженным газоном, который простирался куда-то за горизонт. На вершине холма стояла школа.

Когда-то это было чье-то родовое гнездо, поместье, с грумами, удерживающими поводья гарцующих лошадей, с дамами в корсетах, под ручку фланирующими по лужайке. Двести лет, больше? Длинное здание из светло-серого камня, три высоких этажа, больше дюжины окон по

фасаду. Портик поддерживали тонкие колонны с волютами капителей. На крыше балюстрада, изящные точеные колонки которой напоминали вазы. Идеально, ничего не скажешь; каждый дюйм выверен, все гармонично. Солнечный свет медленно растекался по зданию, как масло по тосту.

Мне, наверное, полагалось возненавидеть это место с первого взгляда, с моей-то государственной школой в обшарпанном панельном здании. Когда каждую зиму вырубалось отопление, приходилось в классе сидеть в куртках, географические карты прикрывали пятна плесени на стенах, а любимым развлечением было на спор потрогать дохлую крысу в туалете. Может, при взгляде на это здание мне положено испытать необоримое желание навалить кучу в портике.

Оно было красивым. Я люблю красивое. Всегда любил. Никогда не понимал, почему положено ненавидеть то, о чем можешь только мечтать. Люби сильней. Работай, подбирайся ближе к своей мечте. Хватай и держи крепче, изо всех сил. Пока не придумаешь, как заполнить навсегда.

– Полюбуйся. – Конвей прищурилась, откинувшись на спинку кресла. – Вот только в такие моменты я и жалею, что стала копом. Когда вижу вот такую вот кучу дерьма, а поджечь ее к чертовой матери нельзя.

Она смотрела на меня, ждала реакции. Проверка.

Я бы мог легко ее пройти. Выдать что-нибудь про испорченных зажавшихся богатеев и собственную тяжкую жизнь в доме из шлакоблоков. Запросто. Почему нет? Я так давно хотел попасть в отдел убийств. Работай, двигайся к своей мечте.

Но сближаться с Конвей мне отчего-то не хотелось.

– Красиво, – сказал я.

Она чуть скривила рот – это могла быть усмешка, но нет, что-то другое. Разочарование?

– Тогда ты им понравишься, – протянула она. – Пошли, найдем тебе аристократов-англофилов, полебезишь перед ними.

И машина рванула с места, расшвыривая гравий из-под колес.

Парковка оказалась справа, закрытая стеной темно-зеленых деревьев, – я был почти уверен, что это кипарисы; жаль, не слишком разбираюсь в деревьях. Здесь не было сверкающих “мерседесов”, но и совсем уж развалюх тоже: учителя могли себе позволить что-то приличное. Конвей припарковалась на месте с табличкой “Зарезервировано”.

Скорее всего, никто в школе так и не увидит MG, разве что те, кто смотрел в окно, когда мы подъезжали. Конвей выбрала его для себя, ей самой важно, как и на чем она сюда приедет, а вовсе не увидят ли это другие. И я опять отредактировал мнение о ней.

Она выпрыгнула из машины, забросила сумку на плечо – ничего девчачьего, черная кожаная торба, гораздо брутальней, чем дипломаты остальных ребят из отдела убийств.

– Сначала отведу тебя на место преступления. Соберешься с мыслями и осмотришься. Пошли.

Прохладный полог тенистой кроны деревьев. Откуда-то сверху раздался звук, похожий на вздох; Конвей дернулась, но это был всего лишь ветер, играющий густой листвой. Слева, когда мы снова выбрались на солнце, оказалась тыльная стена школы. Справа – еще один обширный склон, окруженный живой изгородью.

Позади главного здания пристроили два флигеля, скорее всего, позже, но в одном стиле: тот же серый камень, тот же изысканный декор. Мастера интересовало сохранение идеи, а не завитушки.

– Классы, актовый зал, офисы, все школьное хозяйство – в главном здании, – рассказывала Конвей. – Это вот, – ближайший к нам флигель, – для монашек. Отдельный вход, со школой не соединяется; по ночам флигель запирают, но у всех сестер есть ключи, и у них свои

комнаты. Любая могла выскользнуть и проломить голову Крису Харперу. Их осталось всего с дюжину, каждой лет под сто, и никого моложе пятидесяти, но, как я уже говорила, силы там много не потребовалось.

– А мотив?

Она прищурилась, посмотрела на окна. Солнце, отражаясь, било прямо нам в глаза.

– Монашки же долбанутые. Может, одна видела, как он запустил руки под свитер какой-нибудь девчонке, и решила, что парень – прислужник Сатаны, растлевающий невинных дев.

Конвей двинулась через газон по диагонали, удаляясь от здания. Знаков “По газонам не ходить” вокруг не было, но это, кажется, подразумевалось. Я невольно ждал, что из-за кустов выскочит садовник и погонит нас прочь, а сторожевые псы еще и порвут на прощанье штаны на заднице.

– Во втором флигеле пансион. По ночам заперто, как монашкина дырка, и ключей у девчонок нет. Окна первого этажа забраны решетками. Дверь вон там, но она ночью на сигнализации. На первом этаже есть дверь в школу, и вот с ней получается интересно. В школе-то окна без решеток и без сигнализации.

– А переход между школой и флигелем не запирается?

– Конечно, запирается. И днем и ночью. Но в случае необходимости, если, например, кто-то из пансиона забыл домашнюю работу в комнате или срочно нужна книжка из библиотеки, можно попросить ключ. У секретарши, медсестры и кастелянши – я не шучу, тут правда есть кастелянша – по ключу. В прошлом январе, за четыре месяца до Криса Харпера, ключ медсестры пропал.

– И они не поменяли замок?

Конвей закатила глаза. Подвижная мимика, осанка, жесты – не только в ее лице было что-то иностранное.

– Вроде бы очевидно, да? Ан нет. Ключ лежал на полке, прямо над урной; медсестра решила, что он упал, его выбросили вместе с мусором, так что они сделали новый и забыли, ля-ля-ля, все прекрасно, пока не дошло дело до вопросов. Богом клянусь, не знаю, кто тут самый наивный, детишки или персонал. А если ключ у кого-то из учениц? Она спокойно могла пройти в школу, вылезти через окно и до завтрака творить все что угодно.

– А охранника тут нет?

– Есть, а как же. Они его называют ночным сторожем. Думают, что так звучит благороднее. Он сидит в сторожке, которую мы проезжали, и делает обход каждые два часа. Но мимо него проскользнуть не проблема. Погоди, еще увидишь, какого размера тут территория. Нам сюда.

Калитка в живой изгороди, кованые завитушки, протяжный тихий скрип, когда Конвей ее распахнула. За калиткой теннисный корт, футбольное поле, а дальше снова зелень, старательно ухоженная так, чтобы выглядеть не слишком ухоженной, – не дикий лес, а так, слегка диковатый. Смешение деревьев, которые наверняка растили не один век: березы, дубы, клены. Усыпанные гравием тропинки петляют между клумбами с желтыми и лиловыми цветами. Вся зелень свежая, такая мягкая, что рука скользит по ней, не задерживаясь.

Конвей щелкнула пальцами у меня перед носом:

– Сосредоточься.

– Как они там живут? – спросил я. – Общие спальни или отдельные комнаты?

– Первый и второй год обучения – по шесть на комнату. Третий и четвертый – по четверо, а пятый и шестой – по двое. Так что да, как минимум одного соседа надо перехитрить, если захочешь смыться на свидание. Но вот в чем штука: с третьего года соседей можно выбирать. Так что соседка почти наверняка уже на твоей стороне.

Мы прошли вдоль теннисного корта – сетка провисла, пара мячей валяется в углу. Мне по-прежнему казалось, что окна школы уставились мне в спину.

– И сколько тут девочек в пансионе?

– Шестьдесят с лишним. Но нас интересуют не все. Медсестра давала ключ кому-то из учениц во вторник утром, ключ сразу вернули. В пятницу днем ключ опять просят, а его уже нет. Кабинет медсестры запирается, когда ее нет на месте, и она клянется, что об этом не забывала, по крайней мере, чтоб у нее не таскали “Бенилин”³ или что она там держит. Так что если ключ сперли, это был кто-то из тех, кто заходил к ней со вторника по пятницу.

Конвей отодвинула ветку, преградившую ей путь, и направилась по одной из многочисленных тропок глубже в парк. Пчелы кружили над цветущими яблонями, пели птицы – не какие-нибудь там крикливые сороки, а веселые мелкие пичуги.

– В журнале медсестры записаны четверо. Эммелин Локк-Блейни, первогодка, живет здесь же; она была так напугана, что чуть не описалась, – не думаю, чтоб она смогла что-нибудь от нас скрыть. Катриона Морган, пятый год, живет дома, что, впрочем, ее не исключает, могла отдать ключ подружке из пансиона, хотя у них довольно тесные группки. Пансионерки и приходящие особо не смешиваются – знаешь, как это бывает.

Прошел год, а она помнит все имена, вот так вот, без всяких усилий. Дело Криса Харпера действительно задело ее за живое.

– Элисон Малдун, третий год, пансионерка, одна из шестерок Хеффернан. И Ребекка О’Мара.

– Опять компания Холли Мэкки.

– Ага. Теперь ты понимаешь, почему мне кажется, что твоя подружка чего-то недоговаривает?

– А зачем они ходили к медсестре, выяснили? Все правда?

– Проверить по-настоящему удалось только Эммелин. Растянула лодыжку при игре в хоккей или поло, или во что они там играют, ее пришлось перевязать. У остальных трех мигрень, менструальные боли, головокружение или еще какая-то хрень в том же роде. Может, правда, может, просто хотели свалить с уроков, а может... – Конвей вскинула бровь. – Получили обезболивающие и возможность прилечь прямо под полкой с ключом.

– И все утверждали, что не прикасались к нему.

– Клялись и божились. Я поверила Эммелин, а вот с остальными... – Опять поднятая бровь. Полоски солнечного света пробивались через листву и падали ей на лицо, напоминая боевую раскраску. – Директриса уверяла, что никто из ее девочек ни за что и никогда бла-бла-бла и что ключ наверняка упал в урну, но замок все-таки поменяла. Лучше поздно, чем никогда. – Конвей остановилась и показала куда-то пальцем: – Смотри. Видишь, вон там?

Длинная низкая постройка с небольшим передним двориком виднелась сквозь рощу справа от нас. Симпатичное здание. Старое, но поблекший кирпич дочиستا выскоблен и вычищен.

– Это раньше были конюшни. Для лошадей милорда и миледи. Теперь там сарайчик для садовников их высочеств – их тут на такую громадину трое. Там и хранилась тяпка.

Во дворе никакого движения. Я уже какое-то время удивлялся, куда все пропали. В школе ведь, должно быть, несколько сотен человек как минимум, но никого не видно. Только где-то вдалеке *тинк-тинк-тинк*, звонкое постукивание металла о металл. И все.

– Сарай держат закрытым? – спросил я.

– Не. Там внутри шкаф со всякими средствами против сорняков и ос и прочей такой фигни, вот он закрыт. А сами конюшни – заходи кто хочет. Этим дубинам и в голову не пришло, что сарай, считай, набит *оружием*. Лопаты, тяпки, ножницы, секаторы – полшколы можно перебить. Ну или срубить неплохие деньги, если знать, кому это все толкнуть. – Конвей дернула головой, отгоняя облачко мошки, и прошла дальше по тропинке. – О чем я и сказала

³ Сироп от кашля.

директрисе. И знаешь, что она ответила? “Детектив, людей подобного типа наша школа не прельщает”. С такой рожей, будто я ей на ковер кучу наложила. *Идиотка*. Парень лежит с пробитой башкой, а она мне впаривает, что весь их мир состоит из фраппучино и уроков виолончели и даже мыслей дурных ни у кого не возникает. Понял, что я имею в виду под наивностью?

– Это не наивность, – покачал головой я. – Это рассчитанный ход. В подобных заведениях принято следовать указаниям сверху. Если директриса говорит, что все прекрасно и никому не позволено возражать... Да, дело плохо.

Конвей обернулась и посмотрела на меня с любопытством, будто разглядела что-то новое. Это было приятно – идти бок о бок с женщиной, чьи глаза вровень с моими и шаг не короче моего. Легко. На секунду мне даже захотелось, чтоб мы друг другу понравились.

– Плохо для расследования или просто в целом плохо? – спросила она.

– И то и другое. Но скорее в целом. Опасно.

Я ожидал выволочки за драматизм. Вместо этого она просто кивнула и добавила:

– Да, вроде того, верно.

За поворотом тропинки мы вышли из тени деревьев в пятно яркого солнечного цвета.

– Цветы были оттуда.

Синева такая, что, кажется, раньше вообще не видел синего цвета. Гиацинты. Тысячи гиацинтов, по всему склону, под деревьями, как будто высыпавшиеся из какой-то бездонной корзины. От запаха, казалось, могут начаться галлюцинации.

– Я отправила сюда двух ребят в форме. Чтоб проверили все стебли, один за другим, пока не найдут сломанные. Два часа они тут проторчали. Небось до сих пор меня ненавидят, но только мне плевать, потому что стебли они нашли. Все четыре, вон там, у края клумбы. А потом криминалисты установили соответствие сломов цветам, найденным на теле Криса. Не стопроцентное, но вполне убедительное.

И тут меня по-настоящему проняло. Получается, когда эти чудные цветы распускались в прошлый раз, сюда, в место, где вроде бы никогда ничего плохого не может случиться, пришел в поисках чего-то Крис Харпер. Умирая, он, должно быть, чувствовал их запах, тем более в темноте. Это было последнее чувство, когда все прочие уже канули в небытие.

– Где его нашли? – спросил я.

– А вот, – указала Конвей.

Футах в тридцати от тропинки, на склоне, среди подстриженной травы за аккуратными круглыми кустами рошица из таких же высоких псевдокипарисов, густая и темная, окружала полянку. Трава между деревьями разрослась. Над ней парили, как туман, пушистые семенные шапки.

Конвей провела нас вокруг клумбы и дальше вверх. Пришлось поднапрячься. На поляне оказалось гораздо прохладней.

– Темно было? – спросил я.

– Нет. Купер – ты же знаешь Купера? патологоанатома? – Купер сказал, что смерть наступила около часа ночи, плюс-минус пару часов. Небо было ясное, луна растущая, и как раз в районе часа она стояла высоко. Видимость для середины ночи была неплохая.

У меня в голове сменялись картины. Крис выпрямляется, в руках синие цветы, щурится, пытаюсь различить скользнувшую в темноте фигуру, то ли его девушка, то ли?.. И параллельно с этим другой образ. Кто-то замер в тени, стоит среди цветов – она? он? Наблюдает за Крисом, который озирается на полянке, наблюдает, как он ждет, и сама дожидается, когда он отвернется.

Тем временем Конвей тоже выжидала и наблюдала за мной. Она напомнила мне Холли. Обе возражали бы против такого сравнения, но прищур, словно оценивающий, играющий с тобой в “змеи и лестницы”: двигайся аккуратно, сделаешь верный ход – и тебя подпустят еще немного ближе, оступишься – и придется начинать сначала.

– Под каким углом был удар?

Правильный вопрос. Конвей взяла меня за руку и сдвинула на пару ярдов к середине поляны. Хватка крепкая. Не жестко-властная, типа “я коп, вы арестованы”, не девичья, типа “ты мне нравишься”, просто крепкая; такими сильными руками можно и машину починить, и при необходимости дать в морду тому, кто этого заслуживает.

Она развернула меня лицом к цветам и тропинке, спиной к деревьям.

– Он был примерно там.

Послышалось жужжание, шмель или газонокосилка где-то вдали; акустика тут была странная. Созревшие семена кружились вокруг моих лодыжек.

– К нему кто-то подошел сзади – или заставил его отвернуться. Стоял этот кто-то примерно вот здесь.

Прямо у меня за спиной. Я повернул голову. Она подняла над левым плечом воображаемую мотыгу обеими руками. Опустила ее, развернувшись всем телом. На фоне жизнерадостного весеннего щебета раздался свист рассеяемого воздуха и удар. Хотя в руках у нее ничего не было, я вздрогнул.

Уголок рта у Конвей слегка приподнялся. Она показала пустые руки.

– И он упал, – подытожил я.

– Вот прямо сюда ему попали. – Она коснулась ребром ладони моей головы, слева, довольно высоко, провела слева направо. – Крис был на пару дюймов пониже тебя, пять футов десять дюймов. Убийца мог быть и невысоким, от пяти до шести футов, точнее Купер сказать не мог, судя по высоте и форме раны. Скорее всего, правша.

Ступни шаркнули по земле, когда она отодвинулась.

– А трава? Тогда она была подстрижена?

И опять правильный вопрос, хороший мальчик.

– Ага. После этого случая они перестали ее косить. Что-то вроде мемориала, а может, садовникам просто стремно. Не знаю. Здесь мало кто бывает, так что *имидж* школы оно не портит. Но тогда трава была как везде, короткая. В обуви с мягкой подошвой подкрасться ничего не стоило.

И следов бы тоже не осталось – по крайней мере, таких, чтобы их могли использовать криминалисты. А на тропинках гравий – тоже никаких зацепок.

– Где вы нашли мотыгу?

– В сарае, где ей и место. Мы ее заметили, потому что подходила под описание Купера. У криминалистов на подтверждение ушло секунд пять примерно. Она – он, она, без разницы, – она попыталась почистить лезвие, пару раз воткнула в землю вон там, под одним из кипарисов. И о траву вытерла. Разумно. Умней, чем вытирать тряпкой, тогда пришлось бы еще и от тряпки избавляться. Но крови все равно осталось достаточно.

– Отпечатки?

Конвей покачала головой:

– Только садовника. И никаких фрагментов эпителия, так что ДНК тоже нет. Мы решили, что она была в перчатках.

– Она, – подчеркнул я.

– По-моему, так, – ответила Конвей. – Женщин вокруг много, а мужчин – не слишком. В прошлом году была теория, что это какой-нибудь извращенец, забрался подсмотреть за девочками в окно и передернуть, или поиграть с их теннисными ракетками, или еще чего. Крис пришел встретиться с девушкой, поймал его. Правда, с доказательствами беда – что же, у него в одной руке мотыга, а в другой хрен? – но многим все равно понравилось. Лучше уж так, чем думать на какую-нибудь богатенькую красотку. Из такой классной школы.

Снова прищур. Очередная проверка. В солнечном луче ее глаза сверкнули янтарем, как у волка.

– Это был не посторонний. С чего иначе такая секретность, сложности с карточкой на доске? Девушка сама бы тебе позвонила и все рассказала. Если не придумала всю историю целиком, то точно знает что-то о ком-то из школы. И напугана.

– А мы в прошлый раз ее пропустили, – мрачно произнесла Конвей.

Выходит, она сурова не только к другим, эта Конвей.

– Может, и нет, – утешил я. – Эти девчонки ведь совсем еще дети. Если одна из них что-то видела, то могла просто не понять, что происходит, – по крайней мере, тогда. Особенно что-нибудь связанное с сексом или отношениями. Нынешнее поколение отлично информировано, они насмотрелись порносайтов и, скорее всего, знают больше поз, чем мы с вами вместе взятые, но, когда доходит до дела, пользы от этого немного. Девочка могла что-нибудь увидеть, понять, что это важно, но не знать почему. Теперь она на год старше и в жизни разбирается чуть лучше, что-то ей напомнило о тех событиях, и пазл внезапно сложился.

Конвей задумалась.

– Возможно... – протянула она. Но суровость в голосе осталась. Себе она спуска точно не даст. – Неважно. Даже если она не понимала, что именно видела, мы должны были понять за нее. Она была прямо тут, – быстрый кивок в сторону школы, – и мы ее допрашивали, а потом дали просто уйти. И я этим, мать его, недовольна.

Похоже, разговор закончился. Когда стало ясно, что добавлять она ничего не будет, я повернулся к тропинке, но Конвей с места не сдвинулась. Ноги на ширине плеч, руки в карманах, взгляд устремлен на деревья. Подбородок вызывающе вздернут, как будто эти деревья – ее личный враг. Не глядя на меня, она проговорила:

– Мне дали вести дело, потому что мы думали, оно окажется пустяковым. В первый день, еще даже тело в морг не увезли, мы нашли пару фунтов экстази в конюшнях, в шкафу с химикатами. Один из садовников обнаружился в системе – сидел за распространение. А в Святом Колме на рождественской вечеринке поймали пару подростков с таблетками. Допрашивали, конечно, но дилера они не сдали. Криса среди них не было, но все равно... мы решили, что повезло: два раскрытых дела по цене одного. Крис тайком пошел прикупить наркоты у садовника, поссорились из-за денег, ну и результат понятен.

Опять вздох у нас над головами. В этот раз я заметил, как что-то шевелится в ветвях. Как будто сами деревья прислушивались, как будто они грустили из-за нас, переживали за нас, но все равно уже тысячи тысяч раз слышали всё это.

– Костелло... Он был ничего, Костелло. Ребята над ним подшучивали, называли депрессивным козлом, но мужик он был хороший. Сказал: “Давай забирай. Будешь резюме себе делать”. Он, наверное, уже тогда знал, что в этом году уволится, и ему большое дело не нужно было, а мне нужно.

Голос у нее стал тихим, таким ведут душевные разговоры в маленьких комнатах, он словно проваливался в солнечный свет. Я ощутил масштабы окружающей нас тишины и зелени. Широту. И высоту – деревья выше старых зданий школы. И старше.

– Да только у садовника оказалось алиби. В тот вечер к нему заходили приятели сыграть в покер и выпить пивка, двое у него же и заночевали. Мы его взяли за хранение и распространение, но вот убийство... – Конвей покачала головой. – А я должна была бы догадаться, – закончила она. – Должна была понять, что все окажется не так просто.

В ее белую рубашку вдруг врезалась пчела. Уселась, оглушенная. Голова Конвей резко опустилась вниз, а сама она застыла. Пчела переползла через верхнюю пуговицу, через край ткани, потянулась лапками к коже. Конвей дышала медленно и неглубоко. Я увидел, как ее левая рука плавно покидает карман и поднимается в воздух.

Пчела наконец пришла в себя и улетела в сторону солнца. Конвей стряхнула с рубашки невидимую соринку, оставшуюся там, где секунду назад сидело насекомое. Потом повернулась и пошла вниз по склону, мимо гиацинтов и обратно к тропинке.

4

“Корт” – самый большой и лучший торговый центр в пешей досягаемости от Килды и Колма, защита от внешнего мира, где над тобой не торчат взрослые с кислыми лицами, готовые в любой момент коршуном наброситься на тебя. “Корт” возвышается над округой, как огромный магнит, и притягивает всех. Здесь, в искрящемся ломтике счастья и свободы между уроками и ужином, могло произойти что угодно, твоя жизнь словно взмывала вверх и преображалась, таинственно мерцая. В призрачном свете неоновых ламп лица причудливо поблескивали и гримасничали в приступах смеха, рты произносили слова, которые едва различались в водовороте звуков, и любое из них могло оказаться тем самым волшебным словом, которого ты так ждешь; все, что ты в состоянии вообразить, могло ждать тебя здесь, если обернешься в тот единственный верный момент, если поймаешь тот самый нужный взгляд, если из динамиков рядом в нужный миг зазвучит та самая песня. Сладкий запах свежих пончиков, такой густой – хоть с палецв слизывай, плыл от кондитерского киоска.

Начало октября. Крису Харперу – сцепился с Ошином О’Донованом прямо у фонтана по центру “Корта”, хохочет во весь голос, остальные парни из Колма подзадоривают – остается жить чуть больше семи месяцев.

Бекка, Джулия, Селена и Холли – по другую сторону фонтана, у них с собой четыре пакетика конфет. Джулия, косясь на мальчишек из Колма, тараторит, излагая вполне правдоподобную историю о том, как минувшим летом она и еще одна девочка-англичанка умудрились с парой французских парней просочиться в суперкрутой ночной клуб в Ницце. Холли жует “Скиттлс” и слушает, иронично приподняв бровь, что означает: *ну да, конечно*; Селена пристроилась на поцарапанном мраморном бортике фонтана, опустив подбородок на сложенные руки, а волосы ее свисают едва не до полу. Бекка хочет наклониться и придержать их, пока локоны не измарались в пыли и растоптанной на полу жвачке.

Бекка не выносит “Корт”. С самого начала первого года, когда новичкам пришлось прождать целый месяц, прежде чем им позволили покинуть территорию школы, – пока они не вымотаются настолько, чтобы не было сил сбежать, полагала Бекка, – она слышала только одно: ах, “Корт”, “Корт”, “Корт”, стоит нам только попасть в “Корт”, и все будет восхитительно. Сияющие глаза, руки, рисующие в воздухе контуры вожака места, словно там высятся сверкающие замки, блестят льдом катки и струятся водопады шоколада. Девчонки постарше возвращались, важно задрав носы, все такие многозначительно молчаливые, окутанные ароматами капучино и пробников, помахивая пакетами с разноцветными покупками, все еще слегка пританцовывая в ритме модных мелодий. Волшебное место, блистающий мир, где забываешь о нудных училках, рядах казенных кроватей, злобном шипении одноклассниц. “Корт” стирал из памяти все.

Это было еще до того, как Бекка познакомилась с Джулией, Селеной и Холли. В то время она просыпалась по утрам настолько несчастной, что в первые минуты, открыв глаза, даже удивлялась, отчего так плохо на душе, пока не вспоминала почему. Она регулярно названивала матери, рыдая взхлеб и нимало не беспокоясь, кто ее может услышать, и умоляла забрать ее обратно домой. Мать устало вздыхала и повторяла, что вот-вот все станет замечательно, как только она найдет себе подружек, с которыми можно будет болтать о мальчишках, поп-звездах и нарядах, и Бекка бросала трубку, поражаясь всякий раз, насколько хуже она стала себя чувствовать, хотя, казалось, хуже некуда. “Корт” казался единственным местом, на которое еще можно было надеяться в этом мире скорби и ужаса.

А потом она наконец туда попала, и волшебное королевство оказалось зачуханным торговым центром. Девчонки из первого года прямо пищали от восторга, а Бекка прикидывала, глядя на вздымавшиеся ввысь слепые стены серого бетона: если она сейчас свернется калачи-

ком прямо здесь, на земле, и откажется двигаться с места, может, тогда ее отправят домой, объявив сумасшедшей?

А потом к ней подошла какая-то блондинка, Селена, кажется, типа того – Бекка слишком страдала, чтобы обращать внимание на детали, – Селена окинула крышу “Корта” долгим задумчивым взглядом и сказала:

– Там есть одно окно, видишь? Держу пари, если туда забраться, можно пол-Дублина увидеть.

Забраться туда, как выяснилось, было возможно. И вот он распростерся у них под ногами – вожаденный волшебный мир, изящно-игрушечный, как в сказке. Выстиранные простыни колышутся на веревках, детишки играют в мячик в саду, чудесный зеленый парк с яркими, как леденцы, клумбами красных и желтых цветов; вот старичок со старушкой остановились поболтать под изящным кованым фонарем, а их озорные собачки в это время резвятся, запутывая поводки. Окно отыскалось ровно между парковочным автоматом и здоровенным мусорным баком, и взрослые, оплачивавшие парковку, подозрительно косились на Бекку с Селеной, пока в конце концов не явился охранник и не вышвырнул их прочь из “Корта”, хотя и сам явно не очень понимал, за что, собственно, но все равно оно миллион раз того стоило.

Впрочем, два года спустя Бекка все так же ненавидит “Корт”. Ей противно, что на тебя постоянно пялятся со всех сторон, взгляды ползают по тебе, как мерзкие жуки, вечно копошащиеся и что-то грызущие, девицы роятся стайками отвратительной мошкары, ехидно косятся на твою грудь, а парни таращатся вообще непонятно на что. Никто там, в “Корте”, не стоит на месте, всё кружится и вращается, все вертят головами, наблюдают за наблюдателями, стараются принять позу поэффектнее. И замолчать нельзя ни на минуту, нужно непрерывно болтать, чтобы не выглядеть лузером, но не рассчитывай на нормальную беседу, поскольку каждый думает о своем. Пятнадцать минут в “Корте” – и Бекка чувствует: если сейчас кто-нибудь к ней притронется, его убьет ток.

По крайней мере, когда им было двенадцать, они просто надевали пальто и шли себе. А в этом году все готовятся к “Корту”, как к “Оскару”. В “Корте” ты демонстрируешь свои новые обворожительные формы, и походку, и самое себя, дабы люди могли по достоинству оценить их, и не смеешь обмануть ожидания, будучи *пустым местом*. Ты просто *обязана* на всю катушку заняться прической и либо выпрямить волосы до состояния звенящей струны, либо закрутить их в немыслимые конструкции, вымазаться автозагаром с головы до ног, покрыть лицо тональным кремом толщиной в палец, выложить на каждое веко по фунту теней и натянуть супертонкие суперобтягивающие джинсы и угги или “конверсы”, потому что иначе, не дай бог, кто-то сможет отличить тебя от всех остальных, и тогда ты точно лузер. Лени, Джули и Холли уж точно не такие дуры, но и они по четыре раза смывают и вновь накладывают румяна и крутятся перед зеркалом, разглядывая себя под всеми возможными углами, пока Бекка нетерпеливо переминается в дверях. Бекка не красится в “Корт”, потому что вообще терпеть не может косметику и потому что от мысли потратить полчаса на сборы, чтобы потом торчать на лавочке перед ларьком с пончиками, у нее предохранители в мозгу перегорают.

Она ходит туда, раз уж все ходят. Но отчего им это нравится, для Бекки абсолютная загадка. Они ведут себя так, словно восхитительно проводят время, все взбудораженные и восторженные, подталкивают друг друга под локти, радостно верещат и хохочут без повода. Но Бекка-то знает, каковы они, когда действительно радостны и счастливы, и это выглядит совершенно иначе. По пути обратно на их внезапно постаревших печальных лицах отпечатки эмоций словно застывают, оттиснутые так крепко, что не отодрать.

Сегодня она еще больше взвинчена, чем обычно, каждые две минуты смотрит на часы в телефоне, ерзает, никак не устроится удобно на мраморном сиденье. Джулия уже дважды раздраженно фыркала: “Господи, да *угомонись* ты, наконец?” Бекка бормотала: “Прости”, но мгновением позже вновь начинала вертеться.

Это потому, что в нескольких шагах от них на кромке фонтана обосновались Далеки. Бекка ненавидит в Далеках все, до самой последней клеточки. Ненавидит их по отдельности – как Орла разезает рот, как Джемма виляет задницей при ходьбе, идиотскую рожу Элисон, которая корчит из себя напуганную малышку, сам факт существования Джоанны – и всех скопом тоже ненавидит. Сегодня она ненавидит их особенно сильно, потому что трое парней из Колма подсели к ним, так что Далеки выделяются еще больше, чем обычно. Каждый раз, как кто-нибудь из парней что-то говорит, все четверо начинают ржать, повизгивая, едва не падая в фонтан от восторга, и парни якобы вынуждены их подхватывать. Элисон кокетливо склонила голову, строя глазки блондину, и даже высунула кончик языка, типа соблазнительно. Похожа на умственно отсталую.

– Ну и вот, – рассказывает Джулия. – Жан-Мишель показывает на меня и Джоди, и такой: “Это *Candy Jinx*. Они только что победили в ирландском “Х-Факторе”!” Остроумно, правда? Ведь если нет конкурса, нет и настоящих победителей, никто не сможет сказать, что он заливает. А с другой стороны, не так уж остроумно, потому что я могла заранее сказать, что все покатится к долбаной матери. – Это Джулия как бы ругается. По-прежнему не слишком убедительно. – И – о! какой сюрприз! – вышибалы такие: “О’кей, давайте послушаем, как они поют”.

– Упс. – Бекка догадывается, что будет дальше. Она пытается не обращать внимания на Далеков и сосредоточиться на Джулии. Байки у Джулии забавные, даже если вычесть процентов десять-двадцать, и Бекка никогда не уверена, что не ошиблась с вычитанием.

Джулия приподнимает бровь:

– Ну спасибоще.

– Нет, я просто хотела сказать... – юлит Бекка.

– Расслабься, Бек. Я знаю, что пою хреново. В этом все дело.

Бекка краснеет и тянется за очередной пригоршней “Скиттлс”, скрывая смущение.

– Ну, я, типа... понятно, что мы в заднице, что мы с Джоди вообще можем спеть? То есть мы обе любим Леди Гагу, например, но не скажешь же, что первый сингл *Candy Jinx* – “Порочный роман”?

Селена хохочет. Парни из Колма оглядываются на них.

– Хорошо хоть, Флориан умнее, чем Жан-Мишель. Он такой: “Шутишь? У них же контракт. Если они пропоют хоть нотку, нас засудят по самое не балуйся”.

Холли не смеется. Похоже, она отвлеклась. Склонила голову, как будто прислушивается к чему-то другому.

– Хол? – окликает Селена. – Ты в порядке?

Холли кивает в сторону Далеков.

Джулия откладывает финал истории на потом. Все четверо принимаются заинтересованно выбирать конфетки из пакетиков и подслушивать.

– Не, серьезно, я тебе говорю. – Джоанна подталкивает ногой Орлу.

Орла хихикает и прячет голову в плечи.

– Глянь на него. Втюрился в тебя, бедняжка.

– Да нет же.

– Что? Не веришь? Да точно! Он сказал Даре, а Дара – мне.

– Не может быть, чтобы я понравилась Эндрю Муру. Дара просто заливает.

– Прошу прощения... – Голос Джоанны мгновенно становится ледяным, и Бекка вновь начинает нервно ерзать. Она злится, что Джоанна пугает ее до такой степени, но ничего не может с собой поделать. – Ты хочешь сказать, что Дара выставляет идиоткой *меня*? Вот уж *не* думаю.

– Джо права, – лениво бросает Джемма. Она лежит, пристроив голову на колени одному из парней и изящно выгнув спину, так что грудь бесстыже торчит прямо ему в лицо. Бедняга

отчаянно пытается делать вид, что он вовсе туда и не смотрит. – Эндрю конкретно запал на тебя.

Орла по-идиотски корчится от восторга, со свистом вдыхает и закусывает нижнюю губу.

– Он просто очень стеснительный, вот и молчит, – поясняет вновь ставшая милой Джоанна. – Так Дара и сказал. Бедняга Эндрю просто понятия не имеет, что ему делать. – И, обернувшись к высокому темноволосому парню рядом: – Верно же?

– Ага, точняк, – бормочет тот в надежде, что угадал. Джоанна одобрительно улыбается.

– Он думает, у него никаких шансов, – продолжает Джемма. – Но он же ошибается, да?

– Он же тебе *нравится*, а?

Орла невинно мяукает.

– Боже, ну *конечно*, нравится! Это же Эндрю Мур!

– Он самый крутой чувак на свете!

– Я сама от него без ума.

– Я тоже. – Джоанна подпихивает локтем Элисон: – И ты тоже, верно, Эли?

– Э, ну да, – растерянно моргает Элисон.

– Видишь? Я *так* тебе завидую!

Даже Бекка знает, кто такой Эндрю Мур. Он сейчас по ту сторону фонтана, в центре компании из Колма, – блондин, плечи широченные, как у регбиста, самый шумный, буйный. В прошлом месяце папаша Эндрю Мура нанял диджеем на вечеринку по случаю шестнадцатилетия сыночка саму Пикси Гелдоф⁴.

Орла наконец пришла в чувство.

– Думаю, он мне нравится, конечно. В смысле...

– Конечно, нравится.

– Он всем нравится.

– Вот ты счастливая, овца ты эдакая!

Орла улыбается во весь рот.

– То есть... ты?.. О господи. Ты, то есть, можешь сказать Даре, а он передаст Эндрю?

Джоанна отрицательно мотает головой:

– Не поможет. Он все равно постесняется подойти. Ты сама должна ему намекнуть.

Предложение ввергает Орлу в очередной пароксизм хихиканья и подергиваний, она закрывает ладонями лицо.

– Ой, господи, я не могу! Я просто, ой... ой, мамочки! Боже мой!

Джоанна и Джемма – сама искренность, Элисон так и не врубилась, о чем речь, а вот парни с трудом сдерживают ржание. Холли, сидя спиной к ним, изумленно выкатывает глаза, мол, *нет, ну это перебор*.

– Убей меня нежно, – тихо бормочет Джулия пакетику с M&M's, чтоб Джоанна не слышала. – С такими подружками и врагов не нужно...

До Бекки не сразу доходит.

– Думаешь, они *врут*?

Джоанна всегда была из тех людей, которым даже ни к чему быть твоим личным врагом, чтобы быть отвратительной. Она говорит гадости просто так, без всякого повода, а потом ухмыляется, видя твое застывшее лицо. Но здесь ведь совсем другое. Орла же подруга Джоанны.

– О, добро пожаловать в реальный мир. Конечно, врут. Думаешь, Эндрю Мур сохнет вот по *этой*? – Джулия кивает на Орлу, которая раскраснелась и даже вспотела от волнения, вдобавок глупо хихикает и, откровенно говоря, выглядит так себе.

⁴ Британская фотомоделль и певица.

– Какая мерзость, – выдыхает Бекка. Пальцы стиснули пакетик с драже, сердце бешено колотится. – Так нельзя.

– Правда? А вот погляди на них.

– Они это делают на публику, – Холли указывает взглядом на парней, – выпендриваются.

– И что, парням нравится? Слушай, они что, *хотят*, чтобы девчонки делали гадости? Своим собственным *подружкам*?

Холли пожимает плечами:

– Ну, если бы они видели в этом что-то ужасное, наверное, сказали бы.

– Сейчас идеальный момент, – объявляет Джоанна, подмигивая высокому парню. – Иди и скажи ему: “Да, ты мне тоже нравишься”. И все.

– Я не могу, ооой, мамочки, я не могууу...

– Разумеется, можешь. Слушай, на дворе двадцать первый век, феминизм и все такое. Нам больше не нужно ждать, пока парни пригласят нас куда-нибудь. Давай, вперед. Представь, как он будет счастлив.

– А потом он поведет тебя куда-нибудь в тихий уголок за “Кортом”, – подхватывает Джемма, слегка шевельнувшись на своем неудобном ложе, – и его руки обнимут тебя, и он начнет тебя целовать...

Орлу почти скрутило в узел от переживаний, она громко и радостно хрюкает.

– Ставлю пятерку, что она пойдет. Кто больше? – предлагает Джулия.

Селена, разглядывая издали Эндрю Мура, задумчиво произносит:

– Если она это сделает, он ее с грязью смешает.

– Да, он конченный мудака, – соглашается Джулия. Забросив в рот пару конфеток “Ментос”, она продолжает с интересом наблюдать за развитием событий, как в кино.

– Пойдем, – предлагает Бекка. – Не хочу на это смотреть. Отвратительно.

– Фигня. Я посмотрю.

– Поторопись, – нараспев убеждает Джоанна, вновь подталкивая ногу Орлы кончиком туфли. – Он не будет ждать вечно, даже если страстно влюблен. Если не будешь действовать решительно, он переметнется к другой.

– А ведь могла заработать пятерку, – вздыхает Холли. И резко оборачивается: – Эй, Орла! – И, когда Орла обращает к ним багровое лицо, все еще щерясь как идиотка, Холли продолжает: – Они просто над тобой издеваются. Ты что, в самом деле думаешь, что Эндрю Мур постесняется заговорить с девчонкой сам, если она ему понравится? Серьезно?

– Прошу прощения... – возмущенно встречает Джоанна, выпрямившись и с ненавистью глядя на Холли. – Не припомню, чтобы я предлагала тебе высказаться.

– *Прошу прощения*, вы орете во весь голос посреди “Корта”. Если мне приходится это слушать, я имею право и на собственное мнение. И мнение мое таково: он вообще понятия не имеет о существовании Орлы.

– А *мое* мнение, что ты мерзкая шваль, место которой в вонючей муниципальной школе, чтобы нормальным людям не пришлось выслушивать твои тупые *мнения*.

– Ух ты! – радуется парень, на коленях которого пристроила голову Джемма. – Девки сцепились.

– О да-а-а, – усмехается верзила. – Валяй, красотка!

– Отец Холли – детектив, – поясняет Джулия парням. – Он арестовал мамашу Джоанны за проституцию. Вот она до сих пор и злится.

Парни ржут. Джоанна медленно встает и уже открывает рот, чтобы произнести в ответ что-нибудь чудовищное, – Бекка заранее трепещет – когда с другой стороны фонтана доносится шум. Эндрю и трое его приятелей схватили какого-то мальчишку и, держа за руки и за ноги, раскачивают над водой, а тот орет и вырывается. И все при этом смотрят на девиц.

– Боже правый! – Джоанна подталкивает Орлу с такой силой, что та едва не улетает в фонтан. – Видела? Он смотрит прямо на тебя!

Орла ловит взгляд Холли. Холли пожимает плечами:

– Как знаешь.

Орла застывает в растерянности, винтики в ее голове крутятся с такой скоростью, что она явно не в состоянии мыслить, даже в меру собственных способностей.

– Чего ты на меня-то пялишься? – возмущается Джулия. – Я только зритель.

– Холли права, Орла, – тихо произносит Селена. – Если бы ты ему нравилась, он бы сам тебе сказал.

– Или ты просто завидуешь, – усмехнувшись, бросает Джемма, продолжая лежать на коленях приятеля.

– А правда! Потому что Эндрю Мур ни за что не стал бы связываться ни с одной из вас, – фыркает Джоанна. – Кому ты веришь, нам или *им*?

Орла так и стоит с разинутым ртом. На миг ее глаза встречаются с глазами Бекки – тупость и отчаяние. Бекка понимает, надо что-то сказать. *Не делай этого, он размажет тебя по полу на глазах у всех...*

– Потому что если ты веришь им больше, чем нам, – льда в голосе Джоанны достаточно, чтобы заморозить Орлу с головы до ног, – то, возможно, лучше бы им и стать отныне твоими лучшими подругами.

Это мгновенно выводит Орлу из ступора. Даже ей понятно, чего следует бояться по настоящему.

– Нет! В смысле, я не верю им! Я верю только тебе. – Щенячья улыбка. – Правда.

Джоанна еще некоторое время держит леденящую паузу, за время которой Орла успевает едва не поседеть от ужаса, но в конце концов величественно улыбается, демонстрируя милосердие:

– Да, я знаю. В том смысле, что ты же не *дура*. Ну давай, иди.

Орла бросает на нее последний отчаянный взгляд. Джоанна, Джемма и Элисон ободряюще кивают. Орла идет вокруг фонтана, но так пугливо и осторожно, что едва не семенит на цыпочках.

Джоанна, чуть склонив голову набок, улыбается длинному парню. Тот усмехается в ответ. Его рука скользит на талию Джоанны, потом чуть ниже, и вот они вместе следят, как Орла подходит к Эндрю Муру.

Бекка ложится на холодный липкий мрамор и смотрит на куполообразный потолок “Корта”, через все четыре этажа, лишь бы не видеть происходящего здесь. Люди, снующие туда-сюда на балконах, кажутся совсем крошечными и хрупкими, словно в любой момент могут утратить опору, стрелой полететь вверх, раскинув руки, и врезаться головой в крышу. С другой стороны фонтана доносится восторженный рев, хохот и мерзкие вопли: *Ого-го, Муру свезло! – Давай, Энди, не робей, страшненькие отсасывают круче всех! – Трахни хоть из жалости!* И рядом истерический визг Джоанны, Джеммы и Элисон.

– А я все-таки заработала свою пятерку, – констатирует Джулия.

Бекка смотрит на самый верхний этаж, где в углу притаился невидимый отсюда парковочный автомат. Рядом с ним пробивается тонкая полоска дневного света. Она надеется, что пара первогодок выглядывает сейчас в окошко, и свежий ветер выдувает из их голов все это мерзкое дерьмо, и прекрасный мир расстилается под их ногами. Она надеется, что их не прогонят прочь. Надеется, что когда они выйдут наружу, то подожгут клочок бумаги, сунут в мусорный бак и спялят “Корт” к чертовой матери.

5

Тяжелая входная дверь, старинная, выдавшая виды. Конвей решительным толчком открыла ее, и мгновение еще сохранялось пустынное безмолвие. Длинная лестница темного дерева. Солнечные пятна на потертых плитках пола.

А потом внезапно отовсюду задребезжал звонок. Двери распахнулись – и барабанный топот множества ног, волны девчонок в одинаковой сине-зеленой форме, и все галдят разом.

– Твою ж мать, – выругалась Конвей и повысила голос, чтобы я мог слышать: – Вовремя мы. Пошли.

Она проталкивалась вверх по лестнице, прорываясь плечом вперед сквозь поток тел и книжек. Повадка у нее оказалась боксерская. На лице застыло такое выражение, будто ее одновременно допрашивала Собственная Безопасность и терзал стоматолог.

Я пробирался вслед за ней, а девчонки обтекали нас; летящие волосы и мимолетные смешки. Атмосфера изящества и совершенства, дух аристократизма, пронизанного солнцем; солнце струится по перилам, выхватывая отдельные цветные пятна и жонглируя ими, оно приподнимает и меня, окутывает со всех сторон. Я чувствую, как становлюсь иным. Как будто сегодня – мой день, если только я сумею понять, в чем именно, и правильно им воспользоваться. Как будто меня ждет опасность, но исключительно моя, притянутая таинственным магом из волшебной башни персонально для меня, – или удача, неожиданная, неочевидная, так необходимая мне удача, свалившаяся с небес. Орел или решка?

Никогда прежде я не бывал в таком месте, но будто бы вернулся в прошлое. Странное тянущее ощущение по всему телу. Поймал себя на том, что в памяти всплывают слова, о которых я и не вспоминал с тех пор, как подростком продирался сквозь книжную науку в залах центральной дублинской библиотеки, мечтая, что это поможет мне когда-нибудь попасть вот в такие старинные стены. Гигроскопичный. Неисповедимый. Благословенный. Я, долговязый неуклюжий мечтатель, подальше от своих, чтобы никто не видел, как я, с кружащейся от страха головой, рискую дерзнуть.

– Начнем с директрисы, – решила Конвей, когда на верхней площадке мы вновь встали плечом к плечу. – Маккенна. Старая дура. Знаешь, о чем она первым делом спросила нас с Костелло, едва мы появились? Не могли бы мы запретить упоминать в прессе название школы. Представляешь? Насрать на мертвого парнишку, насрать на расследование, на то, что надо поймать преступника, – ее волновало одно: что ее драгоценная школа может *дурно выглядеть*.

Девчонки проносились мимо, ловко огибая нас и выпаливая, запыхавшись, свои “Звините!”. Пара-тройка обернулись на нас через плечо, но большинство слишком спешили, чтобы обращать внимание на мелкие помехи. Загремели дверцы шкафчиков. Даже коридоры здесь славные, высокие потолки и лепнина, нежно-зеленые оттенки и картины по стенам.

– Сюда, – Конвей кивнула на дверь. – Сделай серьезное лицо. – И толкнула дверь.

Кудрявая блондинка обернулась от картотеки, торопливо включая ослепительную улыбку, но Конвей лишь бросила “здрассь”, решительно проходя дальше, прямо к следующей двери. И прикрыла ее за нами.

Там было тихо. Толстый ковер. В отделку этой комнаты вложили много времени и денег, чтобы придать ей вид старинного кабинета: антикварный стол, обитый сверху зеленой кожей, книжные шкафы, неживописная живопись в тяжелой раме – портрет какой-то уродливой монахини. Только современное рабочее кресло и стильный лэптоп давали понять, что здесь настоящий *офис*.

Дама, сидевшая за столом, отложила ручку и встала.

– Детектив Конвей, – проговорила она. – Мы ждали вас.

– Вас не проведешь, – хмыкнула Конвей, постучав пальцем по виску. Она решительно подхватила пару стульев, стоявших у стены, подтащила их к столу и уселась. – До чего же приятно сюда вернуться.

– А это?.. – Дама демонстративно не реагировала на вольности.

– Детектив Стивен Моран, – представился я.

– Ах да. Кажется, это вы беседовали сегодня утром со школьным секретарем?

– Да, именно я.

– Благодарю, что поставили нас в известность. Я мисс Эйлин Маккенна. Директор школы. – Она не протянула руку, ну и я не стал.

– Иногда полезно иметь пару свежих глаз, – подмигнула Конвей. Ее пролетарский выговор стал заметнее. – Взгляд специалиста, ага?

Мисс Маккенна скептически приподняла бровь, но поскольку больше уточнений не последовало, она не решилась переспрашивать. Опустилась обратно в кресло – я дождался, пока она сядет, – сложила руки перед собой.

– Чем могу быть вам полезна?

Крупная она была женщина, эта мисс Эйлин Маккенна. Не толстая, нет, просто крупная, какими становятся дамы за пятьдесят, всю жизнь занимавшие начальственные кресла. Масштабная такая, решительная, вскарабкалась высоко, устроилась прочно, готова переплыть океан чего угодно, не намкнув. Представляю себе ее в коридоре во время перемены: небось девчонки разлетаются в стороны, не отдавая себе отчета, не успев даже сообразить, что директриса на подходе. Могучий подбородок, могучие брови. Стального оттенка седеющие волосы и стальные дужки очков. Я не разбираюсь в женских шмотках, но зато отлично ориентируюсь в качестве, и ее зеленый твидовый костюм был очень дорогим, поверьте, а жемчуг – отнюдь не из “Пенниз”⁵.

– Как обстоят дела в школе? – поинтересовалась Конвей.

Вольготно откинувшись на спинку стула, ноги вытянула, локти растопырила. Старается занять как можно больше пространства. Вот ведь зараза ехидная. Либо они с директрисой крепко поцапались в прошлый раз, либо просто не выносят друг друга.

– Прекрасно. Благодарю вас.

– Ну да? Серьезно? Я ж помню, вы мне всё твердили, что всё вот-вот пойдет прахом, типа... – Рука резко пикирует вниз, протяжный свист. – Долгие годы традиций, все такое, спущено в унитаз, если мы, плебеи, будем лезть сюда со своими дурацкими служебными обязанностями. Я даже почувствовала себя виноватой. Рада, что в итоге все оказалось зашибись.

Мисс Маккенна обратилась ко мне, игнорируя Конвей:

– Как, убеждена, вы можете представить, большинство родителей были встревожены и сомневались, следует ли им оставить дочерей в школе, где произошло убийство. Тот факт, что убийство не было раскрыто, не улучшил ситуации.

Легкая улыбка в сторону Конвей. Без ответа.

– Как ни странно, ничем не помогло и постоянное присутствие полиции, и нескончаемые допросы. Вероятно, это должно было вселить во всех уверенность, что ситуация под контролем, но фактически препятствовало возвращению жизни в нормальное русло. Навязчивые вторжения журналистов, которых полиция не считала нужным приструнить, усугубили проблемы. Двадцать три семьи предпочли забрать своих дочерей из школы. Почти все остальные были близки к такому же решению, но я сумела убедить их, что это вовсе не в интересах их детей.

⁵ Ирландское название компании “Праймарк”, производящей недорогую одежду и аксессуары и имеющей сеть магазинов по всему миру.

Наверняка сумела. Каков голос-то: прямо ирландская Мэгги Тэтчер, отшвырнула плечом мир на положенное ему место, не допуская возражений. Да я и сам уже готов был вилять хвостом и извиняться, если бы придумал, за что именно. Чтобы возражать такому голосу, родителям надо иметь стальные яйца.

– В течение нескольких месяцев ситуация оставалась крайне неопределенной. Но за столетие своего существования школа Святой Килды успешно переживала взлеты и падения. Выстояла и в этот раз.

– Ну и чудно, – констатировала Конвей. – А в процессе переживания и выстаивания не случилось чего-нибудь, о чем нам следовало бы знать?

– Если бы что-то произошло, мы немедленно поставили бы вас в известность. Кстати, в связи с этим, детектив, я хотела бы задать вам тот же вопрос.

– Мне? С чего бы?

– Полагаю, ваш визит связан с тем, что сегодня утром Холли Мэкки покинула без разрешения территорию школы для беседы с вами.

Это она уже ко мне обращалась.

– Мы не можем разглашать детали, – ответил я.

– Я и не жду этого. Но, поскольку вы имеете право знать о том, что может оказать влияние на вашу работу, – и поэтому я всегда позволяла вам беседовать с ученицами – я, в свою очередь, имею право, даже обязана знать все, что имеет принципиальное значение для моей.

Точно выверенный уровень угрозы в голосе.

– Я ценю вашу помощь. Можете быть уверены, если выяснится что-нибудь важное, я вам сообщу.

Очки в стальной оправе сверкнули.

– При всем уважении, детектив, боюсь, мне судить, что является, а что не является важным. Вы не можете принимать решения относительно школы и ребенка, о которых вам ничего не известно.

На этот раз откровенная разведка боем, с обеих сторон. Мисс Маккенна прощупывает, насколько я управляем; Конвей наблюдает за моей реакцией, примерно с той же целью.

– Да, понимаю, это не тот ответ, на который вы рассчитывали, – решаюсь я. – Но единственный, который мы можем дать в настоящей ситуации.

Мисс Маккенна посверлила меня взглядом еще некоторое время. Пришла к заключению, что нет смысла давить. И улыбнулась:

– Что же, придется довольствоваться этим.

Конвей поерзала, устраиваясь поудобнее.

– Расскажите-ка нам про Тайное Место.

Снаружи опять грянул звонок. Затихающие вскрики, еще немножко топота, захлопывающиеся двери классов; тишина.

Тревога заклубилась в глазах мисс Маккенны, но выражение лица не изменилось.

– Тайное Место – это доска объявлений, – спокойно проговорила она, тщательно подбирая слова. – Мы установили ее в декабре, кажется. Ученицы прикрепляют к ней карточки, используя разного рода картинки и надписи, чтобы сохранить анонимность своего сообщения – некоторые объявления довольно изобретательны. Таким образом, у них есть место для выражения эмоций, которые сложно проявить иным способом.

– Место, где можно смешать с дерьмом любого, кто тебе не нравится, не опасаясь, что тебя притянут за травлю. Пустить любую сплетню, истоки которой не проследить. Может, я просто чего-то не понимаю, может, ваши юные леди никогда ничем подобным не занимаются, но мне лично это представляется худшей идеей из всего, о чем я недавно слышала. – Нежная улыбка пираньи в исполнении Конвей. – Без обид.

– Мы сочли это меньшим из двух зол, – парировала мисс Маккенна. – Прошлой осенью группа девочек создала веб-сайт, выполнявший приблизительно такую же функцию. Там довольно часто наблюдалось описанное вами поведение. У нас есть воспитанница, отец которой покончил с собой несколько лет назад. Собственно, именно мать девочки обратила наше внимание на тот сайт. Некто опубликовал фото девочки с комментарием “если бы моя дочь была такой уродиной, я бы тоже наложил на себя руки”.

Конвей метнула взгляд в мою сторону: *Бритвы в волосах. Красиво, говоришь?*

Она была права. Я оказался потрясен больше, чем можно было ожидать, такое гадкое ощущение, как будто заноза под ноготь попала. Беда пришла не извне, как Крис Харпер. Нет, она выросла внутри, в этих стенах.

– И мать, и дочь, – продолжала мисс Маккенна, – были, по вполне понятным причинам, чрезвычайно расстроены.

– И что такого? – фыркнула Конвей. – Заблокируйте сайт.

– И спустя двадцать четыре часа появится новый, а потом следующий и так далее? Девочкам нужен своего рода предохранительный клапан, чтобы выпустить пар, детектив Конвей. Припоминаете, как примерно через неделю после инцидента (короткий ехидный смешок Конвей: *инцидента*) несколько девочек заявили, что видели призрак Кристофера Харпера?

– В туалете, – уточнила Конвей специально для меня. – А что, убедительно. Первое место, куда направился бы парень, если бы стал невидимым, правильно? Дюжина малолеток визжали во всю мочь, висли друг на друге и тряслись от ужаса. Я готова была припомнить старое доброе средство и надавать им по щекам, чтобы они хоть немного пришли в чувство и объяснили мне, что происходит. Они хотели, чтобы я пошла туда и пристрелила привидение из своего пистолета. Сколько ушло времени, чтобы уgomонить их? Несколько часов?

– После этого случая, – невозмутимо продолжала мисс Маккенна, вновь обращаясь исключительно ко мне, – мы могли бы, конечно, просто запретить девочкам упоминать имя Кристофера Харпера. И тогда “призрак” являлся бы каждые несколько дней, и это растянулось бы на месяцы. Взамен мы организовали несколько сеансов групповой психотерапии, сконцентрировавшись на методиках переживания горя и утраты. А у входа в актовый зал на маленьком столике поставили фотографию Кристофера Харпера, рядом с которой ученицы могли положить цветы или открытку или просто помолиться о нем. То есть мы создали возможность выразить горе приемлемым, контролируемым образом.

– Большинство из них никогда его даже *не видели*, – заметила Конвей, повернув ко мне голову. – Они не испытывали никакого *горя*, чтобы его выражать. Просто придумывались, и всё. По заднице им нужно было надавать, а не гладить по головке, типа “ах ты бедняжка”.

– Возможно, – сдержанно произнесла мисс Маккенна. – Но с тех пор “призрак” больше не появлялся.

И улыбнулась, довольная собой. Все встало на свои места, все опять мило и аккуратно.

А ведь она не дура. После рассказов Конвей я ожидал встретить тупую чванливую крашеную блондинку неопределенного возраста, анорексичку с приклеенной манерной улыбочкой, получившую должность благодаря связям мужа. Но эта дама определенно неглупа.

– И в случае с доской объявлений, – продолжала она, – мы использовали тот же подход. Мы направили импульсивные порывы в контролируемое безопасное русло. И вновь результат оказался более чем удовлетворительным.

Она так и не шелохнулась за все время беседы. Прямая спина, изящно сложенные руки. Во всех отношениях внушительная особа.

– Контролируемое, значит. – Конвей ухватила со стола авторучку – “Монблан”, черная с золотом – и принялась небрежно поигрывать ею. – Каким же образом?

– Информация на доске, разумеется, отслеживается. Мы проверяем ее регулярно на предмет появления неуместных высказываний – перед первым уроком, затем на перемене, во время обеда и, наконец, по окончании занятий.

– И как, находили что-нибудь неуместное?

– Разумеется. Не часто, но время от времени.

– Например?

– Как правило, различные вариации на тему “я ненавижу того-то”. “Тем-то” является либо учитель, либо кто-то из школьников. Запрещено указывать имена либо иным способом идентифицировать личность, но, конечно, данное правило регулярно нарушается. По большей части вполне безобидно – пишут о мальчике, который понравился, или клянутся в вечной дружбе, – но порой с более серьезными последствиями. И по крайней мере в одном случае – с целью помочь, а не причинить боль. Несколько месяцев назад мы обнаружили там фотографию с синяками, подписанную “мне кажется, отец такой-то бьет ее”. Разумеется, мы немедленно удалили записку с фотографией, но начали расследование обстоятельств дела. Не афишируя, безусловно.

– Безусловно, – повторила Конвей. Подбросила ручку в воздух, ловко поймала. – Не афишируя.

– Но почему банальная старомодная доска? – поинтересовался я. – Почему не создать собственный сайт, который мог бы модерировать кто-то из учителей? И то, что может задеть чьи-либо чувства, никогда не появилось бы в публичном пространстве. Это ведь безопаснее.

Мисс Маккенна пристально изучила меня, фиксируя детали – неплохое пальто, но прослужило лишних два года; прическа вполне, но следовало освежить еще пару недель назад – и явно оценивая, *насколько* я компетентен. Разомкнула и вновь сомкнула ладони. Не опасается меня, нет, это было бы чересчур, просто старается быть осторожной.

– Да, мы рассматривали такую возможность. Некоторые из учителей высказывались в ее пользу, именно по указанной вами причине. Я была против. Отчасти потому, что это исключило бы из числа участников наших пансионеров, которым закрыт самостоятельный доступ в интернет, но в первую очередь потому, детектив, что девочки-подростки значительную часть времени существуют в собственных воображаемых мирах. И очень легко теряют связь с реальностью. Не думаю, что следует поощрять использование интернета свыше необходимого, не говоря о том, что не следует доверять ему свои самые важные тайны. Я убеждена, что девочкам необходимо как можно прочнее укорениться в реальном мире.

Конвей скептически приподняла бровь. Мол, *это здесь-то у вас реальный мир?*

Мисс Маккенна оставила иронию без внимания. И вновь эта улыбка. Удовлетворенная.

– И я оказалась права. Никаких новых сайтов не появилось. Учениц увлекли хитросплетения и сложности общения в реальном мире: необходимость дожидаться момента, когда никого рядом не будет и никто не заметит, как ты прикрепляешь свою записку, найти убедительный повод отлучиться на третий этаж, когда там пусто. Девочки любят секреты и любят раскрывать свои секреты. Доска объявлений оказалась идеальным вариантом.

– Вы никогда не пытались проследить и выяснить, кто именно повесил записку? – спросил я. – Ну, если, к примеру, кто-нибудь однажды написал: “Я употребляю наркотики”, и вы захотели узнать, кто это. Как бы вы подступились к этому делу? Есть ли там камеры видеонаблюдения или что-то в этом роде?

– Камеры видеонаблюдения? – Она произнесла это как незнакомое иностранное слово. Вопрос ее будто позабавил, уж не знаю, искренне или притворно. – Здесь школа, детектив. А не тюрьма. И наши ученицы не героинозависимые наркоманки.

– Сколько у вас учениц?

– Почти двести пятьдесят. С первого по шестой годы, два класса в параллели, примерно по двадцать девочек в классе.

– Доска объявлений существует около пяти месяцев. Статистически за этот период хотя бы у нескольких из двухсот пятидесяти учениц могло произойти в жизни нечто, о чем вам хотелось бы узнать. Конфликты, расстройства пищевого поведения, депрессия. – Мои слова звучали абсолютно неуместно в этом кабинете. Я знал, что прав, но все равно чувствовал себя так, точно смачно плюнул прямо на ковер. – И, как вы только что заметили, девочки любят делиться секретами. Неужели вы никогда не находили на доске ничего серьезнее надписи: “Французский – отстой”?

Мисс Маккенна внимательно рассматривала собственные руки. Размышляла.

– Когда необходимо определить автора, – проговорила она, – мы находим способ. Однажды мы обнаружили листок с карандашным рисунком, изображающим живот. Рисунок был располосован острым лезвием. Надпись гласила: “Вот бы все это отрезать”. Разумеется, мы должны были выяснить, кто это. Преподаватель рисования высказал свои соображения относительно стиля рисунка, другие учителя предложили проанализировать особенности почерка, и в течение суток мы узнали имя автора.

– Ну и как, она оказалась в порезах? – поинтересовалась Конвей.

Опущенные веки. Видимо, означает “да”.

– Ситуация разрешилась.

На нашей записке ни рисунка, ни надписи от руки. Девушка с лезвием хотела, чтобы ее нашли. Наша героиня – напротив. Или, по крайней мере, не собиралась облегчать нам поиски.

– Полагаю, – на этот раз мисс Маккенна обращалась к нам обоим, – мне удалось объяснить, что доска объявлений несет положительную функцию, а не отрицательную. Даже записки в стиле “ненавижу такую-то” полезны: они указывают на тех учениц, к кому следует присмотреться внимательнее на предмет признаков травли, в ту или иную сторону. Для нас это окно в частную жизнь учениц, детективы. Если вы хоть немного знакомы с психологией девочек-подростков, то понимаете, что нам предоставлен поистине бесценный шанс.

– Звучит зашибись, – констатировала Конвей. И вновь запустила ручку в воздух. – А вчера после уроков вы проверяли свою бесценную доску?

– Мы проверяем ее каждый день по окончании занятий. Как я уже упоминала.

– Кто проверял ее вчера?

– Нужно спросить у педагогов. Они сами договариваются между собой о графике.

– Спросим. Девочкам известно, когда учителя инспектируют доску?

– Они, несомненно, понимают, что процесс контролируется, мы не скрываем данного факта, они видят, как учителя подходят к доске объявлений. Но точное расписание не афишируем, если в этом заключался ваш вопрос.

То есть наша героиня не догадалась бы, что ее можно вычислить. Думала, что растворилась в потоке сияющих мордашек, несущихся по коридорам.

– Кто-нибудь из девочек оставался в главном здании школы вчера после уроков? – спросила Конвей.

Пауза.

– Как вам, возможно, известно, переходный год – четвертый – предполагает значительное количество практикумов: групповые проекты, эксперименты и тому подобное. Зачастую выполнение домашних заданий четвертого года требует доступа к школьным ресурсам. Компьютерный класс, художественная мастерская.

– Короче, вы хотите сказать, вчера вечером в школе торчали девицы из этого самого четвертого года. Кто именно и когда?

Настоящий директорский взгляд. И настоящий взгляд полицейского в ответ. Мисс Маккенна возразила:

– Ничего подобного. Я не имею представления, кто вчера вечером находился в главном здании. Ключи от двери, соединяющей главное здание с жилым крылом, хранятся у мисс

Арнольд, кастелянши, и она записывает имена девочек, которым позволено войти в учебный корпус после занятий. Вам следует побеседовать с ней, я лишь сообщаю, что в любой из вечеров в главном здании можно застать кого-либо из четвертого года. Понимаю, что вам хотелось бы повсюду усмотреть зловещий смысл, но поверьте, детектив Конвей, в школьных проектах по социологии нет ничего угрожающего.

– Мы здесь именно затем, чтобы это выяснить. – Конвей потянулась, закидывая руки далеко за голову и выгибая спину. – Ну что ж, пока хватит. Нам понадобится список девочек, которым вчера разрешили заниматься в главном здании. И поскорее. А мы пока глянем на вашу бесценную доску.

Коротким точным движением, словно бросая камешек, она небрежно швырнула “Мон-блан” обратно на стол. Ручка покатилась по зеленой коже и остановилась в дюйме от сложенных ладоней мисс Маккенны. Мисс Маккенна не шелохнулась.

Школа затихла, такая специфическая тишина, состоящая из тысяч различных полужуков. Где-то поют мадригал. Обрывки фраз, укутанные в сладкозвучные гармонии, прерываются через каждую пару строк и возобновляются, видимо, после учительских указаний. *Веселый май приходит и хороводы водит, фа ля ля ля ля...*

Конвей знала дорогу. Последний этаж, по коридору, мимо закрытых дверей классов. (*Если длинных больше, чем коротких, то... Et si nous n'étions pas alles...*) Распахнутое окно в конце коридора, теплый ветерок и запах зелени.

– Нам сюда. – Конвей свернула в небольшой закуток.

Доска размером шесть футов на три будто выпрыгивала из ниши и визжала вам прямо в лицо. Материализовавшийся бред умалишенного, словно псих выпустил кучу разноцветных шариков в игровом автомате, а кнопка “стоп” сломалась. Ни одного свободного дюйма: фото, рисунки, картинки – все толкаются, толпятся, наклеены друг на друга. Лица, замазанные маркерами. И повсюду слова – неразборчиво накорябанные, аккуратно напечатанные, даже вырезанные откуда-то.

Конвей издала странный звук, какое-то короткое фырканье – вероятно, так звучит смех в ее исполнении.

Поверху, крупными черными буквами, эдакими загогулинами из книжек фэнтези, написано: ТАЙНОЕ МЕСТО.

И чуть ниже, помельче, нормальным шрифтом без всяких финтифлюшек: *Добро пожаловать в Тайное Место. Помните, пожалуйста, что уважение к другим – одна из ключевых ценностей нашей школы. Не изменяйте и не убирайте чужие записки. Сообщения, в которых содержатся упоминания конкретных людей, равно как оскорбительные или неприличные сообщения, будут удалены. Если у вас есть сомнения или опасения по поводу содержания некоторых записок, проконсультируйтесь со своим классным руководителем.*

Мне пришлось на секунду зажмуриться, чтобы перестало рябить в глазах и можно было вычленить отдельные послания из этой мешанины. Черный лабрадор: *Скорей бы псина моего брата сдохла, чтобы я могла завести котенка.* Указательный палец: **ПРЕКРАТИТЕ КОВЫРЯТЬСЯ В НОСУ В ТЕМНОТЕ, Я ВСЕ РАВНО ВСЕ СЛЫШУ!!!** Обертка от мороженого, приклеенная скотчем: *Тогда я поняла, что люблю тебя... и я так боюсь, что ты тоже это знаешь.* Хитросплетение алгебраических уравнений, вырезанных из книжки и наклеенных одно поверх другого: *Падруга дола мне списать потому что я никогда эту хрень ни пайму.* Рисунок, изображающий младенца с соской: *Все обвиняют ее брата, но это я научила племяшку говорить “От...бись”!*

– “Записка была прикреплена поверх двойной открытки: сверху картинка Флориды, а снизу – Голуэй. И подписано: *Я всем сказала, что это мое любимое место, потому что это круто... А на самом деле мое любимое место вот это, потому что здесь никто не считает,*

что я должна быть крутой. Я тоже люблю Голуэй, поэтому посматривала туда периодически, когда проходила мимо. Потому и заметила фотку Криса”.

Я не сразу просек. Показания Холли, слово в слово, насколько я помнил. Заметив мое озадаченное лицо, Конвей саркастически ухмыльнулась:

– Что, удивился?

– Не знал, что у вас такая память.

– Век живи, век учись. – Она чуть отошла от доски, внимательно ее изучая.

Пухлые накрашенные губы, белоснежные зубы: *Мать ненавидит меня, потому что я жирная. Темнеющее синее небо, зеленые холмы, светящееся золотистое окошко: Я хочу домой я хочу домой я хочу домой. А снизу доносится все тот же изысканный мадригал, вновь и вновь.*

– Вот. – Конвей отодвинула фото человека, отмывающего от нефти чайку. *Продолжайте убеждать меня стать адвокатом, но я собираюсь заниматься ЭТИМ!* И ткнула пальцем. Половина – Флорида, половина – Голуэй. Левая сторона доски, ближе к низу. Конвей присмотрелась. – Дырка от кнопки. Похоже, твоя маленькая подружка ничего не выдумала.

Ага, а если бы выдумала, то не забыла бы о таких деталях, как дырочка от кнопки; кто угодно, только не Холли.

– Похоже на то.

Снимать отпечатки бесполезно, все равно ничего не докажешь. Конвей опять процитировала:

– “Вчера вечером, когда мы были в художественной мастерской, я не посмотрела на открытку с Голуэем. Не помню, когда я в последний раз ее видела. Может, на прошлой неделе”.

– Если учителя, которые проверяют доску, справляются со своими обязанностями, то нам достаточно заняться девчонками, сидевшими в корпусе после уроков. В противном случае...

– В противном случае получается хрень, записка могла висеть тут несколько дней. И выяснить что-то – без шансов. – Конвей вернула фото грязной чайки на место, шагнула назад, еще раз окидывая взглядом доску целиком. – Твоя драгоценная Маккенна может сколько угодно трюндеть насчет предохранительных клапанов. По мне, так это все хрень, они тут облажались по полной.

С таким мнением спорить трудно. И я лишь сказал:

– Все равно придется проверить всю доску.

Я видел, как она прикидывает, не завалить ли меня грязной работой, а самой заняться чем-нибудь пристойным. Она же босс.

– Самый быстрый вариант – снять с доски все бумажки, – вздохнула она. – Так мы ничего не пропустим.

– Мы ни за что не сумеем вернуть их на место точно в том же порядке. И ничего, что девчонки узнают, что мы рылись в их тайнах?

– Ой, да какого хрена! – возмутилась Конвей. – Да все это дело – сплошное дерьмо. Говенное хождение на цыпочках, сплошной геморрой! Ладно, оставим все как есть. Ты начинай с того конца, а я с этого.

Битых полчаса мы возились с этой доской – практически на передовой. Действовали молча – стоит отвлечься в этом торнадо, и тебя разорвет в клочья, – но слаженно тем не менее. Такое сразу чувствуется. Ритм совпадает; другой человек не раздражает тебя самим фактом существования. Я был абсолютно готов взвалить на себя всю работу и отдавал себе отчет, что отправлюсь напрямик обратно в Висяки, если посягну на полномочия Конвей или буду дышать ей в спину, – но обошлось. Все получилось легко и непринужденно. Новая волна вдохновляющего чувства, охватившего меня еще на лестнице: *твой день, твой шанс – хватай, если можешь.*

К тому времени, как мы закончили, удовольствие рассеялось. Как после бутылки прокисшего сидра – и во рту не пойми что, и живот пучит; шумно, крепко и бессмысленно. Не потому,

что на доске все было так скверно, вовсе нет, просто они обе оказались правы, и Конвей, и Маккенна, каждая по-своему, но суть одна: это совсем не похоже на мою старую школу. Кто-то по мелочи тырит в магазинах (коробочка из-под туши для ресниц: *Я стащила это + мне не стыдно!!*); кто-то кого-то откровенно бесит (фото пакетика со слабительным: *Вот бы сунуть это в твой долбаный травяной чай*). Ничего криминального. И даже много по-настоящему трогательного. Очаровательный малыш стискивает потрепанного плюшевого медвежонка: *Я скучаю по своему медвежонку!! Но эта улыбка стоила того*. Шесть разноцветных обрывков ленточек, сплетенных в хитрый узел, кончик каждой приклеен к карточке с отпечатками шести пальцев: *Дружба навек*. Некоторые чертовски креативны, прямо произведения искусства, не хуже, чем в художественных галереях. Одно послание выполнено в форме окна, в котором идет снег, каждая снежинка тщательно вырезана, настоящее кружево, уйму времени на это потратили, поди; а за окном едва различимые черты девичьего лица, снег густой, не разобрать кто, но, кажется, кричит. И по краешку крохотными буквами: *Вы думаете, что знаете обо мне всё*.

Вот потому я и чувствовал себя, как после плохого сидра. Золотистый свет, такой ясный и сочный, что его пить хочется, ясные лица, счастливый щебет в коридорах – мне все это понравилось, ужасно понравилось. А в глубине, скрытое от внешних глаз, вот такое. И не одно несчастное исключение, не жалкая ложечка дегтя, нет. У всех.

Я надеялся, что, может, это все фигня. Девчонки скучают, дурью маются от безделья. Потом подумал, что, может, все и впрямь так плохо. Потом решил: нет.

– Как по-вашему, сколько из этого – правда?

Беглый взгляд Конвей. Мы подобрались уже близко друг к другу, начав с разных сторон. Если бы она пользовалась духами, я бы уже учуял, но улавливал только запах обычного мыла без отдушки.

– Кое-что. Большая часть. А что?

– Вы говорили, что они все лгут.

– Верно. Но лгут, чтобы избежать неприятностей, или привлечь к себе внимание, или чтобы казаться круче, чем есть. В общем, обычная хрень. Но если никто не знает, что речь идет именно о тебе, то не слишком много.

– Но вы все равно считаете, что здесь полно фигни.

– О господи, конечно. – Она постучала кончиком пальца по фотографии парня из фильма “Сумерки”. Надпись гласила: *Мы познакомились на каникулах, и целовались, и это было потрясающе, и следующим летом мы опять встретимся*.

– Ну и каков процент правды здесь? – усмехнулся я.

– Эта куколка, спорим, бросала игривые намеки всем своим подружкам всякий раз, как проходила мимо, и все убеждены, что это именно она, но нет никакой необходимости при этом откровенничать, и никто тебя не поймает на слове. И еще... – Конвей задумчиво разглядывала доску, – если кто-то любит создавать проблемы, здесь для него достаточно материала.

Мадригал наконец-то зазвучал громко, чисто и торжественно: *Весна в веселье скачет, зима печально плачет, фа ля ля ля...*

– Несмотря на контроль?

– Несмотря. Учителя могут разглядывать эту доску сколько угодно – они не знают, за чем именно следить. А девчонки сообразительный народ: если что задумали, они найдут способ, и взрослым их не поймать. Подружка доверила тебе секрет, а ты берешь и выкладываешь его здесь для всеобщего сведения. Не нравится тебе кто-то, выдумываешь какую-нибудь гнусность и помещаешь здесь, словно от ее имени. Ну вот это? – Конвей ткнула в фото с напореженным ртом. – Быстро переснимаешь фотку матери, которую кто-то держит на тумбочке у кровати, и готово, и сообщаем, что мамочка думает, что доченька – жирная свинья, и терпеть ее не может за это. Бонусом – если все вдобавок узнали фотографию и теперь уверены, что бедняжка изливает душу.

– Мило, – хмыкнул я.

– Я тебя предупреждала.

Не будем в грусти боле, пойдем плясать на поле, фа ля ля ля...

– А наша карточка? – спросил я. – Какие шансы, что она из этой категории?

Меня это тревожило с самого начала. Не хотелось произносить вслух; не хотелось даже думать, что через пару часов все закончится – пойманный с поличным ребенок рыдает в ожидании наказания, а меня отправляют обратно в Нераскрытые, поощрительно погладив по головке.

– Пятьдесят на пятьдесят, – ответила Конвей. – Возможно. Если кому-то нужно было поднять шухер, то сработало. Но для нас эта штукавина все равно благая весть. Ты почти закончил, да? Не ровен час прозвенит этот чертов звонок, и нас с тобой снесут.

– Да. – Мне нестерпимо хотелось свалить отсюда. Ноги жгло от неподвижного стояния на одном месте. – Готово.

Мы нашли две записки, которые стоило сохранить. Фото детской руки под водой, бледное и расплывчатое: *Я знаю, что вы сделали*. Фото голой земли под кипарисом, жирный крест авторучкой, отмечающий место, без пояснений.

Конвей сунула их в конверты для улик, извлеченные из сумки.

– Поговорим с теми, кто должен был вчера проверять эту доску. Потом получим список девиц, которые тусовались здесь, поболтаем с ними. И хорошо бы, чтоб список был уже готов, не то я за себя не ручаюсь.

После тесного закутка коридор казался бесконечно длинным. Сквозь мерный гул, доносящийся из классов, и мелодичные трели *фа ля ля ля* мне почудилось, что я слышу, как доска за нашими спинами негодует десятками голосов.

6

Позади “Корта” расстилается поле; ну, по крайней мере, это так называют – Поле, со смешком, имея в виду то, что там обычно происходит. Оно предназначалось под новое крыло “Корта”, с магазином “Аберкромби”, но случилась рецессия, и все заглохло. Теперь тут ого-роженная проволочным забором пустошь с высокими пожухлыми сорняками и проплешинами твердокаменной земли, которые, как застарелые шрамы, выдают участки, где бульдозеры успели начать работу; пара куч гравия, порядком раскуроченных, потому что на них лазают все кому не лень, и какие-то загадочные, постепенно ржавеющие железяки. Угловой столб покоился, и сетка забора провисла – отогни и пробирайся внутрь, если не слишком жирный, а жирные сюда и так не сунутся.

Поле – это темная сторона “Корта”, место, где происходит то, что в “Корте” невозможно. Парни из Колма и девицы из Килды заворачивают за угол “Корта” с делано рассеянным видом, только что не насвистывают, и юркают в лазейку забора. Туда ходят главным образом эмо, считающие себя слишком глубокими личностями для торговых центров, – у ограды вечно болтается их стайка, даже в холод или проливной дождь, и в подключенных к их айподам колонках неизменно играет *Death Cab for Cutie*⁶. Но иногда здесь попадают и другие персонажи. Если вы объегорили продавца и добыли бутылку водки или умыкнули у родного папаши полблока курева, если у вас есть в запасе пара косяков или пригоршня мамашиных таблеток, тогда вам тоже сюда. Сорняки на этом пустыре растут густо, в зарослях вас никто не разглядит из-за забора, особенно если вы присядете или приляжете, а ведь вы так и сделаете.

По ночам, однако, все иначе. Дневные гости находят потом десятки использованных презервативов или целые россыпи шприцев. А однажды даже кровь, длинный размазанный след на сухой земле, и нож. Но куда не сообщили. На следующий день нож исчез.

В конце октября в череде мерзких дождливых дней вдруг мелькнул и радостно, солнечно улыбнулся ясный полдень, и тут же образы Поля за клубились в юношеских мозгах. Парни из Колма, с четвертого года, уговорили чьего-то старшего брата купить им несколько двухлитровок сидра и немного сигарет; добрая весть быстро разносится, и вот уже не меньше двух десятков подростков вольготно развалились в сорняках или примостились на валяющихся бетонных блоках. В воздухе плывут семена одуванчиков, цветет желтым крестовник. Мягко припекает солнышко, дует легкий прохладный ветерок.

Отдел косметики “Корта” проталкивает новую линию, так что все девчонки со свежим макияжем. Лица напряженные – боятся улыбнуться, а уж тем более смеяться, чтобы ненароком не размазать чего, но крутой мейк стоит таких усилий. Еще не отхлебнув сидра, ни разу не затянувшись сигаретой, они двигаются самоуверенно и дерзко, выученная сексуальная походка делает их загадочными, надменными, властными. Рядом с ними мальчишки выглядят жалкими юнцами. Чтобы как-то соответствовать, они громче смеются и чаще обычного называют друг друга пидорасами. Некоторые швыряют камешки в ухмыляющуюся рожу, намалеванную кем-то на задней стене “Корта”, и радостно режут, когда удается попасть прямо в высунутый язык; еще парочка имитирует потасовку, возя друг друга спинами по борту какого-то ржавого механизма. Девицы, дабы ни у кого не осталось сомнений, что их весь этот цирк ничуть не интересует, вытаскивают телефоны и фотографируются в новых образах. Далеки, надув губки, позировуют на бетонных блоках; Джулия, Холли, Селена и Бекка – в сорняках.

Крис Харпер позади них, голубая футболка на фоне голубого неба, он балансирует, раскинув руки в стороны, на верхушке кучи строительного мусора, косясь на Эйлин Рассел, и старательно смеется ее шуткам. От Холли и Селены он футах в восьми. Девчонки обнимаются

⁶ Известная американская инди-рок-группа.

и карикатурно вытягивают свеженакрашенные губы для поцелуя, Бекка театрально округляет глазки, хлопая пышными ресницами, и изображает шокированную невинность прямо в камеру, Джулия картинно мечется вокруг, приговаривая, как профессиональный фотограф: “О да, секси, да, девочки, дайте мне больше секса”, но едва ли они догадываются, кто стоит рядом с ними. Они чувствуют, ощущают некую игривую силу неподалеку, как ощущают тепло от нагретой земли на этом Поле, но прикрой им глаза и спроси, кто это был, за спиной, и ни одна не назовет имя Криса. Жить ему остается шесть месяцев, три недели и один день.

Джеймс Гиллен подкатывает к Джулии с бутылкой сидра:

– Да ладно, бросай это дело.

Джеймс Гиллен – симпатичный, но такой гаденький, уголок рта вечно приподнят в ухмылке, так что сразу хочется занять оборону; он как будто постоянно стебется, и ты никогда не уверен, что не над тобой. Куча девчонок влюблена в него – Каролина О’Дауд втюрилась до такой степени, что реально купила дезодорант “Линкс Эксайт” и каждое утро брызгает им на прядь собственных волос, чтобы обонять любимый аромат, когда захочется. Видели бы вы ее на уроке математики, как она, приоткрыв рот, нюхает свои патлы, – та еще картинка, как будто IQ у девочки не больше двадцати.

– И тебе привет, – отвечает Джулия. – С чего бы, а?

Он тычет пальцем в ее телефон:

– Ты клево выглядишь. И никаких фоток в доказательство тебе не нужно.

– Да неужели. И ты мне, кстати, тоже не нужен.

Но Джеймса так просто не остановить.

– Я знаю, от каких фоток я бы не отказался, – говорит он, выразительно пялясь на грудь Джулии.

Он определенно рассчитывает, что Джулия покраснеет, тут же застегнет молнию худи или гневно взвизгнет, – в любом варианте он оказывался победителем. Но покраснела почему-то Бекка, а вот Джулия вовсе не намерена доставлять ему удовольствие.

– Поверь, малыш, – усмехается она, – тебе с ними не справиться.

– Не такие уж они крупные.

– Как и твои лапки. А ты же знаешь, что говорят о мальчиках с маленькими ручками.

Холли и Селена хихикают.

– Господи, – изумляется Джеймс. – А ты не слишком ли торопишься, а?

– Уж лучше так, чем плестись в хвосте, дурилка, – огрызается Джулия. Захлопнув телефон, она сует его в карман, готовая к любому продолжению.

– Фу, ты просто омерзительна, – со своего насеста комментирует сцену Джоанна, кокетливо наморщив носик. И обращается к Джеймсу: – Невероятно, как у нее вообще язык повернулся такое сказать?

Но попытка Джоанны проваливается, Джеймса интересует только Джулия – по крайней мере, сегодня. В сторону Джоанны он бросает улыбочку, которая может означать что угодно, и поворачивается к ней боком.

– Итак, – обращается он к Джулии, – хлебнешь? – и протягивает ей бутылку.

Краткий миг триумфа Джулии, сладчайший взгляд Джоанне поверх плеча Джеймса.

– А то. – И делает глоток.

Джулии не нравится Джеймс Гиллен, но в данном случае это не имеет значения, уж точно не здесь. В “Корте”... там, в “Корте”, любой пойманный взгляд мог означать Любовь – колокольный звон, фейерверк, взрыв; Любовь под нежные мелодии среди радужного сияния огоньков, это могло быть то самое чудо, о котором захлеб твердят все книжки, фильмы и песенки; и ты прижимаешь головой к плечу того самого одного-единственного, ваши пальцы сплетаются, а его губы нежно касаются твоих волос, и из каждого динамика звучит Ваша Песня. И сердце

распахивается тебе навстречу и раскрывает невысказанные тайны, и в нем находится место, идеально подходящее для хранения твоих.

А здесь, на Поле, это никакая не Любовь, и здесь никогда не свершится того самого чуда, о котором все говорят, здесь возможно то чудо, на которое все намекают. Песенки настырно впаривают идею, но они просто вбрасывают в атмосферу нужные слова, достаточно непристойные, чтобы заморочить вам голову, чтобы вы перестали задавать вопросы. Песенки не объясняют, на что это будет похоже когда-нибудь *тогда*, и не рассказывают, что же оно такое. Про такое в песенках не поется; оно разлито в пространстве, здесь, в Поле. В сигаретном дыме, вонючке крестовника, молочке из сломанного стебля одуванчика, оставляющем липкие пятна на пальцах. В музыке эмо, гулко отдающейся в самом основании позвоночника. Болтают, что Лианн Нейлор, которая не вернулась доучиваться на пятый год, забеременела здесь, в Поле, и даже не знает, от кого именно.

Поэтому неважно, что Джулии не нравится Джеймс Гиллен. Здесь имеет значение лишь чертовски привлекательный изгиб его губ, едва заметная щетина на его подбородке, легкое покалывание, бегущее вдоль запястья, когда их пальцы смыкаются на бутылке. Глядя ему в глаза, она кончиком языка слизывает каплю, оставшуюся на горлышке, и усмехается, заметив его расширившиеся зрачки.

– А нам достанется, надеюсь? – требует Холли. Джулия, не оборачиваясь, передает ей бутылку. Холли выразительно закатывает глаза, но делает приличный глоток, прежде чем вручить бутылку Селене.

– Покурим? – предлагает Джулии Джеймс.

– Почему бы нет.

– Упс. – Он даже вид делать не стал, что рылся в кармане. – Похоже, выронил пачку где-то. Пардон. – Встает и протягивает руку Джулии.

– Ладно. – Джулия если и колеблется, то лишь одну десятую вдоха. – Тогда мне придется пойти помочь тебе в поисках. – Она берет Джеймса за руку и позволяет себя поднять. Отбрасывает у Бекки бутылку и игриво подмигивает ей, на секунду отвернувшись от Джеймса. Они удаляются рука об руку в высокие колышущиеся заросли.

Солнечный свет расступается, пропуская их, а потом мерцающие блики вновь скрывают парочку от посторонних взглядов, они растворяются в сияющей дымке. Бекку охватывает странное чувство – нечто среднее между утратой и чистой паникой. Она едва сдерживается, чтобы не крикнуть вслед, остановить, пока не стало слишком поздно.

– Джеймс Гиллен. – Холли потрясена и иронична одновременно. – Боже правый.

– Если она спутается с ним, – заявляет Бекка, – мы ее потеряем. Как Мариан Маер. Та вообще больше не разговаривает с подружками, сидит и часами строчит эсэмэски Этому-какого.

– Джули ни за что не спутается с ним, – успокаивает Холли. – С Джеймсом *Гилленом*? Смеешься?

– Но что тогда?.. Это как?..

Холли небрежно дергает плечиком: долго объяснять.

– Не переживай. Просто потискается с ним, и все.

– Я так не могу, – говорит Бекка. – Ни за что не пойду с парнем, если он мне безразличен.

Повисает молчание. Вскрик и смех доносятся откуда-то из Поля; девчонка с пятого года хохочет, гоняясь за парнем, который вертит над головой ее солнечные очки; победный клич – кто-то залепил прямо в яблочко намалеванной на стене роже.

– Иногда, – внезапно произносит Холли, – мне хочется, чтобы все было как пятьдесят лет назад. Ну, типа, никто не трахается до свадьбы, и поцеловаться с парнем – это грандиозное событие.

Селена пролистывает свои фото на телефоне, подложив куртку под голову.

– А если трахалась с парнем, – бросает она, – или просто вела себя так, что можно догадаться, будто тебя это интересует, тебя до конца дней упекут в Приют Магдалины⁷.

– Я не сказала, что раньше все было идеально. Но тогда все понимали, как надо себя вести. И никому не надо было ничего выдумывать.

– Можешь просто принять решение не трахаться ни с кем до свадьбы, – предлагает Бекка. Обычно ей нравится сидр, но сегодня от него какой-то мерзкий привкус остается на языке. – Выйдешь замуж и узнаешь, каково это, и не придется ничего выдумывать.

– Вот я именно об этом, – поддерживает Селена. – У нас хотя бы есть выбор. Хочешь быть с кем-нибудь – пожалуйста. Не хочешь – никто тебя не заставляет.

– Угу. – Холли не слишком уверена, впрочем. – Наверное.

– Точно.

– Ну да. Только если ты не трахаешься, ты просто фригидная дура.

– Я вовсе не фригидная дура, – возражает Бекка.

– Я знаю. И я не об этом вовсе. – Холли аккуратно общипывает лист крестовника. – Просто... а *почему* этого не делать, как объяснить, понимаешь? Когда к тебе приматываются, если ты этого *не делаешь* и вроде бы нет причины отказываться? Раньше люди этого не делали, потому что такое поведение считалось дурным. Я не считаю это дурным. Просто хотелось бы... – Лист распадается у нее в руках; она стряхивает обрывки на землю. – Ладно, забыли. Но этот козел Джеймс Гиллен мог хотя бы оставить нам сидр. Они же явно не пить там собираются.

Селена и Бекка молчат. Тишина становится гнетущей.

– Слабо тебе, – задорный вопль Эйлин Рассел за их спинами, – слабо-слабо! – Но крик скользит по поверхности тишины, отскакивает и улетает в солнечное сияние. Бекке чудится запах дезодоранта “Линкс Сперминатор” или как там он называется.

– Привет, – неожиданно раздается рядом. Она оборачивается.

Растрепанные патлы, на вид пацанчику лет одиннадцать, в этом он похож на Бекку, но она точно знает, что мальчишка со второго года, если вообще не с первого. Ну и ладно, он ведь здесь точно не затем, чтобы лапать девчонок, и, может, они еще потреплются о чем-нибудь и потом побросают вместе с парнями камешки в граффити на стене.

– Привет, – повторяет он. Голос еще не ломается.

– Привет, – отзывается Бекка.

– Твой отец что, вор? – спрашивает он.

– Чего?

Мальчишка торопливо бормочет продолжение:

– Тогда кто же украл звезды с неба и поместил их в твои глаза?

И смотрит с надеждой. Бекка растерянно молчит, не найдаясь с ответом. Малыш принимает молчание за поощрение. Придвигается ближе и пытается нащарить в траве руку Бекки.

Бекка торопливо отдергивает руку и интересуется:

– И что, это работает?

– Брат говорит, что работает, – обиженно бурчит мальчишка.

До Бекки доходит: он решил, что она здесь единственная девчонка, которая готова с ним путаться, типа от отчаяния. Типа его уровня.

Хочется вскочить и сделать головокружительное сальто или умчаться с кем-нибудь далеко-далеко и быстро-быстро, и чтобы они оба разбились насмерть, что угодно, лишь бы важно стало, как двигается ее тело, а не как оно выглядит. Она ведь быстрая и ловкая, всегда такой была, она умеет делать колесо и сальто назад и может взобраться куда угодно; она всегда была лучшей, но сейчас единственное, что имеет значение, это то, что у нее нет сисек. Ноги

⁷ Сеть исправительных учреждений для “падших женщин”.

длинные и бессмысленные, просто ровные жерди, ничего не добавляющие, потому что не к чему.

Внезапно мальчишка наклоняется к ней, Бекка даже не сразу соображает, что это он пытается ее поцеловать. Она успевает увернуться, и губы ухажера утыкаются в ее волосы.

– Нет, – резко бросает она.

– А-а-а, – огорченно тянет парнишка. – А почему нет?

– Потому.

– Прости, – пришибленно бормочет малыш. И густо краснеет.

– Знаешь, думаю, твой брат тебя разыграл, – вмешивается Холли. – Этот прикол вряд ли с кем-то сработал хоть раз. Так что дело не в тебе.

– Наверное, – печально соглашается он и продолжает сидеть рядом, потому что и подумать жутко, чтобы возвращаться сейчас к приятелям, позорище. Бекка мечтает превратиться в маленького жучка, свернуться в клубочек и натаскать сверху кучу сухой травы, пока совсем не скроется с глаз. И этот дурацкий макияж кажется сейчас издевательской надписью ХА-ХА-ХА-ХА через все лицо.

– Давай-ка, – Селена протягивает мальчику свой телефон, – сфоткай нас. А потом свалишь к своим, и будет, как будто ты просто нас выручил. О'кей?

Благодарность на мальчишеской физиономии почти щенячья.

– Да, – выдыхает он. – Ага, о'кей.

– Бек, – протягивает руку Селена, – иди сюда.

Бекка, ерзая, подсаживается ближе. Рука Лени крепко обнимает ее, Холли прижимается с другого боку; Бекка чувствует их тепло сквозь ткань худи, чувствует их надежность и поддержку. Тело впитывает их, словно кислород.

– Улыбочку! – подсказывает мальчишка. Он заметно повеселел.

– Погоди-ка. – Бекка решительно и жестко проводит тыльной стороной ладони по накрашенным губам, размазывая суперматовую несмываемую стойкую помаду “Фирс Фокс”, превращая ее в боевую раскраску. – Вот так, – и довольно улыбается, – “сыыыр”.

Слышна звонкая очередь щелчков, пока мальчишка жмет на кнопку.

– Ого-го, я готов! – кричит за их спинами Крис Харпер. Под саундтрек визгов Эйлин Рассел он выпрямляется на куче бетонных блоков и делает обратное сальто на фоне неба. Приземляется не очень точно, покачнувшись; по инерции его заносит чуть дальше, он влетает в высокие сорняки и шлепается на спину в колышущиеся зелено-золотистые заросли. И лежит там, распростершись, глядя в обманчиво голубое небо, и хохочет во весь голос.

7

На этот раз суматоха перемены выглядит и звучит иначе. Кучки девчонок жмутся по стенам, тихо переговариваются голова к голове. Низкий гул сотен быстрых шепотков. Но гул обрывается и девчонки разбегаются, едва кто-нибудь оборачивается и замечает нас. Слух уже распространился.

В учительской мы застали несколько педагогов, устроившихся пообедать, – отличная учительская, кофе-машина и постеры с Матиссом, немножко роскоши для создания хорошего настроения. Накануне доску проверяла учительница физкультуры, и она божится, что приходила туда сразу после уроков и все просмотрела очень тщательно. Обнаружила две новые записки, с черным лабрадором и от девочки, которая копит деньги на увеличение груди. Всё, мол, как обычно. Когда доску только повесили, был настоящий взрыв, десятки карточек за день, но постепенно ажиотаж угас. Если бы была еще одна записка, третья, она бы заметила.

Нас провожали настороженные взгляды – настороженные взгляды и уютный запах тушеного мяса, и сразу же, не успели мы удалиться на достаточное расстояние, всплеск возмущенных перешептываний.

– Слава богу, – сказала Конвей, не обращая внимания на шипение нам вслед. – Это сужает круг.

– Она сама могла повесить записку, – возразил я.

– Училка? – Конвей шагала сразу через две ступеньки в сторону кабинета Маккенны. – Если только она полная идиотка. Зачем привлекать к себе внимание? Пришили бумажку в тот день, когда ты не дежурная, и пускай найдет кто-нибудь другой, на тебя не подумают. Нет, она не при делах.

Кудрявая секретарша Маккенны, вежливо улыбаясь, вручила нам готовый список. *Орла Бёрджесс, Джемма Хардинг, Джоанна Хеффернан, Элисон Малдун – разрешено находиться в художественной мастерской в течение первого вечернего учебного периода (18.00–19.15). Джулия Харт, Холли Мэки, Ребекка О'Мара, Селена Винн – разрешено находиться в художественной мастерской в течение второго вечернего учебного периода (19.45–21.00).*

– Ха. – Конвей отобрала у меня листок и привалилась бедром к столу секретарши, перечитывая список. – Кто б подумал. Придется поговорить с каждой из восьми, по отдельности. Пускай их немедленно снимут с уроков и присматривают, глаз не спуская, пока я не закончу.

Лучше не давать им шанс сговориться или скрыть улики, если они этого еще не сделали, что, впрочем, маловероятно.

Конвей продолжала:

– Я устроюсь в художественной мастерской, и пускай с нами посидит учительница. Как там ее, французский преподает? Хулихен.

В мастерской было свободно, и нам передали, что Хулихен явится моментально, как только ей найдут замену на уроке. Маккенна безропотно распорядилась: коп захотел – коп получил.

Никакая Хулихен нам не нужна была. Если допрашиваешь несовершеннолетнего подозреваемого, необходимо присутствие его законного представителя, а вот при допросе несовершеннолетнего свидетеля это необязательно. Если можно обойтись без посторонних, лучше так и сделать: иногда наедине подростки могут выложить то, чего никогда не сказали бы в присутствии мамы или учителя.

Если вы приглашаете законного представителя, для того есть причины. В ситуации с Холли я вызвал соцработника, потому что оказался один на один с девочкой-подростком, и еще из-за ее папаши. Конвей тоже вызвала Хулихен не без оснований.

И художественную мастерскую выбрала неспроста.

– Когда наша девица будет проходить мимо, – она мотнула головой в сторону Тайного Места в коридоре, – то непременно туда обернется.

– Если только у нее не железное самообладание, – заметил я.

– Будь оно так, она не прилепила бы эту записку.

– Ей хватило самообладания, чтобы продержаться целый год.

– Да. Но сейчас сломалась. – И Конвей распахнула дверь мастерской.

Чисто и свежо, классная доска и до блеска отмытые длинные зеленые столы. Сверкающие раковины, два гончарных круга. Мольберты, деревянные рамы, сложенные в углу, запах краски и глины. Одна из стен – громадное французское окно, выходящее на газон и парк. Конвей, похоже, вспоминала наши кабинеты рисования – рулон ватмана и несколько баночек засохшей гуаши.

Она расставила в кружок три стула. Вытащила из коробки горсть пастели и прошлась вдоль столов, беспорядочно разбрасывая мелки и отодвигая бедром стулья, нарушая строгий порядок. Солнце слепило глаза, раскаляя воздух в мастерской.

Я молча стоял у дверей, наблюдая за ней. Она заговорила, словно отвечая на мой вопрос:

– В прошлый раз я облажалась. Мы допрашивали их в кабинете Маккенны, в присутствии самой Маккенны. Сидели втроем за ее столом, как инспекция по делам несовершеннолетних, и пялились на бедных деток.

Бросив последний взгляд на парты, она обернулась к доске, нашарила кусочек желтого мела и принялась черкать какие-то каракули.

– Это была идея Костелло. Пускай все выглядит предельно официально, сказал он, как будто их вызвали к директору, только еще страшнее. Надо вселить страх божий в их сердца, сказал он. Звучало убедительно – это же просто дети, маленькие девочки, которые привыкли делать, что велят, нужно просто изобразить верховную власть, и они расколются, верно?

Она отшвырнула мелок на учительский стол и стерла каракули, оставляя разводы на доске. Частицы мела рассеялись вокруг нее золотистым нимбом в лучах солнца.

– Но даже тогда я знала, что он не прав. Сидела там как на иголках и чувствовала, как с каждой секундой наши шансы вылетают в окно. Но все произошло слишком быстро, я даже не успела толком сообразить, как бы это по-другому устроить, а уже все закончилось. А Костелло... хотя на папке с делом и стояло мое имя, это вовсе не значило, что я могла ему приказывать.

Она отодрала клочок бумаги от рулона, скомкала и бросила не глядя.

– А здесь они будут на своей территории. Все мило, ненапряжно, неофициально, нет нужды быть настороже. И Хулихен эта – девчонки прикалываются на уроке, спрашивают ее, как будет по-французски “мошонка”, а она краснеет, – так что им будет пофиг ее присутствие. Уж она-то точно не вселит ни в кого страх божий.

Конвей рывком отворила окно, впуслав волну свежего воздуха и запаха травы.

– На этот раз если я облажаюсь, то самостоятельно. На свой лад.

Вот он, мой выход, уже идеально подготовленный.

– Если хотите, чтобы они расслабились, позвольте мне вести беседу, – сказал я.

Пристальный взгляд. Я не моргнул.

Конвей привалилась к подоконнику. Пожевала губами, разглядывая меня с головы до ног. С игровой площадки доносились крики, там полным ходом шел футбольный матч.

– О’кей, – решила она. – Беседуй на здоровье. И как только я открываю рот, ты тут же захлопываешь свой и не издаешь ни звука без команды. Если я прошу тебя закрыть окно, это означает, что ты вне игры, дальше работаю я, а ты не встречаешь, пока я не позволю. Усвоил?

Щелчок – и в карман.

– Усвоил.

Мягкий золотой свет ласкал мою шею, и я пытался предугадать – неужели именно здесь, в комнате, где таинственное эхо отражается от стен и сияет полировкой старинное дерево, неужели именно здесь я обрету свой долгожданный второй шанс прорваться в заветную дверь? Надо бы запомнить, как выглядит этот кабинет. Как-то почтить место.

– Я хочу полного отчета о том, что они делали вчера вечером. А потом выложить записку, прямо под нос, ни с того ни с сего, чтобы понаблюдать за реакцией. Если скажет: “Это не я”, сразу выяснять, а кто это может быть, на кого она подумала. Справишься?

– Полагаю, справлюсь, да.

– Черт. – Конвей помотала головой, словно сама себе удивлялась. – Просто постарайся не падать ниц и не начинай лобызать их туфли.

– Как только мы выложим перед ними записку, это в считанные минуты станет известно всей школе.

– Думаешь, я не в курсе? Именно этого я и *хочу*.

– Не боитесь?

– Что убийца прознает и придет по душу автора?

– Ага.

Конвей легонько постукивала кончиком пальца по полоске жалюзи, заставляя подрагивать и чуть колыхаться всю конструкцию.

– Я хочу движухи. А это запустит события, – сказала она. Резко оттолкнулась от подоконника, подошла к трем стульям, выставленным в проход, развернула один спинкой к учительскому столу. – Боишься за девицу, сочинившую записку? Тогда найди ее раньше, чем найдет кто-то другой.

Осторожный стук в дверь, в комнату просунулось испуганное личико – вероятно, той самой Хулихен – и робко пролепетало:

– Детективы, вы хотели меня видеть?

Первой вокруг Тайного Места вчера тусила компания Джоанны Хеффернан, с них-то мы и начали. Хулихен отправили за Орлой Бёрджесс.

– Джоанна сразу примется психовать, – сказала Конвей, когда за учительницей закрылась дверь, – что начали не с главной. Если распахнется всерьез, даст слабину. А у Орлы мозги куриные. Застанем ее врасплох, навалимся как следует, и если знает хоть что-то, сразу расколется. Что?

Я совладал с собой и не улыбнулся.

– Я думал, на этот раз планировалась дружеская беседа. А не акция устрашения.

– Да пошел ты! – Но уголок рта Конвей все же дрогнул. – Ладно, ладно. Я злобная сука. Радуйся. Будь я очаровашкой, ты вообще остался бы вне игры.

– Да я не жалею.

– Вот и не жалуйся, не то тут же отыщется парочка безнадежных дел из семидесятых, где ты вволю сможешь воспользоваться своими технологиями дружеских бесед. Если намерен разговаривать, садись уже давай. А я гляну, не захочет ли Орла проверить, где там ее записка.

Я уселся на стул, приняв максимально непринужденную позу. Конвей направилась к выходу.

Торопливый стук каблучков по коридору, и вот уже в дверях стоит Орла, вихляясь и хихикая. Не красотка: маленького роста, шеи почти нет, как и талии; в качестве компенсации – очень много носа. Но она старалась. Тщательно выпрямленные светлые волосы, автозагар. С бровями тоже что-то делала.

Конвей за спиной у нее коротко мотнула головой – значит, Орла не проверяла Тайное Место.

– Спасибо, – обратилась она к Хулихен. – Присаживайтесь вон там, – и показала в дальний конец комнаты, в уголок, прежде чем та успела открыть рот.

– Орла, – начал я. – Я детектив Стивен Моран. – Идиотский смешок в ответ. Ну да, я же известный комик. – Садись, – предложил я стул напротив меня.

Конвей пристроилась прямо у меня за плечом, но, впрочем, не слишком близко. Орла скользнула по ней равнодушным взглядом. Конвей, конечно, из тех людей, что производят впечатление, но девочка едва ли ее узнала.

Орла аккуратно расправила юбку на коленях.

– Это опять насчет Криса Харпера? Ой, вы что, узнали, кто?.. Ну, вы поняли. Кто его?..

Мерзкий голосок. Манерный, тоненький такой, в любой момент готовый перейти в визг. И эти интонации, как у плохого актера, изображающего американский акцент.

– Почему ты так решила? Хочешь рассказать что-нибудь о Крисе Харпере?

Орла чуть не подпрыгнула на стуле.

– Я? Нет! Совсем нет.

– Потому что если тебе есть что рассказать, то сейчас самое время. Ты ведь понимаешь, да?

– Да-а-а. Ой, да. Если бы я что-то знала, я бы обязательно рассказала. Но я не знаю. Богом клянусь.

Нервная усмешка, произвольная, смесь надежды и страха.

Входишь со свидетелем в тесный контакт, угадываешь его желания. Потом раздаешь желаемое щедрыми горстями. Я в этом мастер.

Орла хотела нравиться людям. Хотела, чтобы на нее обращали внимание. Чтобы любили.

Глупо звучит, понимаю, да так оно и есть. Но меня как будто обманули. Подманили, а потом вышвырнули, выплюнули, даже гаже – выблевали. От этого места я ожидал чего-то значительного, а как же иначе – под высокими сводами, в облаках золотистого света, благоухающего гиацинтами. Я ждал чего-то особенного, необыкновенного. Невиданного прежде загадочного мерцания тайны.

А тут обычная девчонка, такая же, как сотни других, рядом с которыми я вырос и от которых держался подальше, точно такая же дешевка, только акцент фальшивый да на зубы потрачены сумасшедшие деньги. Ничего особенного. Абсолютно ничего.

На Конвей оборачиваться не хотелось. Не мог избавиться от ощущения, что она прекрасно слышит, что творится в моей голове, и смеется надо мной. Не по-доброму смеется.

Широкая добрая извиняющаяся улыбка, от меня – Орле.

– Не волнуйся так. Просто я надеялся – а вдруг. Ну, просто наугад спросил, понимаешь?

И держал улыбку, пока девочка не улыбнулась в ответ: “Ага” – благодарно, искренне благодарно. Кто-то, вернее всего Джоанна, постоянно срывал на Орле свое дурное настроение.

– У нас есть несколько вопросов – обычное дело, ничего особенного. Можешь ответить? Поможешь мне?

– Да, конечно.

Орла улыбалась. Конвей пересела на стол. Словно ненароком достала свой блокнот.

– Ты умница, – доброжелательно продолжал я. – Давай поговорим о вчерашнем вечере. Первый учебный период, ты была здесь, в мастерской?

Испуганный взгляд на Хулихен:

– У нас было разрешение.

Единственное, что ее тревожило, – претензии со стороны администрации.

– Да, знаю, – успокоил я. – Расскажи, как вы получили разрешение.

– Обратились к мисс Арнольд. Она кастелянша.

– Кто с ней разговаривал? И когда?

Пустой взгляд.

– Это не я.

– А чья была идея заниматься здесь вечером?

Еще более тупой взгляд.

– Тоже не моя.

Охотно верю. Убежден, что Орла вообще редко подает какие-либо идеи.

– Ничего страшного. – Я улыбнулся еще радостнее. – Расскажи мне, как все было. Одна из вас взяла у мисс Арнольд ключи от двери в коридоре...

– Это я. Прямо перед началом вечерних занятий. А потом мы пошли наверх. Я, и Джоанна, и Джемма, и Элисон.

– А потом?

– Мы просто работали над своим проектом. Есть общая тема – искусство и что-то еще. У нас, например, искусство и компьютерные технологии. Вон, – ткнула она пальцем в угол.

Пяти футов в высоту, портрет женщины – кто-то из прерафаэлитов, я видел эту картину раньше, но сейчас не узнал. Готова наполовину, изображение слеplено из квадратиков глянцевой цветной бумаги; вторая половина – расчерченная сетка, в каждой клеточке мелкими цифрами код, какой цвет следует наклеить. В итоге красotka с загадочным взглядом превратилась в косоглазую истеричку – жуткое зрелище.

– Ну, это, типа, должно демонстрировать, – пояснила Орла, – что из-за интернета и всякого такого люди воспринимают себя иначе. Ну, как-то так, точно не знаю, это была не моя идея. Мы на компьютере разделили картину на клеточки, а теперь вырезаем квадратики из журнальных страниц, чтобы наклеить, как мозаику. Времени уйма уходит, поэтому приходится доделывать по вечерам. А потом, когда наше время вышло, мы вернулись к себе, в пансион, а ключи отдали мисс Арнольд.

– А кто-нибудь выходил из мастерской, пока вы тут работали?

Орла попыталась вспомнить, от напряжения приоткрыв рот.

– Я в туалет выходила, – наконец произнесла она. – И Джоанна. А Джемма выходила в коридор, потому что звонила кому-то и хотела поговорить *без свидетелей*. – Сдавленное хихиканье. Понятно, парень. – И Элисон выходила звонить, только маме.

То есть каждая.

– Именно в таком порядке?

Тупой взгляд.

– Чего?

Господи Иисусе.

– Ты помнишь, кто выходил первым?

Мучительные размышления, работа мысли, открытый рот.

– Кажется, Джемма? А потом я, а потом Элисон, и после Джоанна – наверное, не помню точно.

Конвей заерзала. Я тут же умолк, но она ничего не сказала, просто вытащила фото записки из кармана и протянула мне. Уселась на стол, ноги поставила на стул и опять раскрыла блокнот.

Я вертел в пальцах фотографию.

– По пути сюда ты прошла мимо Тайного Места. И когда ходила в туалет, тоже проходила там. И еще раз, когда вы уже направлялись обратно в пансион. Верно?

– Да. – Орла кивнула. На фото не глядела. Не видела никакой связи с вопросом.

– Ты останавливалась посмотреть, что там?

– Ну да. Когда шла обратно из туалета. Проверить, не появилось ли чего новенького. Но я ничего не трогала.

– И как? Появилось новенькое?

– Не-а. Ничего.

Лабрадор и пластика груди, если верить учительнице физкультуры. Если Орла их не заметила, точно так же она могла не заметить и еще одной записки.

– А ты сама когда-нибудь прикрепляла записки на этой доске?

Орла жеманно состроила глазки:

– Может быть.

Я понимающе улыбнулся.

– Знаю, это личное дело. И не спрашиваю о подробностях. Просто скажи: когда в последний раз?

– Примерно месяц назад.

– То есть это не твоя?

И сунул фото прямо ей в руки, прежде чем она сообразила, что это такое.

Только бы не она.

Мне необходимо, чтобы Конвей увидела, на что я способен. Пять минут беседы и простой ответ не дадут ничего – разве что меня подвезут обратно в Нераскрытые, а не заставят тащиться на автобусе. Мне нужен поединок.

Да, надо признать, где-то там, в глухом темном углу сознания, детективы по-прежнему охотники-дикари. Убиваешь хищника – получаешь его душу, кровь его проливается в тебя. Заколот копьем леопарда – стал храбрее и быстрее. Весь этот блеск и роскошь Килды хлынут прямо на тебя сквозь старинные дубовые двери, станут твоими без всяких усилий. Да, я жаждал этого. И слизывал бы, слизывал со своих разбитых кулаков вместе с кровью врага.

Но эта дурочка, с ее запахом дезодоранта и мерзких сплетен... Нет, я не это имел в виду. Все равно что выкручивать лапки жирному хомячку, детскому питомцу.

Сначала Орла тупо пялилась на фото. А потом взвизгнула. Тоненький противный писк, такой издают старые резиновые игрушки.

– Орла, – резко оборвал я, пока она не довела себя до истерики, – это ты повесила в Тайном Месте?

– Нет! Ой, господи, *нет*, честное слово! Я ничего не знаю про то, что случилось с Крисом. *Богом* клянусь!

Я поверил. Она держала фотографию на вытянутых руках, отодвинув подальше, как будто та могла ее укусить; вытаращенные глаза метались от меня к Конвей, потом к Хулихен в поисках помощи и поддержки. Нет, это не наш клиент. Божества криминалистов подбросили мне для начала легкий вариант, чтобы запустить процесс как следует.

– Значит, это одна из твоих подружек, – сказал я. – Кто?

– Я не знаю! Я ничего об этом не знаю. *Клянусь!*

– А кто-нибудь из них высказывал предположения, кто мог это сделать?

– Никогда. Ну, мы все думаем, что это сделал садовник – он вечно пялился на нас и лыбился, гадкий такой, и ваши же его арестовали за наркотики, правда? Но всерьез мы ничего не знаем. Во всяком случае, я. А если остальные знают, то они мне никогда ничего не говорили про это. Их и спросите.

– Спросим, – сказал я. Добро и мягко. С улыбкой. – Не волнуйся. Тебя ни в чем не подозревают.

Орла постепенно успокаивалась. Теперь она с интересом тарасилась на фото – ей уже нравилось держать в руках такую серьезную улику. Хотелось уже прогнать ее к чертовой матери. Но я позволил ей получить еще немного удовольствия.

Напомнил себе: те, кто тебе не нравится, очень полезны. Им не удастся надуть тебя так легко, как это сделают те, кто тебе симпатичен.

Над головой Орлы словно зажглась лампочка: ее осенила догадка.

– А может, это вообще не мы. Сразу после нас тут занимались Джулия Харт со своими. Может, это они.

– Думаешь, они знают, что случилось с Крисом?

– Да нет. Ну, то есть, может, но вряд ли. Хотя они могли просто всё выдумать.

– Зачем им это?

– Да просто так. Потому что они, ой, ну, такие, *придурочные*.

– Да ну? – Я наклонился вперед, сцепив ладони, весь внимание и готовность выслушать горячие сплетни. – Seriously?

– Ну, раньше они были нормальные, *очень* давно. А сейчас мы, типа, такие “да вообще”, понимаете, да? – И Орла выразительно развела руками.

– А в каком смысле придурочные?

Слишком сложный вопрос. Мечущийся взгляд, как будто я попросил произвести сложные вычисления в уме.

– Ну, просто чокнутые.

Я ждал.

– Типа, они думают, что они такие особенные. – Первый проблеск осмысленности, даже в лице появилось нечто человеческое. Злоба. – Думают, что могут делать что захотят.

Я изобразил крайнюю заинтересованность. Подождал.

– Вот давайте для примера, да? Вы бы их *видели* на дискотеке в День святого Валентина. Ненормальные, честно. Ребекка приперлась в *джинсах*, а Селена – я вообще не знаю, *что это было*, она нарядилась как на *карнавал*! – Опять этот визгливый смех, уши режет. – И все такие, типа, аллэ, на что вы вообще *похожи*? Там же были *парни*, вот я о чем. Весь *Колм* собрался. И все мальчишки на них смотрели. А Джулия и все они вели себя, как будто это *неважно*. – Изумленно отвисшая челюсть. – Вот тогда мы и поняли, что они, типа, *чокнутые*.

Я еще раз понимающе усмехнулся:

– И это случилось в феврале?

– В прошлом феврале. В прошлом году.

Еще до Криса, значит.

– И клянусь, они с тех пор все хуже и *хуже*. В этом году Ребекка вообще не пошла на дискотеку. Они не красятся – ну, в смысле, нам в школе не разрешают пользоваться косметикой, – добродетельный взгляд в сторону Хулихен, – но они и в “Корт” не красятся, в торговый центр. И еще однажды, как раз несколько недель назад, мы там тусили всей толпой. И тут Джулия говорит, что она идет обратно в школу. И один из парней такой: “С чего вдруг?” И Джулия ему говорит, что живот дико болит, потому что...

Орла выразительно посмотрела на меня, прикусив нижнюю губу, и вся сжалась, будто прячась в собственных плечах.

– Потому что у нее месячные, – вступила Конвей.

Орла покраснела и залилась идиотским смехом, тихонько похрюкивая. Мы ждали. Она утомилась.

– Ну, понимаете, она прямо так и *сказала*. Вот так, в лоб. И все парни такие: “Ой, фуууу! Какие подробности!” А Джулия помахала им ручкой и ушла. Понимаете, о чем я? Они говорят что им в голову взбредет, как будто так и надо. И ни у одной нет парня – удивительно, да? – и они ведут себя так, как будто это даже не проблема! – Орла набирала обороты. Лицо раздумянилось, губы поджались. – А вы *видели прическу* Селены? Мамадорогая. Знаете, когда она постриглась? Сразу, как Криса убили. Это как же надо *выпендриваться*, а, представляете?

Я чувствовал, что теряю нить.

– Погоди-ка. Ее прическа – это демонстрация, да? А чего именно?

Подбородок Орлы стремительно опустился до того места, где предположительно должна быть шея. Новый ракурс – хитрая, осмтрительная и коварная.

– Того, как она типа путалась с Крисом. Она, видите ли, *страдает* или типа того. А мы все такие: “Аллэ, да кому это вообще интересно?”

- А почему ты думаешь, что она встречалась с Крисом?
Еще хитрее. И еще осторожнее.
- Просто мы так думаем.
- Правда? Видели, как они целовались? Может, держались за руки?
- Ой, ну, конечно, *нет*. Они бы не стали так *откровенно* всем показывать.
- А почему?
- Тень чего-то странного. Страх. Орла оплошала – или подумала, что оплошала.
- Я не знаю. Просто считаю, что если бы им было все равно, что все про них знают, они бы не скрывали, что встречаются. Я только это хотела сказать.
- Но если они держали в тайне свои отношения, значит, никогда не вели себя как пара на людях, так что же заставило вас думать, что они встречаются?
- Чего? – Опять эти пустые вытаращенные глаза.
- Господи Иисусе. Головой об стол. Больше не могу. Медленно и ласково:
- Почему ты думаешь, что Крис и Селена встречались?
- Пустой взгляд. Пожатие плечами. Орла решила больше не рисковать.
- А почему они держали это в тайне?
- Пустой взгляд. Пожатие плечами.
- А ты? – вмешалась Конвей. – У тебя есть парень?
- Орла слабоумно хихикнула, поджав нижнюю губу.
- И все же?
- Смущенное поерзывание.
- Ну, типа того. Ой, мамадорогая, это так сложно.
- Кто он?
- Смешок.
- Я задала тебе вопрос.
- Просто парень из Колма. Его зовут Грэм, Грэм Квинн. Но мы не то чтобы *встречаемся* – в смысле, божемой, я не обнимаю его и не говорю всем, типа он *мой парень*! Ну, он, конечно, вроде как парень, но...
- Ясно. – Тон у Конвей такой, что даже тупая Орла поняла и заткнулась. – Спасибо.
- Если выбрать что-то одно, – продолжил я, – чтобы рассказать о Крисе Харпере, что бы ты выбрала?
- Опять вытаращилась. У меня постепенно заканчивалось чувство юмора.
- О чем?
- О чем угодно. Что тебе кажется самым важным.
- Ну... он был шикарный парень?
- Хихикает.
- Я забрал у нее фотографию.
- Спасибо. Ты нам очень помогла.
- Подождал секунду. Орла молчала. Конвей молчала. Сидела себе на столе, писала что-то или просто чертиков рисовала, отсюда не видно. Я не собирался оборачиваться, чтобы не выглядело, будто прошу помощи.
- Хулихен сдержанно кашлянула, то ли спросить что хотела, то ли просто напоминала о себе. А я о ней и забыл.
- Конвей захлопнула блокнот.
- Спасибо, Орла, – повторил я. – Возможно, нам понадобится еще раз поговорить с тобой. И если вдруг припомнишь что-нибудь, что, по-твоему, могло бы нам помочь, все что угодно, вот мой телефон. Звони в любое время. Хорошо?
- Орла взяла визитку с таким видом, как будто я предложил ей сесть ко мне в полицейский фургон.

– Спасибо. Еще увидимся, – прервала трогательную сцену Конвей и бросила Хулихен, уже с готовностью вскочившей со своего места: – Следующая Джемма Хардинг.

Я еще разок улыбнулся Орле. Подождал, пока они с Хулихен выйдут за дверь.

– Ну что, господибожемой, а? – усмехнулась Конвей.

– Господибожемой, мамадорогая, какогочерта, твою мать, – отозвался я.

Мы почти посмотрели друг на друга. И почти рассмеялись.

– Не она, – заключила Конвей.

– Не-а.

Я ждал. Не стал спрашивать, уж такого удовольствия ей не доставлю, но мне нужно было знать.

– Все прошло нормально, – сказала она.

С трудом сдержал вздох облегчения, буквально в последний миг. Сунул фотографию обратно в карман для следующей серии.

– Что мне следует знать про Джемму?

– Считает себя секс-бомбой, – скривилась Конвей. – Наклонялась перед Костелло пониже, демонстрируя декольте. Бедолага не знал, куда глаза девать. – И усмехнулась. – Но эта хотя бы не такая дремучая. Совсем нет.

Джемма – это примерно как вытянутая в длину Орла. Высокая, стройная – из всех сил старается отоцать до модной худобы, но телосложение не то. Симпатичная, очень даже симпатичная, но с таким подбородком еще до тридцати лицо у нее станет лошадиным. Старательно выпрямленные светлые волосы, автозагар, выщипанные брови. На Тайное Место даже не покосилась, но Конвей же предупредила, что она совсем не дура.

К стулу она прошла, как по подиуму. Села, положила одну длинную изящную ногу на другую медленным томным движением. Запрокинула голову, выгнув шею.

Даже после того, что сказала Конвей, я не сразу сообразил, с чем имею дело, не сразу разглядел за школьной формой и фактом шестнадцати лет. Джемма рассчитывала вызвать во мне вожделение. Не потому что сама хотела меня, это ей и в голову не приходило. Просто потому что я находился рядом.

И с такими я тоже в школе учился. И в их игры не играю.

Глаза Конвей двумя раскаленными булавками прожигали сквозь ткань пиджака мои лопатки.

Еще раз повторил себе: *ничего особенного* означает именно ничего, с чем ты не мог бы справиться.

Одарил Джемму медленной ленивой улыбкой. Понимающей улыбкой ценителя.

– Джемма, верно? Я детектив Стивен Моран. *Очень* приятно познакомиться с тобой.

Прокатило. Тень улыбки в уголках губ.

– У нас к тебе несколько обычных вопросов.

– Без проблем. Всё, что захотите.

Это “всё, что” немножко чересчур. Улыбка обрисовалась отчетливее. Слишком прямолинейно.

Джемма сообщила примерно то же, что и Орла. С тем же дебильным американским акцентом. Нарочито растягивая звуки, лениво, демонстративно скучая в этой школе, для которой она слишком яркая фигура. Покачивая ножкой. Внимательно следя за тем, внимательно ли я слежу за ней. Если вопросы о вчерашнем вечере и породили выброс адреналина, она никак этого не показала.

– Когда ты была здесь вчера, то звонила кому-то, – сказала Конвей.

– Да. Своему парню. – Последнее слово Джемма посмаковала и покосилась на Хулихен – определенно, телефонные звонки во время занятий запрещены, – не шокировали ли ее слова ученицы.

– Как его зовут?

– Фил Макдауэлл. Он из Колма.

Ну разумеется. Конвей села на свое место.

– И ты вышла поговорить с ним, – уточнил я.

– Да, я вышла в коридор. Нам нужно было кое-что обсудить. Личное. – Игривая улыбка, персонально для меня. Будто я посвящен в тайну или могу быть посвящен.

Я улыбнулся в ответ.

– Когда ты выходила, не заглядывала к Тайному Месту?

– Нет.

– Нет? Тебя это совсем не интересует?

– Да глупости это, – пожала она плечами. – Все эти “Ах, меня никто не понимает, а я такая необыкновенная!”. Да можно подумать. Если там появляется что-нибудь крутое, все и так об этом сплетничают. Так что мне незачем туда заглядывать.

– А сама ты когда-нибудь не пробовала поместить там записку, хоть раз?

Она равнодушно дернула плечом.

– Когда только повесили эту доску. Просто для смеха. Я и не помню, про что. Мы все тогда понавыдумывали всякой фигни.

Встревоженный клекот из угла Хулихен. Джемма игриво шлепнула себя по запястью:

– *Плохая* девочка.

Забавляется, значит.

– А что скажешь насчет этого? – И я протянул ей фотографию.

Перестала покачивать ногой. Брови взлетели до корней волос.

И через секунду, медленно:

– О. Господи.

А вот это искренне. Учатившееся дыхание, потемневшие глаза – прорезалось-таки сквозь тщательно выстроенную сексуальность. Это не наша девица, нет. Вычеркиваем вторую.

– Это не ты повесила?

Джемма медленно повела головой из стороны в сторону, не отводя взгляда от фото, внимательно изучая его.

– Точно? Ну просто ради шутки?

– Я не идиотка. У меня отец адвокат. Я прекрасно знаю, что это не смешно.

– Не догадываешься, кто бы мог это сделать?

Мотает головой.

– А если попробовать угадать...

– Не знаю. Честное слово. Я бы очень удивилась, если это Джоанна, или Орла, или Элисон, но не стала бы ручаться. Просто хочу сказать, что если это кто-то из них, то мне об этом ничего не известно.

Итак, две из двух готовы столкнуть подружек в дерьмо, лишь бы их самих не забрызгало. Как мило.

– Но здесь вчера вечером были и другие, – заметила Джемма. – После нас.

– Холли Мэкки и ее подруги.

– Точно. *Эти*.

– Эти. А что они за люди?

Джемма настороженно взглянула на меня, протянула фото обратно.

– Понятия не имею. Мы с ними практически не общаемся.

– А почему?

Пожимает плечами.

Улыбаюсь многозначительно.

– Дай-ка угадаю. Ваша компания наверняка довольно популярна у парней. А Холли и остальные вам мешали, да?

– Просто они другого типа люди.

Плотно скрещенные на груди руки. Джемма не купилась.

Тут что-то было. Орла, может, и впрямь искренне верила в эту муть про дурацкий прикид Селены для танцев, а может, и нет, но у Джеммы, похоже, точная и взвешенная позиция. Между двумя компаниями определенно что-то происходит.

Если Конвей намерена надавить, пускай займется этим сама. Не мое амплуа. Я Мистер Симпатяга, со мной можно поболтать. Если я продолбаю эту роль, у Конвей не останется причин со мной работать.

Конвей не издала ни звука.

– Что ж, понятно, – сказал я. – Давай поговорим о Крисе Харпере. У тебя есть какие-нибудь соображения насчет этой истории?

Пожимает плечами.

– Псих какой-нибудь. Садовник, которого вы арестовали, как его там. Или вообще кто-то случайно мимо проходил. Откуда мне знать?

Руки все еще сложены. Я наклонился вперед, изобразил улыбку, типа мы одни в баре поздно вечером:

– Джемма. Ну просто поболтай со мной. Давай так: выбери что-то одно о Крисе Харпере и расскажи мне. Одну важную деталь.

Джемма задумалась. Вытянула свои длинные стройные ноги, провела ладонью по бедру – так, мы вернулись на исходные позиции. Я внимательно наблюдал, чтобы она поняла, что старается не напрасно. Жуть как хотелось отодвинуть стул подальше. Я готов был расцеловать Конвей только за то, что она находится в этой же комнате. Джемма дьявольски опасна и прекрасно это понимает.

– Крис – это последний человек, про которого можно было бы подумать, что его когда-нибудь убьют, – произнесла она.

– Даже так? Почему же?

– Потому что его все любили. Вся наша школа от него балдела. Некоторые, конечно, говорили, что нет, но только потому, что хотели выделиться, или потому, что у них в любом случае не было шансов ему понравиться. И все парни в Колме хотели тусить с ним в компании. Потому я и думаю, что это сделал кто-то со стороны, случайный прохожий. Никто не стал бы намеренно вредить Крису.

– А тебе Крис нравился?

Пожимает плечами.

– Я же сказала – он всем нравился. Ничего в этом не было особенного. Мне многие парни нравятся. – Легкая улыбочка, с намеком.

– Ты с ним встречалась? В смысле, у вас был роман? – поддерживаю тон.

– Нет, – резко и сразу.

– Но почему? Если он тебе нравился... – Подчеркнутое *тебе. Стоит тебе пожелать, и любой парень твой.*

– Да так просто. У нас с Крисом никогда ничего не было. Точка.

Джемма вновь закрылась. И тут тоже нечисто.

Конвей не стала давить, я тоже. Вот моя визитка, если вспомнишь о чем-нибудь... и все такое. Пока Конвей отряжала Хулихен за следующей, Элисон Малдун, я успел улыбнуться на прощание Джемме, разве что не подмигнул, когда она выходила и обернулась убедиться, что я провожаю ее взглядом.

Выдохнул, провел рукой по лицу, чтобы избавиться от сальной улыбочки.

– Не она, – констатировал я.

– А что это за фигня с одной важной деталью про Криса? – поинтересовалась Конвей.

У нее был целый год, чтобы все узнать про него. А у меня несколько часов. Хотя что-нибудь выяснить – уже хорошо.

Конечно, зачем мне знать про Криса. Не мое дело – не мое тело. Я здесь исключительно для того, чтобы хлопать ресницами, вовремя улыбаться и разговаривать девчонок.

– А что это за фигня с бойфрендами?

Конвей спрыгнула со стола, придвинулась почти вплотную к моему лицу:

– Ты что, меня допрашиваешь?

– Я просто спросил.

– Здесь спрашиваю я. Не наоборот. Если пойдешь в сортир, я, если пожелаю, могу спросить, помыл ли ты руки. Усвоил?

Да, про “почти рассмеялись вместе” можно забыть.

– Мне нужно знать, как они относились к Крису, – пояснил я. – Нет смысла рассказывать, какой он был милый и как несправедлива жизнь, если я беседую с человеком, который ненавидел его до чертиков.

Конвей еще некоторое время злобно тарасилась на меня. Я не терял самообладания, помня, что осталось еще шесть девиц и что без меня Конвей недалеко уйдет. Молился, чтобы Конвей думала о том же.

Она опять взгромоздилась на стол.

– Элисон, – буркнула она. – Элисон впадает в ступор от всего, чтоб ее. Включая меня. Буду держать рот на замке, если ты не облажаешься. Гляди не облажайся.

Элисон выглядела, как Джемма, севшая после стирки. Мелкая, щуплая, плечики узенькие. Пальчики нервно теребят юбочку. Старательно выпрямленные светлые волосы, автозагар, выщипанные брови. На Тайное Место не обернулась.

И вот она-то точно узнала Конвей. Едва Элисон появилась в дверях, Конвей, впустившая ее, попыталась скрыться из поля зрения, но Элисон буквально шарахнулась от нее.

– Элисон, – поспешно начал я ласковым голосом, отвлекая девочку. – Я Стивен Моран. Спасибо, что пришла. – Улыбка. На этот раз ободряющая. – Садись, пожалуйста.

Никаких тебе ответных улыбок. Элисон пристроилась краешком задницы на краешке стула и уставилась на меня. Мелкие черты лица, зубы торчат, мышья белая. Хотелось вытянуть пальцы и пощелкать языком, подманивая.

Но вместо этого я вежливо проговорил:

– Всего пару вопросов, это займет несколько минут. Не могла бы ты рассказать о вчерашнем вечере? Начиная с первого учебного периода?

– Мы были здесь. Но ничего не *сделали*. Если что-то произошло, что-то украли или сломали, это не я. *Клянусь*.

И голосок тоже тоненький и мерзкий, переходящий в нытье. Конвей была права, Элисон боится всего – боится, что проштрафится, что все, что она говорит, делает и думает, – неправильно. Хочет, чтобы ее убедили в том, что она молодец. Я видел это и в школе, и миллион раз у свидетелей, гладил по головке и произносил все нужные слова.

И здесь тоже:

– Да, конечно, я знаю. Ничего не пропало, не сломалось. Никто ничего дурного не совершил. – Улыбка. – Мы просто проверяем некоторые факты. Тебе всего лишь нужно в подробностях вспомнить вчерашний вечер. И все. Давай попробуем, хорошо?

Кивнула:

– Да.

– Ну вот и прекрасно. Это будет вроде теста, где ты знаешь все верные ответы и никак не можешь ошибиться. Так пойдет?

Едва заметная улыбка. Крошечный шаг к расслаблению.

А мне нужно, чтобы Элисон расслабилась и успокоилась, прежде чем я выложу перед ней фото. Именно этого я и добивался вопросами к Джемме и Орле: успокоить и отвлечь, а потом резко вытолкнуть из этого состояния.

Элисон выдала мне ту же самую историю, но из нее приходилось выуживать ее по кусочкам и клочкам, как играть в бирюльки: вытащил не ту, обрушил хрупкую конструкцию – ты проиграл. Рассказывая, она опять вся подобралась и зажалась. И не поймешь, серьезная для того причина, не очень серьезная или вообще нет никакой причины.

Она подтвердила версию Орлы о том, кто и когда выходил из мастерской – Джемма, Орла, она, Джоанна, – причем гораздо более уверенно, чем Орла.

– Ты очень наблюдательная, – похвалил я. – Это как раз то, что нам нужно. Я прямо мечтал, что найдется кто-то вроде тебя, представляешь?

Еще одна улыбка. Еще шаг навстречу.

– Ну а теперь давай ты меня осчастливишь окончательно. Расскажи, что, выходя в коридор, ты поглядела, как там ваше Тайное Место.

– Ну да. Когда я выходила в... На обратном пути посмотрела. – Короткий взгляд на Хулихен. – Только на секундочку. А потом сразу вернулась заниматься проектом.

– О, чудесно. На это я и надеялся. Заметила там новые записки?

– Ага. Одна такая с собакой, ну прямо мимими. И еще кто-то написал про... – Нервная ухмылка, прячет лицо. – Ну *вы* поняли.

Я ждал. Элисон ерзала.

– Ну, это... как бы женщина... верхняя часть. *Одетая*, конечно! Не... – Неестественный смехок. – И написано: “Я коплю деньги, чтобы, когда исполнится восемнадцать, купить себе такую же!”

Наблюдательная, да. Качество, часто сопутствующее пугливости. Жертвы хищников опасаются каждого куста и потому всё подмечают.

– И все? Больше ничего нового?

– И все, – покачала головой Элисон.

Если она говорила правду, это возвращало нас к исходной мысли: Орла и Джемма ни при чем.

– Отлично, – сказал я. – Просто замечательно. Скажи, а сама ты когда-нибудь помещала там записки?

Глаза забегали.

– Это совершенно нормально, если ты пользовалась доской объявлений. Она ведь именно для такого и предназначена. Было бы странно, если бы доска пустовала.

Вновь слабая улыбка.

– Ну... да... Всего пару раз. Просто... когда меня что-то тревожило и я не могла об этом поговорить, я... Но это было давным-давно. Приходилось действовать очень осторожно, и потом я каждый раз так боялась, что кто-нибудь догадается, что это я, и разозлится, что я повесила записку, вместо того чтобы рассказать ей. И поэтому я перестала. И все свои записки сняла.

Кто-нибудь. Девушка из ее компании, которой боится Элисон.

Она расслабилась практически максимально, как смогла. То есть не особенно.

– А это тоже одна из твоих записок? – осторожно спросил я.

Фотография. Элисон ахнула. Прижала свободную ладонь ко рту. Пронзительное верещание сквозь пальцы.

Страх, но не могу понять какой. Страх, что ее застукали, что где-то неподалеку бродит убийца, что кто-нибудь знает, кто это, а может, просто рефлекторная реакция на любое потрясение – поди разбери. *Впадает в ступор от всего, чтоб ее*, сказала Конвей. Элисон вся потускнела и стала какой-то непрозрачной и размытой, как ветровое стекло под дождем.

– Это ты повесила записку?

– Нет! Нет-нет-нет... не я. Честно!..

– Элисон, – мерно, убаюкивающе говорил я. Наклонился, чтобы забрать у нее фотографию, да так и остался. – Элисон, взгляни на меня. Если это сделала ты, в этом нет ничего страшного. Хорошо? Кто бы это ни сделал, он, то есть она поступила правильно, и мы ей очень признательны. Нам просто нужно с ней поговорить.

– Это не я. Не я. Я этого не делала. Пожалуйста...

И все, больше я ничего не добился. Дальнейшее давление ничем не помогло бы, разве что похерило мой следующий шанс, равно как и этот.

Конвей выступила из своего угла, все еще стараясь не попадаться на глаза. Прощупывала ситуацию.

– Элисон, – сказал я. – Я тебе верю. Мне просто нужно было спросить. Такой порядок. Вот и все. О'кей?

Наконец мне удалось поймать ее взгляд.

– Итак, это не ты. А как думаешь, кто бы мог это сделать? Кто-нибудь из девочек говорил о своих подозрениях насчет того, что случилось с Крисом?

Мотает головой.

– А это может быть кто-то из твоих подруг?

– Вряд ли. Не знаю. Нет. Спросите лучше у них.

Элисон соскальзывала обратно в панику.

– Ну вот и отлично. Это все, что я хотел знать. Ты большая молодчина. А скажи-ка нам вот что: ты ведь знакома с Холли Мэкки и ее подружками, верно?

– Да.

– Расскажи мне о них.

– Они просто чокнутые. *Реально* придурочные.

Плотно обхватила себя руками. Надо же: она боится компашки Холли.

– Это мы уже слышали, да. Но никто так и не смог объяснить, а в чем же их придурочность. Думаю, если кто и сумеет растолковать, так именно ты.

Затравленно смотрит на меня.

– Элисон, – ласково уговариваю я. Я сильный, я защитник, я вживаюсь в образ и становлюсь воплощением ее мечты. Не моргнув глазом. – Расскажи мне все, что знаешь. Никто никогда не узнает, что это ты. Ни одна душа. Клянусь.

И Элисон выдала – наклонившись вперед, прошептала едва слышно, чтобы не дошло до Хулихен:

– Они *ведьмы*.

Что-то новенькое.

Я услышал отчетливое “*Какого хрена?*”, прозвучавшее в голове Конвей.

– Вон оно что, – невозмутимо кивнул я. – Как ты это выяснила?

Краем глаза я заметил, как Хулихен уже наполовину сползла со стула, пытаясь подслушать. Слишком далеко. А ближе подойти нельзя. Едва попытается, ее тут же остановит Конвей.

Элисон задыхалась чаще, возбужденная собственным признанием.

– Раньше они были, ну, нормальные. А потом просто стали *странными*. Все это заметили.

– Да что ты? И когда?

– Ну, где-то с начала прошлого года или года полтора назад.

Еще до Криса; до той вечеринки в День святого Валентина, когда даже Орла заметила неладное.

– Разное говорили насчет того, почему это случилось...

– Например?

– Фигню всякую. Типа того, что они лесбиянки. Или пережили насилие в детстве. Я разное слышала. Но мы-то считали, что они ведьмы.

И взгляд испуганный – на меня.

– А почему?

– Ну, не знаю. Потому что. Просто думали так, и всё. – Элисон съежилась еще больше, будто прятала что-то. – Наверное, я не должна была вам это рассказывать.

Голос упал до шепота. Конвей перестала записывать, чтобы не заглушать звук. Я не сразу допер: Элисон решила, что только что навлекла на себя проклятие.

– Элисон. Ты правильно поступила, рассказав нам. Это защитит тебя.

Не убедил.

Я чувствовал, как с трудом сдерживается Конвей. Молчит, конечно, как обещала, но очень громко молчит.

– Еще пару вопросов. Ты встречаешься с кем-нибудь?

Алая волна румянца, в которой Элисон утонула. Глухое бормотание, слов не разобрать.

– Повтори, пожалуйста?

Мотает головой. Сжимается почти в комок, глаза утыкаются в коленки. Элисон уверена, что я сейчас начну тыкать пальцем и ржать над ней, потому что у нее нет парня.

– Не встретила нормального парня, да? – сочувственно улыбнулся я. – Молодчина, это правильно, лучше подождать. Полно времени еще.

Опять бормотание.

Я все же спросил – да пошла она, эта Конвей, у нее свои вопросы, а у меня свои:

– Если бы ты рассказывала о Крисе и надо было выбрать что-то одно, самое важное, что бы ты выбрала?

– А?.. Да я его почти не знала. Может, спросите остальных?

– Спрошу, конечно. Но у тебя талант, ты очень наблюдательная. И мне любопытно, что запомнилось тебе.

На этот раз улыбка автоматическая, рефлекторный спазм в ответ на раздражитель, без всяких чувств.

– На него обращали внимание, – сказала Элисон. – Не только я, его все замечали.

– С чего бы?

– Он был... в смысле, был *такой* красавчик. И везде первый – регби, баскетбол. И общительный такой, веселый. И еще я однажды слышала, как он поет, очень хорошо, по-настоящему классно, и ему все говорили, что надо участвовать в телешоу... Но не только в этом дело. Он был... заметнее, что ли. Его как бы было больше, чем прочих. Вот как быходишь в комнату, где веселятся пятьдесят человек, а видишь только Криса.

И что-то тоскливое в голосе, в повисших веках. Джемма была права: Криса любили все.

– Как ты думаешь, что же все-таки произошло?

Элисон опять скукожилась.

– Не знаю.

– Понимаю, что ты не знаешь. Это нормально. Я спрашиваю о твоих соображениях. Ты же мой наблюдатель номер один, помнишь?

Призрак улыбки.

– Все говорили, это садовник.

Никаких собственных мыслей, или просто уходит от вопроса.

– Ты тоже так думаешь?

Пожимает плечами, не глядя на меня:

– Наверное.

Я держал паузу, сколько мог. И она тоже. Ну, значит, это все, чего я добился.

Визитка, предложение звонить, улыбка. Элисон ринулась к выходу, как будто в комнате пожар. Хулихен засемила следом.

– Эту пока оставляем в разработке, – решила Конвей.

Глядя на дверь, не на меня. Я не уловил, точно ли она имела в виду: *ты облажался*.

– Да если бы я продолжал давить, все равно ничего толкового не вышло бы. У нас хотя бы установился контакт. В следующий раз, если придется еще беседовать, можно будет продвинуться дальше – возможно, и результат будет.

Конвей искоса глянула в мою сторону:

– Если придется еще беседовать.

И сардоническая ухмылка: я, Капитан Очевидность, сделал ее день.

– Верно, – спокойно согласился я. – Если.

Конвей перевернула страницу в своем блокноте.

– Джоанна Хеффернан, – провозгласила она. – Джоанна – настоящая сука. Наслаждайся.

Джоанна представляла собой усредненный вариант трех предыдущих. Я ожидал чего-то грандиозного, учитывая весь этот хайп. Средний рост. Среднее телосложение. Средняя внешность. Старательно выпрямленные светлые волосы, автозагар, выщипанные брови. На Тайное Место не оглянулась.

И лишь манера подать себя – бедро чуть в сторону, подбородок чуть прижат, брови чуть приподняты – говорила: *ну, удиви меня. Я здесь босс*.

Джоанна хотела, чтобы я подумал – нет, признал, – что она важная фигура.

– Джоанна, – для нее я поднялся навстречу, – я Стивен Моран. Спасибо, что пришла.

Мой акцент. *Тррр*, стремительно перелистнула картотека Джоанны. Меня выкинули в нижний ящик. Презрительное трепетание век.

– А что, у меня был выбор? И кстати, мне действительно *было чем заняться* в течение последнего часа. У меня были дела гораздо важнее, чем торчать тут под кабинетом, умирая от скуки, и не иметь возможности даже *поболтать*.

– Прости, пожалуйста. Мы вовсе не хотели заставлять тебя ждать. Если бы я знал, что беседы с девочками затянутся так надолго... – Я подвинул ей стул. – Прошу тебя, садись.

Скривила губы в сторону Конвей: *а, это ты*.

– Итак, – сказал я, когда мы уселись, – у нас к тебе несколько обычных вопросов. Мы побеседуем еще со многими, но мне крайне важно услышать именно твои соображения. Они могут принципиально изменить положение дел.

Почтительно. Сложив ладони. Как перед Принцессой Всей Вселенной, оказавшей нам честь.

Джоанна внимательно изучала меня. Блеклые светло-голубые глаза, немножко слишком большие. Редко мигающие.

И наконец кивнула. Величественно, снисходя до меня.

– Спасибо, – обрадовался я. Широкая улыбка смиренного слуги. Периферическим зрением углядел, как дернулась Конвей, – вероятно, попытка сдержать рвоту.

– Если не возражаешь, давай начнем со вчерашнего вечера. Не могла бы ты просто описать его в подробностях начиная с первого учебного периода?

Джоанна изложила все ту же историю. Медленно и отчетливо, простыми словами, понятными для плебса. И – Конвей, царапавшей что-то в блокноте:

– Успеваете? Или мне говорить помедленнее?

Конвей расплылась в ослепительной улыбке:

– Если мне что-нибудь потребуется, ты тут же узнаешь. Не сомневайся.

– Спасибо, Джоанна, – вмешался я. – Это очень любезно с твоей стороны. Скажи, когда вы работали здесь, ты не заглядывала к Тайному Месту?

– На секунду буквально, когда выходила в туалет. Проверить, не появилось ли чего-нибудь любопытного.

– И как?

– Все та же прежняя чушь, – пожала плечами Джоанна. – Тоска.

Ни лабрадора, ни сисек.

– А там есть твои записки?

Взгляд мельком в сторону Хулихен.

– Нет.

– Уверена?

– В смысле?

– Я спрашиваю только потому, что одна из твоих подруг говорила, что раньше ты туда иногда писала.

Глаза похолодели.

– И кто это сказал?

Смущенно развожу руками:

– Я не могу раскрыть эту информацию, прости.

Джоанна задумчиво пожевывала губами, от чего лицо ее несколько перекосило. Кому-то достанется.

– Если она сказала, что это делала я одна, то наврала. Мы все этим занимались. И давно всё отсюда убрали. Ну послушайте, ну что за ерунда. Вы так говорите, будто речь идет о чем-то серьезном. Мы просто развлекались.

Конвей была права: вранья на этой доске не меньше, чем секретов. Маккенна повесила ее ради своих целей, а девчонки используют для собственных.

– Ну а что насчет этого? – Фотографию ей в руки.

Уронила челюсть. Отшатнулась. Заверещала “О господи!”. Прижала ладонь ко рту.

Чертовски фальшиво.

Но это ничего не значит. Есть такие люди – всё, что они ни делают, кажется лживым. Не потому что они записные лжецы, просто не умеют говорить правду. И у тебя нет способа отличить настоящую ложь от притворной.

Мы подождали, пока она иссякнет. Быстрый взгляд на нас в промежутке между истеричными завываниями – убедиться, что мы потрясены.

– Ты повесила эту записку в Тайном Месте?

– Я? Вы что? *Нет!* Ну вы что, не видите, что я практически *в шоке*?

Рука прижата к груди. Часто, взволнованно дышит. Мы с Конвей с интересом наблюдаем. Хулихен завожилась на стуле. Что-то прощелкала.

Конвей, не оборачиваясь:

– Сидите спокойно. Она в полном порядке.

Джоанна метнула убийственный взгляд на Конвей. Но задышаться перестала.

– Может, просто для смеха? Если да, то ничего страшного. Ты же не под присягой даешь показания. Мы просто хотели выяснить, и все.

– Я уже сказала. Нет. Понятно?

Если она меня отфутболит, прощай, мой шанс исключить всех, кроме одного подозреваемого, услышать щелчок открывшегося замка.

Джоанна смотрела на меня, как на дерьмо, прилипшее к подошве. Еще миг – и меня вышвырнут в ту же помойку, что и Конвей.

– Абсолютно, – согласился я. Забрал фотографию, убрал подальше, как будто ее и не было. – Просто на всякий случай спросил. А кто из твоих друзей это сделал, по-твоему?

Что-то блеснуло в глазах Джоанны, на этот раз настоящее. Негодование, ярость. И тут же погасло.

– Не-а. – Погрозила пальчиком. Улыбнулась. – Никто из них не мог этого сделать.

Уверена на сто процентов. *Они не осмелились бы.*

– Тогда кто?

– А что, это моя проблема?

– Нет, конечно. Но ты держишь палец на пульсе школы и знаешь обо всем, что происходит. Если кто-то и обладает стоящей информацией, то именно ты.

Удовлетворенная улыбка, Джоанна получила полагающиеся ей почести. Я в ее свите.

– Если это сделал кто-то, кто был в школе вчера вечером, тогда точно те, что занимались здесь после нас. Джулия, Холли, Селена и эта, как ее там.

– Правда? Думаешь, им известно, что произошло с Крисом?

– Может, и так, – пожала она плечами.

– Интересно, – веско произнес я, медленно кивая. – У тебя есть серьезные основания так думать?

– Ну, *доказательств* у меня нет. Это по вашей части. Я просто говорю.

– Я хотел бы узнать твое мнение еще по одному вопросу. Любое твое соображение может нам помочь. Как ты думаешь, кто убил Криса?

– А разве это не садовник Петушок? Ну, в смысле, я не знаю, *как его зовут*, но мы все его так называли, потому что ходили слухи, будто он предлагал одной девчонке экстази, если она... – Покосилась на Хулихен, которая сегодня определенно получила порцию новых знаний в несколько неожиданных областях. – То есть я не знаю, извращенец он или просто наркодилер, но в любом случае – *фффуууу*. Я думала, вы в курсе, что это он, просто у вас доказательств не хватило.

Та же история, что с Элисон: может, и впрямь так думает, а может, это просто ширма.

– И ты полагаешь, у Холли и ее подружек могли быть доказательства? Откуда? Джоанна задумчиво вытянула прядку волос из прически и принялась рассматривать кончики.

– Вы, вероятно, считаете, здесь все такие ангелочки, *ни за что* не станут пробовать наркотику. Вот, например, Ребекка – господи, она ведь *сама невинность*, да?

– Я с ней пока не встречался. А они что, употребляют наркотики?

Еще один взгляд на Хулихен. Пожала плечами:

– Я этого не сказала. И я не говорю, что у них были *дела* с Петушком. – Презрительная усмешка. – Я просто говорю, что они ненормальные и нельзя понять, *на что* они способны. И только.

Она бы с наслаждением играла в эту игру весь день, с невинным видом бросая намеки, – это как пернуть и тихонько отойти в сторонку, типа воняет не от меня.

– Расскажи мне о Крисе что-нибудь одно, – решительно предложил я. – Выбери, что тебе кажется самым важным.

Джоанна задумалась – что-то очень неприятное появилось в изгибе ее губ – и как по заказу произнесла:

– Мне не хотелось бы говорить о нем дурно.

Любуется мною из-под ресниц.

Я наклонился вперед. Суровый, сосредоточенный, брови сведены в линию, когда я сверлю взглядом юную благородную девушку, хранящую тайну, которая может спасти мир. Низким густым голосом:

– Джоанна. Я знаю, ты не из тех, кто дурно отзывается о покойных. Но сейчас истина важнее милосердия. В жизни бывают такие моменты.

Я практически слышал, как зазвучал саундтрек. Конвей за моей спиной едва сдерживала ржание.

Джоанна глубоко вдохнула. Собиралась с духом, готовясь отважно принести собственную совесть на алтарь правосудия. Ложь и фальшь висели в воздухе, и вся эта история казалась грандиозной фальшивкой, а Криса Харпера будто вообще выдумал лично я.

– Крис. – Тяжелый вздох. Немного печали, немного сожаления. – Бедный Крис. Для такого очаровательного парня у него был исключительно дерьмовый вкус.

– Ты имеешь в виду Селену Винн?

– Вообще-то я не хотела называть никаких имен, но раз уж вы все равно знаете...

– Дело в том, что никто не видел, чтобы Крис и Селена вели себя как обычная парочка. Не целовались, не держались за руки, никуда вдвоем не ходили. Почему ты думаешь, что они встречались?

Ресницы затрепетали.

– Мне бы не хотелось говорить.

– Джоанна, я понимаю, ты стараешься поступать достойно, и я высоко ценю это. Но ты должна рассказать мне, что ты слышала или видела. Все до конца.

Джоанне нравилось наблюдать, как я стараюсь. Нравилось чувствовать, что ее информация стоит того. Она сделала вид, что напряженно размышляет, проводя языком по зубам, что ее отнюдь не украсило.

– Ладно, – решила она. – Крису нравилось нравиться девушкам. Понимаете, о чем я? Ну, он вечно пытался заполучить каждую девчонку в зоне видимости, чтобы они все к нему липли. И вдруг внезапно, буквально *в одну ночь*, все меняется, он не замечает никого, кроме Селены Винн. Которая, короче, я не хочу показаться, типа, стервой, я просто говорю откровенно, как есть: в ней ведь ничего особенного, верно? Она, конечно, ведет себя, как будто прям фу-ты ну-ты, но, простите, большинство людей вообще-то не любят... ну, вы понимаете. – Джоанна многозначительно ухмыльнулась и обеими руками очертила в воздухе полную фигуру. – Ну то есть реально, я думала, может, это типа как в дурацком кино, ну, знаете, на спор, ну чтобы поиздеваться, потому что, если бы это оказалось не так, мне было бы *до смерти* неловко за Криса.

– Но все это не означает, что они встречались. Может, он и был в нее влюблен, а она вовсе нет.

– Вот уж не думаю. Если б такой, как она, удалось заполучить Криса, это была бы *безумная* удача. И в любом случае Крис не из тех, кто стал бы терять время, если не может немедленно получить что хочет. Если вы понимаете, о чем я.

– Но зачем им держать это в тайне?

– Ну, может, он не хотел, чтобы знали, что он с *такой*. И я его понимаю.

– Вы именно поэтому не ладите с компанией Селены? Потому что у нее был роман с Крисом?

Прокол. Опять это пламя в глазах Джоанны, холодное и яростное настолько, что я едва не отшатнулся.

– Э, *простите*? Мне было абсолютно все равно, что Крис Харпер сохнет по бегемотихе. Я считала это забавным, но и только, а вообще это *никак не мои* проблемы.

Я судорожно закивал: да, понял, уяснил, знаю свое место, больше не буду таким дерзким мальчиком.

– Да, конечно. Это разумно. Но отчего тогда вы не ладите?

– Потому что нет закона, что мы обязаны *ладить* со всеми. Потому что я действительно разборчива насчет того, с кем общаться. С придурками и уродами? Нет уж, спасибо.

Маленькая сучка, точно такая же, как маленькие сучки из моей школы, да из каждой школы, чего уж. Десяток на пенни, дешевки за полцены, по всему свету полно таких дешевок. И с чего вдруг меня тошнит именно от этой?

– Понятно. – Я лыбился, как псих.

– У тебя есть парень? – не выдержала Конвей.

Джоанна помедлила. Немного – *Мне слышалось?* – и неторопливо обернулась к Конвей.

Конвей улыбалась. Совсем не мило.

– Э-э-э, простите, но это моя личная жизнь.

– Я думала, ты стремишься помочь в расследовании.

– Верно. Но не понимаю, какое отношение к расследованию имеет моя *личная жизнь*.

Не потрудитесь объяснить?

– Не-а, – отрезала Конвей. – И не подумаю. Тем более что я в любой момент могу просто пойти в Колм и все выяснить там.

Я удвоил дозу сочувствия.

– Ну что вы, детектив, и помыслить невозможно, что Джоанна может нас вынудить так поступать. Особенно теперь, когда она понимает, насколько существенной для нас может оказаться любая информация, которой она владеет.

Джоанна обдумала услышанное. Нацепила опять свое благородное добродетельное лицо. Мне, благосклонно:

– Я встречаюсь с Эндрю Муром. Его отец Билл Мур – возможно, вы слышали.

Девелопер, из тех, про которых в новостях рассказывают, что они одновременно банк-роты и миллиардеры. Я изобразил нужный уровень восхищения.

Джоанна взглянула на часы.

– Хотите еще что-нибудь узнать о моей личной жизни? Или мы наконец *закончили*?

– Пока, – бросила Конвей. И в сторону Хулихен: – Ребекка О’Мара.

Я проводил Джоанну к выходу. Придержал дверь. Посмотрел, как Хулихен с трудом поспевает за Джоанной, которая даже не обернулась.

– И еще одна остается в списке, – констатировала Конвей.

В голосе – ничего. И опять никакой возможности понять: это “*Поднимай ставку*” или как?

Я захлопнул дверь.

– Она ведь прикидывала, не рассказать ли нам кое-что, но не стала. Так могла бы себя вести наша девушка.

– Ага. Или она просто хочет заставить нас думать, что у нее туз в рукаве. Убедить, будто она наверняка знает, что Крис и Селена встречались, или что у них там было, а на самом деле ничего ей не известно.

– Можем вызвать ее еще разок. Надавить.

– Не. Не сейчас. – Конвей наблюдала, как я возвращаюсь на свое место. И угрюмо буркнула: – Классно ты с ней. Лучше, чем я.

– Большой опыт лизания чужих сапог. Пригодился наконец-то.

Покосилась на меня не без иронии, но коротко. Джоанну она отложила на потом, а сейчас идем дальше.

– Ребекка – слабое звено в этой компашке. Робкая до чертиков, вся краснеет и узлом завязывается, стоит только спросить, как ее зовут; громче шепота звуков не издает. Давай надевай свои бархатные перчатки.

Снова звонок, топот множества ног, голоса. Мой обеденный перерыв давно прошел. Я бы приговорил сейчас громадный бургер или что у них тут подают в столовке – небось орга-

нические стойки и руколу. Но ни за что не сознаюсь раньше, чем Конвей. А она, похоже, о еде вообще не думает.

– И поосторожнее с этой компанией, – посоветовала Конвей. – Пока не въедешь в ситуацию как следует. Эти красотки – совсем не то что предыдущие.

8

Ранний ноябрьский вечер. Первые легкие заморозки и запах торфяного дыма. Они вчетвером на своей любимой укромной полянке среди кипарисов балдеют в перерыве между концом уроков и ужином. Крису Харперу (сейчас он где-то там, далеко, за стеной, о нем даже не вспоминают) остается жить шесть месяцев, одну неделю и четыре дня.

Они валяются на траве, лежа на спине и скрестив ноги. На всех теплые худи, шарфы и угли, но пока еще можно обойтись без зимних пальто. Вечереет, однако день не желает уступать место ночи – половина неба окрашена розовыми и оранжевыми тонами заката, а напротив, в темной синеве, висит блеклый диск полной луны. Ветви кипарисов негромко, умиротворяюще шелестят на ветру. Последним уроком была физкультура, волейбол; в расслабленных мышцах приятная усталость. Обсуждают домашнее задание.

– А вы любовные сонеты уже написали? – спрашивает Селена.

Джулия стонет в ответ. Она прочертила на запястье ручкой пунктирную линию и как раз пишет под ней: В СЛУЧАЕ ОПАСНОСТИ РЕЗАТЬ ЗДЕСЬ.

– “А если вам не хватает, как бы это сказать, *опыта* в области, э-э, *романтической* любви, – Холли довольно удачно изображает жеманный оскал мистера Смайта, – то, может быть, любовь ребенка к матери или, эмм, любовь к *Богу* тоже была бы, эмм, была бы...”

Джулия картинно сует два пальца в рот:

– Напишу про водку.

– И тебя отправят на психотерапию к сестре Игнатиус, – говорит Бекка, которая не уверена, шутит ли Джулия.

– Крууууто.

– Я вот застряла, – сообщает Селена.

– Записывай, – предлагает Холли. Она подтягивает ногу, разглядывая потертости на угли. – “Луна, звезда, туман, река, огонь; любовь, морковь, мечта, рука, ладонь”. Готовый пяти-стопный ямб.

– Хренямб, – обрывает ее Джулия. – Спасибо за самый скучный сонет в истории человечества, вот тебе твоя двойка.

Холли и Селена украдкой переглядываются. Последние несколько недель Джулия ведет себя как полная стерва, причем достается всем поровну, так что дело, кажется, не в них.

– *Не хочу* я рассказывать Смайту, кого я там люблю, – продолжает Селена, пропуская мимо ушей колкости Джулии. – Фу вообще!

– Ну напиши про место какое-нибудь, – предлагает Холли. Она облизывает палец и трет пятно, которое постепенно исчезает. – Я вот про бабушкину квартиру написала. И даже не понятно, что про бабушкину, просто про квартиру.

– А я свой просто выдумала, – добавляет Бекка. – Про девчонку, к которой каждую ночь под окно приходит лошадь, а она вылезает и катается на ней.

Она расфокусирует взгляд, и луна в небе двоится, превращаясь в два прозрачных, перекрывающих друг друга круга.

– А любовь тут при чем? – удивляется Холли.

– Ну, она любит лошадь.

– Развратненько, – ухмыляется Джулия. У нее пищит телефон. Она вынимает его из кармана и подносит к лицу, жмурясь от бьющего в глаза закатного солнца.

Случись это часом раньше, они как раз стаскивали бы с себя потную спортивную форму в своей комнате, переодевались, напевали Эми Уайнхаус, решали бы, стоит ли идти через дорогу смотреть, как мальчишки играют в регби. Часом позже были бы в столовой, тянулись через подносы, подбирая кончиками пальцев последние крошки кекса. И ни одной из них не пришлось

бы столкнуться с неведомым – иным, чуждым, жизнью и смертью, яростно и неудержимо несущимся рядом и лишь на кратчайшее мгновение отстоящим от привычного им мира. Вокруг школы повсюду группы девчонок, веселых, сияющих, переполненных суматошной, неразборчивой, но взаимной любовью и привязанностью; никто из них не почувствует той неотвратимой силы, когда стрелка на путях переключается и их уносит в иное пространство. Много позже, когда Холли вспоминает тот вечер, когда мысли приходят в порядок, а сумбурные ощущения складываются в ясную картинку, ей кажется, что можно, наверное, сказать, что Криса Харпера убил Маркус Уайли.

– Может, напишу про какие-нибудь цветочки, – заключает Селена. Она вытягивает прядь волос, расправляет ее перед глазами – золотую паутинку, пронизанную последними лучами заходящего солнца, – и смотрит сквозь нее на деревья. – Или котятков. Думаете, ему не без разницы?

– Кто-нибудь наверняка напишет про *One Direction*⁸, – задумчиво говорит Холли.

– А-а-а! – вскрикивает вдруг Джулия, неожиданно и громко, зло, с отвращением. Остальные приподнимаются на локтях.

– Что случилось? – спрашивает Бекка.

Джулия запикивает телефон обратно в карман, складывает руки за головой и смотрит в небо. Ноздри у нее раздуваются, она дышит быстро и глубоко. И стремительно краснеет. А Джулия никогда не краснеет.

Остальные переглядываются. Холли ловит взгляд Селены и слегка кивает в сторону Джулии: *видела, что там?..* Селена едва заметно качает головой.

– Ну давай, чего там? – не выдерживает Холли.

– Маркус Уайли – полный мудака, вот что. Еще вопросы будут?

– Ну, блин, это мы и так знаем, – фыркает Холли. Но Джулии, похоже, не смешно.

– А что такое “мудак”? – спрашивает Бекка.

– Лучше тебе не знать, – отвечает Холли.

– Джули, – мягко начинает Селена. Она переворачивается на живот и оказывается рядом с Джулией. Ее блестящие волосы в беспорядке, в них запутались травинки и кипарисовые иголки, а худи замялось складками на спине. – Что он сказал?

Джулия отодвигает голову от Селены, но отвечает:

– Ничего он не *говорил*. Прислал фотку своего члена. Потому что он гребаный мудака. Все? Давайте уже вернемся к сонетам.

– О господи! – выдыхает Холли.

Селена изумленно округляет глаза:

– Серьезно?

– Нет, блин, шутки у меня такие. Конечно, серьезно.

Закатный свет вдруг становится гнетущим.

– Но ведь... – озадаченно произносит Бекка, – вы ведь даже толком не знакомы.

Джулия вскидывает голову и смотрит на нее оскалившись, как будто вот-вот набросится, но Холли вдруг начинает смеяться. Через секунду к ней присоединяется Селена, и наконец Джулия с хохотом опускает голову обратно на траву.

– Что? – озадаченно спрашивает Бекка, но их уже не остановить, вся троица бешено хохочет.

– Да ты так это сказала! И *лицо* такое! – сквозь смех отвечает Холли. – “Вы же не были друг другу *представлены*, милочка, отчего бы, *ради всего святого*, юный джентльмен стал делиться с вами изображением своего друга?”

Услышав карикатурный британский акцент, Бекка краснеет и начинает хихикать.

⁸ Англо-ирландская поп-группа, в составе которой четверо симпатичных парней.

– Ведь вы, кажется, даже не пили... чай с... с... огуречными сэндвичами! – восторженно завывает Джулия.

– А хрен, как известно, можно подавать только *после* сэндвичей, – всхлипывая, с трудом выдавливает Холли.

– О господи, – вздыхает Джулия, вытирая глаза, когда смех наконец стихает. – Бекси, детка, что бы мы без тебя делали.

– Не *так уж* это смешно, – говорит, улыбаясь, все еще пунцовая и отчасти смущенная Бекка.

– Наверное, – легко соглашается Джулия. – Но дело не в этом.

Она приподнимается на локте и роется в кармане в поисках телефона.

– Дай посмотреть. – Холли садится и подползает поближе к Джулии.

– Я хочу удалить.

– Вот и давай сначала поглядим.

– Ты извращенка.

– Я тоже! – радостно добавляет Селена. – Если ты будешь психологически травмирована на всю жизнь, мы тоже хотим поучаствовать.

– Да господи, что вы как педики, – говорит Джулия. – Это картинка с членом, а не упражнение для тимбилдинга.

И все же начинает искать фотографию.

– Бекс, – зовет Холли, – ты идешь?

– Фу, нет! – Бекка отворачивается, чтоб не увидеть даже краешком глаза.

– О, вот оно. – Джулия нажимает “открыть”.

Холли и Селена наклоняются поближе. Джулия притворяется, что смотрит, но на самом деле ее взгляд устремлен куда-то мимо телефона, в окружающие поляну тени. Селена чувствует, как ее спина напрягается, и приникает теснее к подруге.

Они не хихикают и не визжат, как в тот раз, когда решили посмотреть кое-что в Сети. Там все было какое-то пластиковое, ненатуральное, как Барби, представить невозможно, чтоб к такой штуке с другого конца крепился нормальный живой парень. Этот был совсем другой – меньше, нагло торчащий, как толстый средний палец, грозящий им откуда-то из гущи темных курчавых волос. Они почти чувствовали его запах.

– Если бы у меня была такая фигулька, – спокойно говорит Холли, – я бы не стала ее лишний раз демонстрировать.

Джулия даже не поднимает глаз.

– Напиши ему, – предлагает Селена. – Типа “извини, не вижу, чего там, слишком маленькая картинка”.

– И получить в ответ крупный план? Ага, спасибо. – Но все же Джулия усмехается.

– Подходи, Бекс, – зовет подругу Холли. – Никакой опасности, разве что у тебя при себе микроскоп.

Бекка улыбается, наклоняет голову и отрицательно мотает, и все это одновременно. Колкая трава приминается у нее под ногами.

– Ну, – перебивает их Джулия, – если вы, извращенки, уже насмотрелись на мини-член... – Она выразительно, с размаху, нажимает “удалить” и машет телефону пальчиками: – Пока-пока.

Короткий писк, и картинка исчезает. Джулия убирает телефон в карман и снова ложится. Холли и Селена возвращаются на свои места, думают, что бы сказать, и ничего не придумывают. Луна становится ярче, а небо темнее.

Через какое-то время Холли нарушает повисшую на полянке тишину:

– А знаете, где Клиона? В библиотеке, ищет, откуда бы спереть сонет, которого Смайт не знает.

– Спалится, – убежденно говорит Бекка.

– Как обычно, – поддерживает ее Селена. – Не проще самой написать?

– Ну, типа да, – соглашается Холли. – Она вечно тратит кучу сил, чтобы чего-то не делать, хотя гораздо проще было бы тупо сделать, и все.

Они оставляют паузу для Джулии. Но та молчит, и пауза затягивается. А потом и весь разговор затягивает в эту паузу, и он растворяется.

А вот фотография никуда не делась. Ее едва уловимый противный запах висит в воздухе. Бекка дышит неглубоко, ртом, и запах как будто покрывает ее язык мерзкой пленкой.

Неожиданно Джулия спрашивает, уставившись в акварельное небо:

– Почему парни считают меня шлюхой? – И опять начинает краснеть.

– Никакая ты не шлюха, – успокаивает ее Селена.

– Ну, блин, я-то *знаю*. Они-то почему ведут себя так, словно я потаскуха?

– Да потому что им бы этого очень хотелось, – говорит Холли.

– Им этого от каждой хочется. Но вам фотографии членов не присылают.

– Это ведь недавно началось, – ежится Бекка.

– С тех пор как я целовалась с Джеймсом Гилленом?

– Да нет. Мало ли кто с кем целуется, все так делают, и всем пофиг. Еще раньше, когда ты начала тусоваться с Финном и Крисом и всей этой компанией. Шутишь с ними, говоришь всякое такое...

Она замолкает. Джулия смотрит на нее с удивлением:

– Что за хрень ты несешь?

Но Холли и Селена кивают: до них тоже наконец доходит, и все становится на свои места.

– Вот, – подчеркивает Селена. – Вот именно такое ты и говоришь.

– То есть они, типа, хотят, чтоб я была жеманной лицемерной стервой, как Хеффернан, которая разрешает Брайану Хайнсу трахнуть себя пальцами на Хеллоуин, потому что у него есть выпивка, но вся прям в обморок падает от ужаса, если кто пошутит похабно? И типа тогда они меня будут *уважать*?

– Типа того, да, – подтверждает Холли.

– Ну и в жопу тогда. В жопу их. Не буду. – Голос звучит грубо, и она как будто разом стала старше.

Редкие облака скользят по лунному диску, так что кажется, что это луна несется по небу или что мир переворачивается.

– И не надо, – соглашается Селена.

– Ага, а надо дальше тупо терпеть. Отличная идея. Еще гениальные предложения есть?

– А может, дело вовсе и не в этом, – продолжает Бекка, уже жалея о сказанном. – Может, я не права. Может, он вообще хотел написать кому-нибудь с похожим именем, Джоанне, например, а тебе отправил по ошибке...

– Когда я целовалась с Джеймсом Гилленом... – начинает Джулия. Вокруг сгущается темнота, и ее голос тоже мрачнеет. – Он пытался засунуть руку мне под лифчик, так? Я, в принципе, была к этому готова. Не знаю, чего они так заиклены на сиськах, грудью их мало кормили, что ли?

Она не смотрит на остальных. Облака несутся по небу все быстрее, и луна вместе с ними.

– Ну и поскольку мне ни фига не надо, чтоб меня щупал Джеймс Гиллен, и целуюсь-то я с ним только потому, что он в принципе ничего, а мне нужна практика, я ему и говорю: “О, смотри-ка, это, кажется, твое” – и возвращаю ему его мерзкую потную ручонку. А Джеймс, как настоящий джентльмен, решает, что самое правильное в этой ситуации – прижать меня с размаху к забору, типа *реально* толкнуть, не легонечко там, а по-настоящему прижать и вернуть руку на место. И выдать что-то такое жутко предсказуемое типа “да тебе же нравится, не строй из себя целку, да все про тебя знают” и бла-бла-бла. Прекрасный, блин, принц, да?

Воздух вокруг них неожиданно становится одновременно ледяным и обжигающе горячим.

Им всем твердили десятки раз – на жутко неловких уроках и в жутко неловких разговорах с родителями, – когда необходимо обратиться к взрослым. Сейчас ни одной из них это даже в голову не приходит. То, о чем они говорят сейчас, не имеет никакого отношения к обстоятельным осторожным лекциям. Странное сочетание ревущей ярости и всепоглощающего стыда, отвратительное осознание, что их тела принадлежат теперь другим людям, чужим рукам и глазам, а не им самим, – это нечто новое.

– *Говна* кусок, – сквозь зубы цедит Холли, сердце колотится как бешеное, а дыхание сбивается. – Скотина мелкая. Чтоб он сдох от рака.

Селена вытягивает ногу так, что ее ступня касается ступни Джулии. В этот раз Джулия отдергивает ногу.

– А что ты сделала? А он не?.. – спрашивает Бекка.

– Дала ему коленом по яйцам. Кстати, если кому интересно, реально работает. А когда мы вернулись в школу, отмывалась в душе хрен знает сколько.

Они помнят тот случай. Никто тогда не связывал это с Джеймсом Гилленом (Джулия походя бросила, мол, *не стоило и заморачиваться, все равно как с лабрадором целоваться*). Теперь, в свете услышанного, все кажется очевидным и ясным, как пощечина.

– И вот не знаю, как вас, но меня вдруг посетила гениальная догадка, что Джеймс Гиллен не стал рассказывать остальной компании из Колма, что в тот день он получил только разбитую мошонку, а начал трепаться, что я, мол, шлюха ненасытная и похотливая. И вот почему Маркус, мать его, Уайли считает, что я буду в восторге от фотки его члена. И так оно и будет продолжаться, да?

– Да они забудут. Уже через пару недель... – неуверенно начинает Селена.

– Нет. Не забудут.

Тишина и внимательно смотрящая на них луна. Холли мечтает, как бы вывести какой-нибудь мерзкий секрет про Джеймса Гиллена и рассказать всем, чтобы все начинали ржать, едва его увидят, и он в итоге покончил бы с собой. Бекка старается придумать, как подбодрить Джулию – шоколад, забавные стишки... Селена представляет старую пожелтевшую тетрадь, исписанную каллиграфическими строками, негромкое рифмованное песнопение, пучок трав и запах паленых волос; и сияние, окружающее их четверых, делающее их неуязвимыми. Джулия разглядывает облака, похожие на разных зверей, и вонзает ногти в землю, прямо сквозь дерн.

У них нет оружия против этого. Мир избит и изранен, пульсирует черно-белым и вот-вот рассыплется.

Прерывает молчание Джулия, решительно и зло, словно с грохотом захлопывает дверь:

– Пальцем не прикоснусь ни к одному парню из Колма. Никогда.

– Это все равно как сказать, что вообще с парнями общаться не будешь, – возражает Холли. – Мы только с ребятами из Колма и пересекаемся.

– Значит, никаких парней вплоть до колледжа. Пофиг. Лучше так, чем ждать, пока еще один придурок расскажет всей школе, какие у меня сиськи на ощупь.

Бекка опять краснеет.

Селена будто слышит звон, легкое *динь!* серебром по хрусталу. Она резко садится:

– Тогда я тоже.

Джулия бросает на нее яростный взгляд:

– Я не выделяюсь, типа “ах, мои нежные чувства задеты, поэтому отныне никаких мужиков”. *Я серьезно.*

– Я тоже, – отвечает Селена спокойно и уверенно.

Днем все было бы иначе. Днем на улице или в комнате с электрическим освещением им бы и в голову такое не пришло. Бессильная, сдерживаемая ярость пустила бы корни. Пятно въелось бы, стало вечным клеймом.

Ветер разгоняет облака, и сверху льется, спиралью закручиваясь вокруг них, чистый лунный свет.

– Я тоже, – говорит Бекка.

Джулия приподнимает бровь в шутливом сомнении. Бекка не знает, как объяснить, что для нее это важно, что, если бы могла, она принесла бы в центр их круга самую грандиозную ценность в мире и сожгла бы ее дотла, чтобы они поняли; но тут Джулия улыбается и подмигивает ей.

Взгляды устремлены на Холли. Она вспоминает отца, его усмешку, когда пытаешься добиться от него прямого ответа: никогда не связывай себя обещаниями, если не уверена, что сможешь их сдержать, и даже тогда не надо.

Три ярких светящихся силуэта на фоне темных деревьев: они ждут.

Мягкая тень под подбородком Селены, узкий излом запястья Бекки, опущенный уголок рта Джулии. Холли будет помнить их и в сто лет, когда весь прочий мир сотрется из памяти. Ладони пульсируют и тянутся к подругам. Болезненная спираль закручивается внутри, чувство похоже на жажду, но нет, оно где-то глубоко в груди. Что-то происходит.

– Я тоже, – говорит она.

– Господи, – вздыхает Джулия, – уже слышу: теперь они скажут, что у нас тут лесбийская секта.

– И что? – спрашивает Селена. – Пускай говорят что угодно. Нам-то что?

Тишина. Они впитывают сказанное. Мысли несутся вскачь. Они видят, как Джоанна кривляется и хихикает в “Корте”, пытаясь подцепить очередного парня из Колма, как Орла беспомощно ревет в подушку, после того как Эндрю Мур с друзьями размазали ее по полу, видят, как сами они изо всех сил стараются правильно стоять, правильно ходить, правильно одеваться и правильно говорить, вечно под цепкими взглядами парней, и думают: *никогда никогда никогда больше. Вырваться, как супергерой, разрывающий наручники. Кулаком в морду – и наблюдать, как разлетается на куски.*

Мое тело, мой разум, как я одеваюсь, как я хожу, как говорю – все мое.

Сила этой мысли, гудящей в их головах, ждущей возможности вырваться на свободу, вызывает дрожь до самых костей.

– Будем как амазонки, – говорит Бекка. – Они тоже мужчин избегали, совсем, и их не волновало, что люди подумают. А если парень пытался с ними позволить себе, он... – Пауза, наполненная свистом стрел и потоками крови.

– Но-но! – К Джулии возвращается ее улыбка, настоящая, та, которой посторонние почти никогда не видят. – Расслабьтесь, это же не навсегда. Только до конца школы, пока не сможем встретиться с нормальными человеческими парнями.

До конца школы еще очень много лет, невообразимо много, это случится так не скоро, что, считай, и вовсе не случится. Так что – навсегда.

– Надо пообещать. Принести клятву, – предлагает Селена.

– Ой, да ладно, – возражает Джулия. – Кто вообще так делает...

Но возражает как-то неуверенно, скорее по привычке, и слова улетают в темноту, бестолковые и никем не услышанные.

Селена вытягивает руку ладонью вниз, над травой и невидимыми тропками насекомых.

– Клянусь, – начинает она.

Вверху, во тьме, пищат летучие мыши. Кипарисы склоняются к ним, внимательно, одобритительно смотрят. Их шепот вдохновляет и воодушевляет девчонок.

– Ладно, – присоединяется Джулия. Получается громче, чем она рассчитывала, так громко, что сама пугается; сердце бьется быстро, словно вот-вот приподнимет ее над землей. – Ладно, давайте.

Она кладет свою руку поверх руки Селены. Легкий шлепок разносится по поляне.

– Клянусь.

Бекка – тоненькая ручка, невесомая, как пушинка одуванчика, на руке Джулии – отчаянно с запозданием жалеет, что не стала смотреть на фотографию и не видела того, что видели остальные.

– Клянусь.

И Холли:

– Клянусь.

Четыре руки сплетаются в узел, обернутый лунным светом, пальцы переплетаются, каждая старается дотянуться до всех остальных сразу. Короткий смешок.

Кипарисы вздыхают. Долгий, удовлетворенный вздох. Луна неподвижно висит в небе.

9

Ребекка О'Мара балансировала на одной ноге в дверях художественной мастерской, зацепившись другой за собственную лодыжку. Длинные каштановые волосы, мягкие и волнистые, завязаны в хвост, никаких попыток их выпрямить. Примерно на дюйм повыше Холли; худая – не болезненно, но кусок пищи ей бы не помешал. Ее не назовешь красивой – черты лица еще не определились, – но лишь пока. Большие карие глаза настороженно смотрят на Конвей. На Тайное Место даже не покосилась.

Если у нее проблемы со старой доброй уверенностью в себе, с самооценкой, так сказать, я могу решить. Стать заботливым старшим братом, которому нужна помощь в важном деле, и только она, застенчивая младшая сестренка, может ему помочь.

– Ребекка, да? – спросил я. И улыбнулся, не слишком широко, спокойно и естественно. – Спасибо, что пришла. Садись.

Она не двинулась с места. Хулихен пришлось обогнуть ее, чтобы просочиться в свой угол.

– Это из-за Криса Харпера, да?

В этот раз она не краснела и не путалась, но говорила все равно тихо, почти шепотом.

– Меня зовут Стивен Моран. Холли, наверное, обо мне рассказывала? Она помогла мне с одним делом несколько лет назад.

Вот теперь Ребекка впервые внимательно посмотрела на меня. Кивнула.

Я протянул руку, указывая на стул, она нехотя шагнула вперед. Дерганой походкой подростка, как будто только тяжелые ботинки мешали оторваться от земли. Села, тут же крепко переплела ноги. Вцепилась в подол юбки.

У меня засосало под ложечкой от разочарования. Зная Холли, помня намеки Конвей на *что-то такое там было* и всю хрень про ведьм и ненормальность, я ждал большего. А тут опять Элисон, пачка страхов и комплексов в юбке на вырост.

Я растекся по стулу, как подросток, расставил пошире колени, еще разок улыбнулся Ребекке. На этот раз слегка печально.

– Мне опять нужна помощь. Я хорошо работаю, честно, но иногда мне нужна посторонняя помощь, иначе не справлюсь. И мне кажется, что ты как раз могла бы мне помочь. Попробуешь, ладно?

– Это насчет Криса? – снова спросила Ребекка.

Похоже, стеснительность не мешает ей стоять на своем.

– Я тебе так скажу, я все еще пытаюсь разобраться, в чем тут дело. А что, случилось что-то связанное с Крисом?

Она покачала головой.

– Просто... – показала на Конвей, не выпуская из рук край юбки. Конвей чистила ногти колпачком ручки и даже не подняла голову. – Ну, она же здесь. Я подумала...

– Давай-ка попробуем разобраться вместе, ладно?

Я снова ласково улыбнулся. И получил в ответ пустой взгляд.

– Начнем со вчерашнего вечера. Первый учебный период – где ты была?

Помедлив секунду, Ребекка ответила:

– В общей гостиной четвертого года. Как и все.

– А потом?

– Перерыв. Мы с подругами вышли на улицу посидеть на травке.

Все тот же невыразительный мерный тон, но чуть увереннее. *Мы с подругами.*

– С какими подругами? Холли, Джулией и Селеной, так?

– Да. Ну и с другими. Почти все вышли на улицу. Было тепло.

– А потом начался второй учебный период. Вы занимались здесь, в мастерской?

– Да. С Холли, Джулией и Селеной.

– Как вы получили разрешение? В смысле, кто у кого спрашивал и так далее? Извини, я немного... – я втянул голову в плечи и неловко ухмыльнулся, – не знаком с ситуацией. Не знаю, как тут у вас все устроено.

Опять пустой взгляд. Отлично у меня получается с молодежью, они со мной такие спокойные, любого могу разговорить... Добрый Старший Брат, кажется, близок к провалу.

Конвей пристально изучала собственный большой палец, подняв его к свету. Вся внимание.

– Мы отпрашиваемся у мисс Арнольд, кастелянши. Джулия к ней ходила позавчера, после обеда. Мы хотели пораньше, но было занято, так что пришлось идти вечером. Они не любят, чтобы после занятий в школе толпилось много народа.

– То есть вчера вечером после перерыва вы взяли ключ от двери в школу у тех девочек, которые занимались до вас?

– Нет, передавать его нам не разрешают. Кто за ключ расписывается, тот его и возвращает. Они вернули ключ мисс Арнольд, а мы пришли к ней.

– Кто пришел?

Я успел заметить мелькнувший в лице Ребекки страх – она, кажется, собиралась соврать. Причем без причины, ей ничего вроде бы не грозило, но вот именно в этом она такая же, как все. Конвей все же была права – во всяком случае, насчет этой: врунья. Как минимум, когда напугана, когда ее оторвали от остальной компании, выставили совсем одну в центре внимания.

Но не дура, даже когда напугана. В полсекунды сообразила, что врать смысла нет.

– Я.

Я кивнул, будто ничего не заметив.

– А потом вы пошли в художественную мастерскую. Все вчетвером, так?

– Да.

– И чем занимались?

– У нас проект. – Она выпростала одну руку из складок юбки и показала на стол у окна: что-то довольно крупное, накрытое заляпанной краской тканью. – Селена писала каллиграфическим почерком, Холли толкла мел для снега, а мы с Джулией делали всякие детали из проволоки. Это наша школа сто лет назад – вроде как и история, и искусство разом. Сложно объяснить.

– Да уж. Пришлось даже после уроков работать, – одобрительно заметил я. – Чья была идея?

Одобрение не помогло.

– Всем приходится тратить дополнительное время на такие проекты. Мы и на прошлой неделе этим занимались.

Когда, возможно, кому-то и пришла в голову некая блестящая мысль.

– Да? А кто предложил поработать вчера вечером?

– Не помню. Но мы же все понимаем, что проект надо закончить.

– И вы так и сидели здесь до конца, до девяти? Или кто-нибудь выходил?

Ребекка оставила юбку в покое и затолкала руки под себя. Я засыпал ее вопросами, а она держалась так же бдительно, становясь все сдержаннее и осторожнее, но это была эдакая общая, “ковровая” осторожность, по любому поводу; она не знала, от чего именно защищаться. Если я не полный идиот, а она – не гениальная актриса, ничего она не знает про карточку с фотографией.

– Если только на минутку.

– Кто и куда?

Тонкие черные брови нахмурены. Карие глаза заматались от меня к Конвей и обратно.

Конвей обводила ручкой рисунки на столе. Я ждал.

– А что? – спросила Ребекка. – Зачем вам это?

Я промолчал. Ребекка промолчала в ответ. Эти тонкие, неловко торчащие локти и коленки в конечном счете не такие уж хрупкие.

То ли Конвей сильно недооценила ее, то ли девочка очень изменилась за минувший год. Не было у Ребекки проблем с уверенностью в себе, ей не нужен был ни я, ни кто-либо иной, чтобы осознавать себя личностью. Это вам не Элисон и не Орла. Я выбрал неправильную тактику.

Конвей подняла голову и пристально смотрела на меня.

Я плюнул на все эти подростковые ужимки, выпрямился, наклонился вперед, сложив ладони. Взрослый человек обращается к взрослому человеку.

– Ребекка, – начал я, прямо и серьезно. – Есть вещи, о которых я не могу тебе сообщить. Но я все равно буду задавать тебе вопросы, пока ты не расскажешь мне все до мельчайших деталей. Понимаю, это нечестно. Но если Холли обо мне говорила, надеюсь, она объяснила, что я не буду обращаться с тобой как с идиоткой или младенцем. Если я смогу ответить на твои вопросы, отвечу. Окажи мне такую же услугу. Согласна?

Когда берешь верный тон, это сразу понятно. Подбородок уже не торчал упрямо, а настояженность отчасти превратилась в готовность.

– Ладно, – сказала Ребекка, подумав. – Согласна.

Конвей внезапно перестала играть с ручкой и приготовилась записывать.

– Прекрасно. Так кто выходил из мастерской?

– Джулия возвращалась в нашу комнату за одной старой фотографией, которую мы забыли. Я ходила в туалет. Селена, по-моему, тоже. Холли ходила за мелом – белый кончился, пришлось принести еще. Кажется, из кабинета химии.

– Помнишь, во сколько? И в каком порядке вы выходили?

– Мы все время были в этом здании. Даже с этажа не уходили, кроме Джулии, и ее не было всего пару минут.

– Никто вас ни в чем не обвиняет, – успокоил я. – Я просто пытаюсь выяснить, что именно вы могли увидеть или услышать.

– Мы ничего не видели и не слышали. Никто из нас. Мы включили радио и просто работали над проектом, а потом вернулись в жилое крыло. Все вместе. Если вам интересно.

И все-таки вызов, в самом финале, едва заметная дерзость и вновь вскинутый подбородок.

– И вы вернули ключ мисс Арнольд.

– Да. В девять. Можете проверить.

Проверим обязательно. Вслух я этого не сказал. И достал фотографию.

Взгляд Ребекки притянуло к ней как магнитом. Я держал фото картинкой к себе, пощелкивал пальцем по краешку. Ребекка попробовала вытянуть шею, не двигаясь с места.

– Вчера вечером по пути сюда вы прошли мимо Тайного Места. И когда ходили в туалет, тоже. И потом, по пути обратно. Так?

Вопрос заставил ее отвлечься от фотографии. Широко раскрытые, удивленные глаза, теряется в догадках.

– Ага.

– Вы туда заглядывали?

– Нет.

Я скептически посмотрел на нее.

– Мы торопились! Сначала были заняты проектом, а потом надо было вернуть ключ вовремя. Про Тайное Место даже не вспоминали. А что? – Рука потянулась за фотографией; длинные тонкие пальцы, она будет высокой женщиной. – Это...

– Там ведь вывешивают секреты. Твои среди них есть?

– Нет.

Никаких раздумий, ни секунды паузы. Не лжет.

– Почему нет? У тебя вообще нет секретов? Или ты предпочитаешь ими не делиться?

– У меня есть *подруги*, – ответила Ребекка. – С ними я и делюсь своими секретами. А не со всей школой. Пусть даже анонимно.

Она подняла голову, голос внезапно окреп, зазвучал громко и уверенно, заполняя всю комнату. Она гордилась своими подругами.

– А подруги, конечно, делятся всеми своими секретами с тобой?

Пауза. На долю секунды она замерла с открытым ртом. Потом нашлась.

– Я все про них знаю.

Все тот же звенящий голос, радость. И даже уголки губ приподнимаются в почти улыбке.

У меня перехватило дыхание. Вот оно. Сигнал, которого я ждал. Тревожный огонек. Горит все ярче, разбрасывая вокруг разноцветные искры.

Совсем другое дело, сказала Конвей; совсем не то что компашка Джоанны. Да не то слово, блин.

– И вы храните секреты друг друга. И никогда не разболтаете.

– Нет. Ни за что. Никогда.

– То есть, – продолжил я, – это не твое?

И фото – прямо в руку Ребекке.

Задохнулась, почти всхлипнула, тоненько. Рот испуганно приоткрылся.

– Кто-то вывесил это в Тайном Месте вчера вечером. Это была ты?

Ее как будто затянуло в фотографию. Вопросы она, кажется, не слышала, по крайней мере, дошло до нее не сразу. Потом все же ответила:

– Нет.

Не врёт: сейчас ее на это просто не хватит. Вычеркиваем еще одну.

– А кто?

Ребекка с трудом оторвала взгляд от фотографии.

– Это не мы. Не я и не мои подруги.

– Почему ты так уверена?

– Потому что никто из нас не знает, кто убил Криса.

Она вернула мне фотографию. Конец истории. Выпрямилась, подняла голову и смотрела мне в глаза, не мигая.

– А если бы тебе пришлось угадывать, чьих это рук дело. Вот приперли тебя к стене и требуют, чтоб угадала. Что бы ты сказала?

– Что угадывать? Кто сделал эту карточку или... про Криса?

– И то, и то.

Ребекка равнодушно пожала плечами, типичный тинейджер, родители от таких жестов по стенкам ходят.

– Когда ты говоришь про своих подруг, понятно, что они много для тебя значат. Правильно?

– Да.

– Рано или поздно все узнают, что вы четверо, возможно, как-то связаны с этой фотографией. Это факт, ничего не поделаешь. Если бы у меня были друзья, которые мне дороги, я бы постарался сделать так, чтобы убийца не заподозрил, что у них есть информация о нем. Даже если для этого пришлось бы отвечать на неприятные вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.